

СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН

ГРАФИКА TULLIO PERICOLI

СТМ

Из Фландрии
с любовью

По другую сторону
оксана

Так страшен кризис...

Рейтинг выбора или
как избежать
бл. «работицы»

«Это был крутой
фестиваль...»

Заметная книжка
президента

ФОТОРЕПОРТАЖ

«Это был крутой фестиваль...»

Ольга Боброва

Как невозможно передать словами весь блеск и настрой бразильского карнавала или испанской корриды, точно так же трудно рассказать о первом международном молодежном фестивале «Интерматрешка-90». Но тем не менее вместе с участниками фестиваля и фотокорреспондентами попытаемся немножко «объять необъятное».

Когда англичане кричали в экстазе восторга, нисколько не уступая в этом многочисленному индейскому племени, а бразильцы свистом, громом аплодисментов и даже ламбадой поддерживали свою команду — только тут я почувствовала:

фестиваль устроен не зря. Непосредственность, раскованность, азарт, кураж — этим дышали в унисон сцена и зал. А это, согласитесь, в наше время редкость. Тем более, если учесть, что в зале находимся наши и зарубежные студенты, которых чем-то удивить, мягко говоря, сложно.

Но тут публика была сражена. И чем?! Нашими русскими песнями, танцами, частушками — короче, нашей русской культурой. Прямо-таки нонсенс! Но нам к чудесам не привыкать. Это им, иностранцам, тяжело пришлось: они такого от нас не ожидали.

— Я уже ничему стараюсь не удивляться у вас в Союзе, — улыбнулась Джорджия, — но «Интерматрешка» меня поразила. Как говорит ваша молодежь, это был крутой фестиваль!

Действительно, итальянку Джорджию Гаравелли ничем «советским» не удивишь. В этом году она заканчивает филологический факультет Туринского университета, специализируется на русском языке, диплом будет писать о Добужинском... Но тут итальянский темперамент не оставил повода для сомнений: Джорджия в восторге. Да и не она одна. Вместе с ней это чувство разделяют девушки из Англии, Голландии, Мексики, Бразилии, Индии. Все они учатся и стажировались в московских вузах.

Девочки чувствуют себя «неформалами», потому что участвовали в неформальном празднике. Ведь фестиваль был посвящен весьма неожиданному «юбилею»: в этом году русской матрешке исполняется 100 лет. А праздновали матрешкин день рождения иностранки, от чего были в диком восторге.

Но это ведь мы довели их до жизни такой. Собственно, что мы им могли предложить в свободное от учебы время? Вечера дружбы, «бурную» деятельность в землячествах?.. Вот скукота-то... А в итоге получалось, что, проучившись в Союзе несколько лет, они знакомы с нашей культурой в музейно-экскурсионном и бытовом вариантах, так и не узнав нас до конца.

Фестиваль «Интерматрешка-

90» был первой попыткой изменить хоть в какой-то мере сложившееся положение. Его организаторами и учредителями стали: журнал «Студенческий меридиан», Союз советских обществ дружбы и творческое объединение «Импресарио Москвы».

А события разворачивались следующим образом. У нас, то бишь в журнале, родилась сама идея фестиваля. Его «крестный отец» и автор сценария писатель-сатирик Владимир Слуцкий. Это тот самый человек, который ведет раздел журнала — «Параллель».

Но идея без денег похожа на цветной сон. И нашему восторгу не было предела, когда заботливой «крестной матерью» стало рекламно-концертное объединение «Импресарио Мо-

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с января 1974 года.
1990, № 11, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редакция:
Виктор Астафьев,
Анатолий Богомолов,
Феликс Волков,
Екатерина Гордеева,
Владимир Грошев,
Егор Исаев,
Анатолий Карлов,
Константин Лебединский,
Ярослав Миксулак
(заместитель главного редактора),
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Александр Сельянов,
Станислав Смирнов,
Людмила Третьякова,
Ольга Чистенкова,
Андрей Шаронов,
Михаил Щипанов

Главный художник
Александр Архутник
Художественный редактор
Константин Кухтин
Технический редактор
Галина Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, «Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 24.08.90. Подп. в печ. 28.09.90. Формат 70×100/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 1 150 000 экз. (1-й завод 500 000 экз.) Заказ 2180. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Сувецкая ул., д. 21.

© «Студенческий меридиан», 1990 г.

сквы», которая и решила взять «младенца» на содержание. Кто-то может подумать, что объединение это сделало сугубо из корыстных целей.

— Это наша благотворительная акция, — говорит директор «Импресарио» Евгений Моспанов. — И хотя мы не такие уж богатые, но подарить студентам-иностранцам фестиваль было приятно. Они зауважали через нашу культуру нас. И не на каком-то высоком правительственном уровне, а на простом, человеческом. Они на какое-то время стали нашими, русскими, но навсегда — друзьями.

Ну а что касается интереса к фестивалю со стороны иностранных студентов, то он без всякого преувеличения был огромным. Кроме перечисленных команд, заявки на участие поступили от девушек США, Канады, Италии, Норвегии, ФРГ... Но рамки фестиваля, к сожалению, не могли охватить всех желающих.

Да и требования к участникам предъявлялись суровые. Нужно было подготовиться к четырем непостижимым для нас, русских, конкурсам: выучить и исполнить несколько народных песен, танцев, скороговорок, ов-

ладеть игрой на ложках, цегельничать в сарафане и кокошнике...

Так, Дебора Форсит из Брестонского университета никак не могла удержать в одной руке сразу несколько ложек. Но уже через пару дней под их деревянный аккомпанемент лихо напевала какую-то английскую песенку.

Матильда Дэккер из Голландии — филолог по образованию. В свободное время танцевала в одном из фольклорных

ансамблей Амстердама. Но и ей нелегко далась четкость в русском танце, как она говорит — «дробушечки».

Самой «певучей» оказалась команда англичан. Они любят народную песню сразу же норвали слезть на несколько голосов. Особенно душевно у них получалась «Величальная». И легкий лондонский акцент придавал ей неповторимый шарм.

Мексиканки превзошли всех

в танцах. Но в плавные и медленные из них они непременно стремились добавить латиноамериканского темперамента. Ничего не поделаешь: иностранная интерпретация нашей культуры. Однако от этого она несколько не проигрывает, становясь понятной и доступной в Рио-де-Жанейро и Лондоне, в Бонне и Калькутте.

Ну а здесь, в Москве, все участницы фестиваля совершили настоящие чудеса. Профессиональных артисток среди них не было. Но с каким эффектом команды преподнесли каждый тур конкурсов!

И тут надо раскрыть небольшую секрет: чудесное превращение обычных студенток в виртуозных актеров произошло не вдруг. В течение нескольких недель с командами проводили репетиции и «разъяснительную работу» режиссер Аркадий Светлов. Ему приходилось неоднократно и терпеливо объяснять, например, что означает «дролечка» или «персты», показывать, как «красны девицы» водят хороводы и надевают кокошники... Любое новое слово вызвало множество вопросов.

Встречался с девушками и наш редактор Юрий Ростовцев. И, надо сказать, каждый разго-

ФОТО ОЛЕГА МИТКИНА

вор преподносил ему очередные неожиданности. Всем без исключения иностранкам учеба и стажировка в Москве, безусловно, дает неплохие дивиденды для их будущей карьеры. Наша столица им тоже нравится. Ну а что касается проблем?..

Вот тут и пошли «сюрпризы». Нет, девушек в меньшей степени волнуют наши очереди и вечная нехватка чего-то, хотя с этим большинство из них столкнулось впервые. Но вот одна студентка из ФРГ привыкла каждый вечер... играть на виолончели. Англичанка — совершать по утрам... конные прогулки. Что ж, тут было над чем поразмыслить нашему редактору (советским студентам и в голову такое не придет: не до того им). Он было воспринял духом, когда норвежка сказала о своем хобби — игре на скрипке (тут еще можно чем-то по-

мочь). Но потом она тихо добавила, что без оркестра она музицировать не может.

Да, вздохнут читатели: нам бы их проблемы... Что ж, поодждем с большим оптимизмом тех времен, когда и у нас останутся проблемы только такого рода.

Ну а теперь расскажу немного о конкурсах «Интерматрешки-90». Первый из них назывался «Визитная карточка». Каждая команда с помощью песен и танцев «рассказывала» о своей стране — одним словом, представлялась.

Не лишено было оригинальности и следующее испытание — «Импровизация». Девушки выступали в разных по жанру русских фольклорных коллективах.

Но, пожалуй, самым зрелищным конкурсом был «Русский сувенир». Каждая команда под-

готовила эстрадно-театрализованый номер — своеобразный подарок из России своим соотечественникам. Это были: самовар, балалайка, разноцветный платок...

Было много сюрпризов и для зрителей. Например, конкурс «Симпатия». Студентки каждой страны отдавали свои «сердца» приглашенным мужчинам в зале, которых потом вызвали на сцену. Музыка, аплодисменты, всеобщий восторг приветствовали избранных «интерматрешек».

Отшумел фестиваль, по Центральному телевидению был показан фильм. Кроме приятных впечатлений, у всех участников осталось множество друзей, у нашего журнала — тоже. Ну а что касается самого фестиваля, то у него появилась перспектива стать традиционным. Проводиться он должен не только у нас, но и за рубежом.

В нем смогут участвовать иностранные студенты, изучающие нашу историю, культуру, русский язык у себя в стране.

Организаторы фестиваля не собираются быть консервативными по отношению и к юношам — участие смешанных или мужских команд вполне допустимо.

Как я уже говорила, фестиваль «Интерматрешка» носил не коммерческий, а скорее благотворительный характер. Поэтому есть идея на его базе организовать ассоциацию студентов, увлекающихся изучением нашей страны, ее обычаев и языка, со своим фондом. Средства этого фонда могут быть использованы довольно эффективно. На них можно проводить самые разные студенческие фестивали, обмениваться группами молодежи, делегациями, устраивать выездные устные выпуски журнала «Студенческий меридиан» в самых разных странах... Все это позволит в ненавязчивой, но интересной форме знакомить иностранцев с нашей культурой, искусством, литературой, народными промыслами.

Словом, в перспективе «Интерматрешка» сможет заложить зерна неформальных отношений и взаимопонимания, которые в недалеком будущем дадут превосходный урожай дружбы. Только бы не помешала засуха или похолодание...

ФОТО ОЛЕГА МИТКИНА

Экономический ликбез?

Работаю преподавателем — страшно сказать — политекономии. Общественное мнение настроено крайне отрицательно к преподаванию общественных наук. И это естественная реакция на длительные засилье идеологии во все и вся, причем идеологии, основные постулаты которой не оправдались и привели страну к кризису. Но тем не менее уверена — общественные науки изучать необходимо.

Газеты пишут о политизации нашего населения. Мне кажется, можно говорить и об «экономизации» — сегодня все стали экономистами. О проблемах экономики рассуждают и в очереди за мясом, и с трибуны съездов. Но как экономиста меня настораживает часто встречающаяся некомпетентность этих страстных рассуждений. Как, например, можно рассуждать о переходе к рынку и не знать, что рынок — это обмен, основанный на законах товарного производства. А главное условие последнего — экономическая обособленность производителя, опирающаяся на частную собственность? Без свободы предпринимательства от рынка останется одно лишь название: так называемый «социалистический рынок»...

Поэтому крайне важен «экономический ликбез» и для студентов...

*Елена Макарова,
преподаватель МАИ*

Что ест студент?

Недавно в одной газете я прочел заметку «Что ест президент?», призадумался и решил изложить свою позицию по этому поводу. Нам, гражданам Советского Союза, непонятно многое, что составляет меню французского президента, в частности «филе тюрбо в муссе», и потому, я думаю, особой зависти оно не вызовет. Но, может, вызовет желание поделиться различными вариантами меню? Предлагаю студентам разных вузов выслать меню своих институтов,

чтобы сравнить их и обобщить. Думаю, получатся интересные выводы. Начать можно с нашего вуза — вот типичное меню из студенческой столовой МЭИ в корпусе «М».

Трест столовых Калининского района
Комбинат питания при МЭИ
Филиал 4

Салат из св. огурца	
со см.	—0—23
Морковь тертая со смет.	—0—06
Яйцо под майонезом	—0—16
Сметана	—0—18
Чай сладкий	—0—03

1-й вариант
Суп горох. с фрикад. —0—15
Гуляш из говяд.
с жар. карт. —0—30
Напиток ябл.-виногр.—0—13
Хлеб —0—02

2-й вариант
Суп горох.
с фрикад. —0—15
Мясо рубл.
с карт. пюре —0—30
Напиток ябл.-виногр.—0—13
Хлеб —0—02

Примечание: к 13.30 уже были вычеркнуты морковь, яйцо и сметана.

Если президенту Франции, чтобы вернуть свои президентские дела, требуется «тюрбо в муссе» или «рябчики в мускатном вине», то студенту МЭИ в период сессии вполне хватает «салата из св. огурца» (с нитратами), «супа горох. с фрикад.» (после которого, извините, на экзамене спокойно не усидеть) и «чая сладкого» (вприкуску с собственным языком).

Надо еще учесть, что в течение учебного года нас кормят еще «лучше». А чтобы не трать перерыв, стоя в очереди, мы предпочитаем столовым буфеты, которые созданы, наверное, только для того, чтобы черствыми пирожками отбить наш «волячий» аппетит, а сладкий чай способствует лишь их скорейшему вымыванию из желудка. В результате голод утоляется ненадолго, и на лекции опять сидишь с пустым желудком.

В конечном итоге почти 6 лет обучения приводят, как показывает опыт «стариков», к широко распространенной болезни студентов — гастриту. К нашему счастью, в институте есть профилакторий. В самом деле, это большое приобретение МЭИ... Но, может, экономически выгоднее нормально кормить студентов, чем создавать для них реабилитационные стационары?

Итак, предлагаю устроить конкурс на лучшее меню и в конце года присудить приз администрации того вуза, которая лучше всех кормит своих студентов.

Стас Хмель, Москва

«Свалить за бугор»...

Нас, двадцатилетних, жалеют: дескать, обманывали нас, обманывали, а потом — бах! — сказали правду и лишили этим всех нравственных основ. Да полно, это еще одна легенда о советской молодежи! Неужели вы думаете, что судьбу простого человека может перевернуть известие, что Брежнев был бездарным руководителем, думающим лишь о своей выгоде, или что не все постулаты марксизма-ленинизма так уж неопоримы, как казалось? Нашу веру «подорвало» другое — нам твердили, будто мы живем в лучшей стране. Мы росли с чувством, что нам сказочно повезло, ведь родились в такой процветающей, справедливой стране, и мы искренне ужасались мыслям, что могли оказаться в Америке.

Мы в институт шли с чувством облегчения: дескать, там бы высшее образование нам не светило — где взять тысячи, чтобы платить за него?!

А сейчас, спустя каких-то пару-тройку лет, уже не только не встретил подобных мыслей, но и процентов 80 молодежи горит одной мечтой — «свалить за бугор!» Было ли это поколение, которое за несколько лет так круто изменило свое отношение к родине? Но чему удивляться, если вместо любви к оте-

честву в нас вращивали гордость, не подкрепленную реальностью. Когда же мы поняли, что справедливости и изобилия — больше по ту сторону океана, то, естественно, решили: «А зачем нам здесь оставаться?»

А уж тем более, что если ты хочешь жить сытно и красиво, то для этого у нас есть только один путь. Наверняка почти не встретишь человека, который бы хоть раз в жизни не спекулировал — зачем продавать дефицитную вещь за номинал, если можно за две-три стоимости? Сколько в одном нашем вузе зарабатывают сотню в день на этом бизнесе! Эти «бизнесмены» обзаводятся в двадцать лет собственными машинами — вон их новые «Жигули» радостно поблескивают у входа, оттесняя старые развалины профессуры. Девочки тоже могут устроиться, если, конечно, «экстерьер» подходящий.

Что остается тем, кто не хочет жить подобным образом? Давайте подумаем, что такое наша стипендия? Даже если и подкинут нам 20—30 рублей. На эту сумму даже пару туфель не купишь! А может нормальная девушка, пускай очень безразличная к шмоткам, быть счастлива без выходных туфель? А без платья? А без джинсов? И наконец, питаюсь одними макаронами с картошкой? А способен двадцатилетний парень чувствовать себя мужчиной, если он свою девушку может пригласить разве что прокатиться на трамлейбусе?

И ведь ничего «не светит» — даже после пяти лет учебы предлагают места с окладом 120—140 рублей. А на каждом углу висят объявления, что требуются уборщицы с зарплатой 250—300. Разве можно сохранить самоуважение, когда любой пьяница или неграмотная старуха получают в два раза больше?

Мы же не виноваты, что всю жизнь маршировали, а не работали.

Анна К., Минск

А может, просто дождь на улице?

Сессию сдала блестяще — и никакого удовольствия, хотя предметы были просто безумными. Все потому, что кругом сплошная липа — никому не нужные ни твои знания, ни ты сам.

А может, просто дождь на улице?

Пишу, чтобы предложить рубрику с названием типа «Клуб деловых». Чтобы люди писали о самых бредовых идеях. Допустим, я будущий бухгалтер (так пророчит университет), а хочу стать как минимум коммерческим директором. Что для этого нужно?

А всего-то — не ходить на лекции по статистике, по финансам («теории золотых Буратино», как мы называем этот предмет) и так далее, а вместо этого погнаться в поисках «иных» переводных журнальчиков. Пришлось мне и английский подтянуть, чтобы почитать «разлагающие» рекомендации школ бизнеса, Стриччерда по теории стоимости и структуре прибыли... Оказывается, капитализм не только эксплуатирует, но еще и привязывают рабочих к их местам так, что те не хотят сами уходить. И безработица — отнюдь не главная причина низкой текучести кадров.

Короче говоря, хочется поделиться размышлениями, поспорить, поискать интересные идеи и решения. Просто пообщаться с коллегами, ведь будущее экономики не только в рынке, но и в наших руках, вернее, головах.

Наташа Устименко, г. Воронеж

Где будем копать?

В одном из номеров «Ст. М.» мне попало на глаза письмо О. Самариной из Москвы («Пять лет — впустую?». Мне приходится встречать людей, которые на всех ухах кричали, что им «не обесценили условий», автор письма, думаю, из их числа — столь откровенно Ольга афиширует свое нежелание что-либо делать самостоятельно.

К примеру, что значит такая фраза: «Думать-то студенту как раз и не приходится»? Как может кто-то заставить человека думать или не думать?! Далее, Ольга утверждает, что, дескать, в ее институте «голове работы никакой». Подобные высказывания возникают в двух случаях: либо когда человек не желает вникать в суть вещей и ограничивается формальным «нажатием кнопок» и затем «соединением точек прямой линией», согласно методичке, либо когда весь учебный материал — этап давно пройденный и потому скучный. Как я поняла, Ольга ближе ко второму типу.

Интересно, неужели и в самом деле она считает, что студент — это некий объем, который необходимо заполнить массивом данных, в чем и состоит удел преподавателей? Лекции либо курсовые — это ведь фундамент, не более.

В институте учат каким-то азам, составляющим 10—30% необходимого, но главное — институт дает возможность учиться. Ты хочешь быть спецом в какой-то области? Да ради бога! Начинать копать, покрутиться на кафедре с близким профилем, попытаться самостоятельно что-то сделать в этой области. И не надо поднимать лапки вверх — «меня ничему не научили — я не спец!» В любой сфере есть чем заняться.

А для подобного «копания» институт дает огромные возможности: хотя бы свободное время. Вопрос в том, кто ими сумеет воспользоваться, а кто нет. Более того, только учеба дает право на пробы: человек копает в одном месте, а через год понимает, что это — «не его», тогда он вылезает и начинает копать где-то еще. Причем полученные знания у него никто не отобрал, они остались с ним и вполне могут подсказать решение совершенно в другой области.

Было бы только желание стать специалистом, а тогда ты нужен везде.
Андрей Богачев,
Ленинград

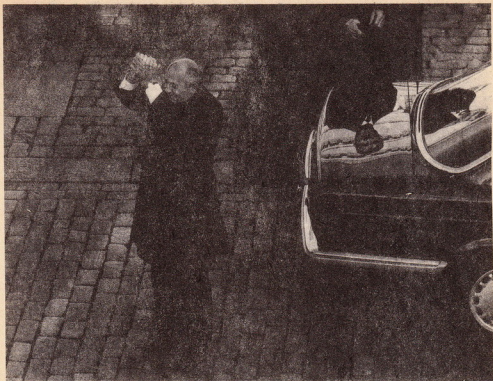

ФОТО SVERKER STRÖM

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Зачетная книжка Президента

Анатолий Овсянников

Во главе команды нового политического руководства, до которого донеслись сердечные хрипы надорванного общественного организма, встал Михаил Сергеевич Горбачев, на Пленуме ЦК КПСС в марте 1985 года избранный Генеральным секретарем.

Кто он?

Горбачев занял кресло, в котором за сравнительно короткую историю руководили партии В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, К. У. Чернен-

ко. Очевидно, что кресло это вместе с тяжелым грузом ответственности передает и не менее тяжелый (даже тяжкий) груз традиций, правил поведения, стереотипов. Они, как оковы, держат здравствующего лидера партии, связывая его с предшественниками.

Можно сказать, что Горбачев, судя по его публичным выступлениям, был достойным представителем своих предшественников. Из брежневско-черненко-горбачевского Горбачева не вычислить перестройки, не вывести нового политического мышления, новых подходов к социализму, не найти контуров реформаций, которые не только взбудоражили, но и основательно перетрясли мир, придали ему за 4—5 лет новый облик и динамизм.

В самом деле, читая его выступления до апрельского 1985 года периода, легко обнаружить весь традиционный набор официальных оценок, освященных «генеральным курсом» КПСС.

Для примера приведу только одно выступление, сделанное за три месяца до кончины К. У. Черненко, на Всесоюзной конференции по «совершенствованию развитого социализма и идеологической работе партии». Эта работа интересна и потому, что в ней содержится весь арсенал

взглядов и догм лихолетья застоя, и потому, что это последнее крупное выступление Горбачева — НЕ Генсека, Горбачева — НЕ первого человека в стране, Горбачева — НЕ реформатора.

Характерной особенностью выступлений политических лидеров того периода было слабое в адрес руководства партии и ее официального лидера: «Центральный Комитет, его Политбюро во главе с товарищем К. У. Черненко ведут многогранную теоретическую, политическую и организаторскую работу... Эта работа пронизана духом коллективности и высокой ответственности перед народом». Осененность идеями вождя партии — не только ритуал, она предопределяет и оценки состояния дел в обществе, и задачи на перспективу. Очевиден и вытекающий из осененности оптимизм: «Если иметь в виду главный итог минувших лет, то можно со всей определенностью сказать, что партия и народ, неуклонно следуя курсом XXVI съезда КПСС, уверенно идут вперед по пути совершенствования всех сторон жизни...», в результате чего «еще выше поднялся авторитет партии», «мы одержали великие победы и достигли огромных высот социально-го прогресса».

Будущий автор доктрины «нового мышления» или искусно скрывает свои взгляды (иначе иммунная система партократии отторгнет чужеродного претендента на высшую в партии должность), или он разделяет официальный курс и взгляды того времени.

Традиционные сюжеты, в которых желаемое выдается за сущее, а если и есть недостатки (которые всегда рассматриваются как резервы), то исправление их ищется не в условиях и обстоятельствах реальной жизни, а в сознании¹,

¹ Понимание того, что не в людях надобно искать причины социального нездоровья, а в обстоятельствах их жизни, придет позже. Причины «надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена: их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи» (К. Маркс, Ф. Энгельс).

которое нужно постоянно поправлять за счет новых идеологических вливаний: «...порочит в общественном сознании к повышению эффективности и качества... далеко не завершено».

Меры общественного переустройства в идеалистической схеме всегда бедны, ибо отражают не вечно зеленое древо жизни, а засухенную мумию теоретических схем.

Жизнь, приданная идее (но не наоборот, когда жизнь питает идеи), всегда выгладит простой и понятной. Очевидно, этот эффект идеологического синаматографа делает ненужным изучение самой жизни. Если бы это касалось только общественных наук, это было бы полбеды. Беда, когда так полагают политики. Отсюда и выводы, вычисленные из «идей»: «Теперь не только теорией, но и историческим опытом доказано, что наше государство, как и политическая система в целом, выражает коренные интересы советского народа... представляет собой высшее достижение социализма».

Впрочем, в отличие от массовой политической риторики тех времен, у доперестроенного Горбачева есть новые сюжеты, пока еще не ставшие доминантой, его символом веры, но из которых угадываются контуры перестройки. Появляются идеи ускорения, есть тревога за экономическое топтание, высказывается мысль о ломке производственных отношений, обосновывается необходимость гласности. Впрочем, они несущественны. И в речах Л. И. Брежнева, К. У. Черненко постоянно присутствовали сюжеты заботы о народе, росте производства, демократии. Беда была в том, что практических действий в словах не стояло.

Примитивная логика политического портретиста подсказывает простенький путь: взять десяток работ, писанных в разное время, сравнить тексты и, убедившись в наличии противоречий, сделать хлесткие выводы. Естественно, реальные условия, реальная социально-политическая атмосфера в эти арифметических уравнениях выводится «за скобки». Политик в этой схеме видится в хитоне пророка, но не как живой человек, которому свой-

ственны и идеи, и заблуждения ЕГО века.

Не исключение и Горбачев, если, конечно, отвергнуть гипотезу его везенного происхождения. Однако надлежит признать, что к тому времени в ЦК партии сформировались силы, ощутившие общественное недовольство, грозящее социальными потрясениями, а короткое время правления Ю. В. Андропова дало этим силам возможность и действовать. Впрочем они не склонны были сбивать недовольство приемными превентивными репрессиями. И Горбачев после смерти Ю. В. Андропова, по-видимому, оказался в эпицентре этих сил — он был там своим человеком, он был сравнительно молод, он был искусным политиком. Эти силы и взяли курс на перемены, прерванные позорным правлением К. У. Черненко.

В единую точку сошлись историческая необходимость общественных реформ и индивидуальная судьба Михаила Горбачева, который после марта 1985 года стал ПЕРВЫМ и для того, чтобы остаться ПЕРВЫМ, должен (вынужден) эту необходимость реформ осуществить. Человек становится свободным, когда внешне обстоятельства (необходимость) совпадают с его устремлениями, его волей.

Горбачев был обречен на роль реформатора, которая стала и его судьбой. «Для меня перестройка — это мой выбор», — заявил он в интервью телекомпании Би-би-си в 1990 году. Что не совсем точно. У Горбачева просто не было выбора. Я не сам ли выбрал час

рождения,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки

и крещенье
Совести, огня и вод?

Этот стих Максимилиана Володина как пророчество реформатору. Ему еще предстоит и покаяние, и муки перемены ценностей, и осознание целей, и подчиненность их совести.

Эволюция взглядов: переоценка ценностей

Президенты США, приступая к своим обязанностям, не торопятся давать оценки политическим проблемам, не спешат

действовать. Общественность это понимает. Президент должен войти в дело. Он должен понять свою миссию ПЕРВОГО человека в стране. Считается неприличной в это время критика в адрес Президента.

Вхождение в должность у Горбачева было стремительным. Через месяц он уже объявил программу действий. Чему, безусловно, предшествовала аналитическая работа. В основном, по-видимому, она исходила из априорной уверенности в социальности построенного общества и возможности административными реформами придать ему ускоренное развитие. Еще памятни были действия Андропова, не очень демократичные, но популярные в народе. Очевидно, что на первом этапе Горбачев использовал многие начинания Андропова.

Омертвленные теоретические схемы в проектах ускорения были доминирующими. Другого просто и не могло быть. И не только из-за нежелания лидера партии исходить в политике из действительности, а в силу того, что надежных данных об этой действительности не было. Не было знаний ни о реальном состоянии дел в экономике, не было надежных и представительных данных о социальной структуре общества, мнениях, потребностях, интересах социальных групп и слоев населения. Решения в таких условиях принимаются «втемную», исходя из убежденности, что, как сказал один из героев «Бесов» Ф. М. Достоевского: «Я знаю Русь, и Русь меня знает». Но не видеть проявлений тяжелых симптомов общественного нездоровья было невозможно.

Принципиально новым, однако, было стремление Горбачева разобратся. Узнать всю правду. Это постижение истины будущего Президента разительно отличает его от предшественников на посту Генсека правящей партии. Для того чтобы знать правду, воспринять уроки правды, с которыми Горбачев вышел на XXVII съезд КПСС, мало быть честным политиком, нужны изрядное мужество и воля.

Мужество и воля политического лидера были предпосылками в поисках истины и для народа, и для него са-

мого. Мгновенного понимания истины не бывает. Этим во многом объясняется и эволюция взглядов Горбачева: от плоского к объемному видению мира, от незнания к знанию и пониманию, от кавалерийского наскока к политике «нового мышления», от идейных схем утопистов и догматиков к реалиям жизни. Это логика эволюции, в основе которой лежит необходимость «учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня», как писал В. И. Ленин.

Концепция обновления жизни общества, прозвучавшая на апрельском Пленуме ЦК, не была, собственно, программой действий. Она существенно менялась и меняется: набирают динамику социальные процессы, пробуждается общественное сознание, просто умнеют и полнее понимают общество ее политические лидеры (не все, впрочем).

С содержательной точки зрения первые проекты перестройки были явно утопичны. Прежде всего еще не была осознана глубина кризиса. Проблема виделась в замедлении темпов развития страны, что казалось, было сравнительно легко поправимо, если «...привести в действие организационно-экономические и социальные резервы и в первую очередь активизировать человеческий фактор». Задача хотя и сложная, но лежала в привычной плоскости. Она еще не стала проблемой, и, следовательно, ее решения искались (и, казалось, что были найдены) в обиходе традиционных, «штатных» задач. В кибернетике существует принцип разнообразия Эшби: модели должны соответствовать сложности проблемы. Непонимание сложности проблемы приводит к примитивным решениям, которые не снимают проблему. И не сняли. Чудес не бывает и в политике. Отсюда и ожидания быстрых перемен к лучшему, свойственные любой утопии¹. В то время еще не стало понятным, что обществен-

¹ По-видимому, всякая утопия характеризуется обещанием благоденствия, рая, «коммунизма» и непременно в течение 2—3 лет, или, на худой конец, «в течение жизни нынешнего поколения».

ная система полностью исчерпала себя, полностью выработала свой ресурс, полностью утратила историческую перспективу.

В главном перемена взглядов произошли в результате разочарования технократических подходов к экономике. Не получалось у реформаторов ничего при условии, что экономика — это механизм, которым легко управлять из кабинетов дома на Старой площади, в котором изношенные элементы легко меняются на другие, более совершенные. Да и законы экономики, если надо, нетрудно заменить на другие, новые. Или, что чаще происходило, выдумать новые, более удобные законы. На пятом году перестройки пришло понимание того, что экономика есть живой, естественный процесс, а рынок — не продукт капитализма, а форма жизни главнейшего экономического закона — закона стоимости.

Еще большей подвижностью обладали изменения в сфере идеологии, порой просто гогольевски быстрые в течение всего короткого периода. Они казались теоретическими и практическими проблемами социализма, роли и места КПСС и партий в политической системе, оценок истории страны после Октября 1917 года. Так, например, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Юманите» (4 февраля 1986 года) о сталинизме в Советском Союзе, Горбачев сказал: «Сталинизм — понятие, придуманное противниками коммунизма и широко используется для того, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом». В дальнейшем эта оценка не была дезавуирована, но термин «сталинизм» стал постоянным на страницах партийных изданий и был включен в политический лексикон Горбачева. В 1989 году уже было жестко заявлено: «...мы отвергаем ...антидемократическую идеологию сталинизма». Другой пример. На январском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь, рассуждая о принципах социализма, подчеркнул: «Принципы, товарищи, потому и есть принципы, что ими нельзя поступаться».

Речь шла о принципах, которые позже пыталась развить в

своей статье «Не поступаться принципами» Н. Андреева, в ключевых позициях, по сути, повторившая ранее сказанное лидером партии. Статья подвергла, как известно, разбору. Можно предположить, что речь идет не о схоластических упражнениях об «изма», а дело в более существенном — в теоретическом осмыслении реальности и поиске «путей к храму», более привлекательной модели будущего мироустройства. В политическом руководстве единых мнений на этот счет не было и нет, что обуславливало появление в заявлениях Горбачева противоречивых или нейтральных оценок, потока увещаний и морализаторства. Явно проследживается за это время способность Горбачева к переосмыслению. Это качество трудно переоценить в период интенсивной реформаторской деятельности. Достаточно вспомнить, как трудно и долго изживало технократические иллюзии американское руководство, чтобы по достоинству воспринять стремительную тенденцию потери доверия к технократическим, метафизическим и догматическим методам у советского лидера.

Оценки состояния дел, позицию и представления приходилось менять и в ходе перестройки. Шла интенсивная аналитическая работа, углублялась и перестройка, порождая новые проблемы и явления. Быстро пришло понимание того, что перестройка — дело тяжелое, крайне опасное¹ при реформистском экстремизме и долговременное. Перемены были нужны всему общественному организму, в первую очередь его жизненным, базисным структурам. Это уже не курс на «усовершенствование», не переделка фасада. Перестройка — это революция, так Горбачев заявил на январском Пленуме ЦК 1987 года. Действовать же в революции по правилам и уставам прошлых

дней, конечно же, невозможно. Это было бы политическим самоубийством. Жизнь бурной реформации не ложилась в разработанные планы пленумов, партконференций, съездов Советов и т. д. Горбачев честно делает вывод: «Новые задачи приходится решать без «готовых рецептов». Нет таких рецептов и сегодня».

Новое мышление: новая религия или руководство к действию?

Так что же, получается, в перестройку гигантская страна вошла «без руля и без ветрил»? Руководство, объявляя то или иное решение, заверяет, что оно единственно правильное и другого подхода нет, действует без целевых ориентиров? Прав ли был Ю. Бондарев, сравнив «перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка»?

Конечно, речь не идет о наличии какого-то детального описанного плана действий. Он бессмыслен и невозможен. В политике можно говорить только об основных направлениях, о доктрине. Концептуальная позиция Горбачева зафиксирована им в идеологии «нового мышления». Кратко назову ее основные тезисы.

Новое мышление означает отказ от идеализма и догматизма в политике, которые приводили к конструированию умозрительных схем и моделей общественного развития в отрыве от реальной социальной практики...

Реализм нового мышления — это политика не от абстрактной идеи, а политика реальностей жизни. Это означает, что в центре находится конкретный человек, а не его светлый образ, реальные государства, а не образы классовых врагов.

Новое мышление отвергает плоское черно-белое восприятие мира и социальных процессов. Многоцветие определяется различиями исторического и культурного наследия, экономического и политического положения. Новый подход Горбачева состоит в признании существования собственных интересов у различных государств, народов, общественных движений,

партий и в поиске компромиссов в решении проблем, затрагивающих интересы действующих политических сил. Такое решение, очевидно, основываться может на балансе интересов взаимозависимого мира.

Новое мышление исходит из приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. «Ядром нового мышления», — пишет Горбачев, — является признание приоритета общечеловеческих ценностей. Пожалуй, именно такое утверждение окончательно вывело Горбачева из рутинной прошлой риторики с характерной для нее апологетикой классового подхода. Констатация приоритетности еще не есть реальное следование этому кредо. Бесспорно, однако, что крупные сдвиги в международных делах, революции 1989 года в странах Восточной Европы, процессы демократических преобразований в СССР яркие свидетельства следования принципам нового мышления.

Политика может ускорить исторический процесс только в меру того, насколько она его уловила и освоила. «Учит новому мышлению прежде всего сама жизнь». Нельзя не согласиться с этим выводом автора. Тем более, что и само «новое мышление» имеет выдающихся предшественников: В. Вернадского, М. Ганди, А. Печчи и других мыслителей современности.

Предстоит еще большая работа по исследованию природы общечеловеческого идеала и материальных условий его становления. Движение к абсолюту общечеловеческих ценностей — это движение через относительность добра (относительно наций, религий, классов, идеологий, государств), через понимание безразличности любой дифференцирующей морали. Это движение к общепланетному человеку, к ноосфере, к обществу, в котором действует максима Гегельской проповеди Христа: «...как хотите, чтобы поступали с вами, так и вы поступайте с другими». Без материальных условий общепланетной интеграции приоритет общечеловеческих ценностей в политике и доктрина «нового мышления» были бы попустою.

Простые истины нового мыш-

¹ А. Токвиль говорил в связи с Великой французской революцией, что «самой страшной опасностью для существующего режима является не то время, когда он пребывает в состоянии покоя, а то, когда становится на путь преобразования».

ления, однако, не всегда даются и его автору. Проследим за логикой событий, сложившихся в обществе, например, по поводу статьи 6 в Конституции СССР.

В обществе, потерявшем монолитность тоталитаризма, дифференцированном обществе, практическое воплощение принципа абсолюта общечеловеческого добра означает только создание механизмов общественной интеграции. В первую очередь экономической. Рынок, система взаимовыгодного прямого (а не через всевластный центр концентрации и распределения ресурсов) обмена — это главный «цемент» общества. Государство лишь регулирует этот процесс с усилением взаимовыгодности. Нужен и политический механизм такой интеграции. Кажется, что он уже есть в системе однопартийной власти. Так полагал еще в конце 1989 года М. С. Горбачев: «...интересы консолидации общества... диктуют целесообразность сохранения однопартийной системы». Что было уже не более чем иллюзия. Последующие бурные события доказали это. Еще до XIX партконференции стали

набирать в обществе силу антипартийные настроения. Стал зарождаться многопартийный механизм. Удивительно, однако, упорство политического центра и Генерального секретаря в своем нежелании замечать складывающуюся ситуацию. Не было проявлено желания к сотрудничеству с неформальными движениями и отказа от монополии на власть.

Иллюзия Горбачева была основана на уверенности, что КПСС — общепартийная партия (впрочем, когда требовала ситуация, политический лидер говорил, что КПСС — это партия рабочего класса). Существенная дифференциация общества (не только социальная, но и национальная, политическая) сделала невозможным для одной партии представлять интересы различных слоев общества.

Новое мышление, мучительно осваиваемое нашим обществом, не приемлет подходов, основанных на эгоизме социальных слоев, политических групп, религий и наций. Приоритет общечеловеческих ценностей — это поиск компромиссов, это баланс сил. Победа эгоизма одной партии в таком политическом механизме — не иллюзия

Нагорной проповеди Христа, не иллюзия абстрактного гуманизма, не навязывание одной партии всему обществу своего представления о благе людей. Это единственная возможность выжить, сохранить целостность нашего Отечества, остаться людьми, наконец.

Политический центр пытался вести поиски в направлении приоритетности общечеловеческих идеалов и ценностей, но в условиях классового подхода. Но как выразить абсолютное (общечеловеческое) и относительное (классовое) одной партией? Об этом в выступлениях политического лидера не говорится. Быть одновременно абсолютным и относительным позволительно только Богу.

Партии типа КПСС — это богопартия, для которых и общество и история — материал для переделки под образ политических идей. Человек для богопартии есть сырье, глина, не субъект истории, а объект. Общество не может быть демократическим при существовании богопартий. В этом, по-видимому, состоит главная проблема перестройки КПСС.

«Новое мышление» как прин-

ципальная позиция политического лидера не приемлет использования его в экспортном варианте и в варианте для внутреннего употребления. Между тем дела в стране идут не так, как ожидалось в 1985 году. Одни проблемы напозают на другие, вызывая тревогу, неуверенность и страх.

Цели перестройки: работает ли компас у Президента?

Кипение социальных страстей в обществе достигло критической отметки. При поверхностном взгляде на бурные перестроечные движения можно прийти к выводу о том, что перестройка движется за счет эмоций, усилению которых способствуют демократизация и гласность. Так ли это?

Перестройка, как и всякая революция, — социальный вулкан, социотрясение, по меткому выражению Б. А. Грушина. Естественным спутником таких социальных тектонических катаклизмов становится пыль. Она застилает глаза, человек теряет ориентиры, знакомые очертания общественных ландшафтов меняют свой вид или исчезают вовсе, направления с привычной градуировкой («вперед», «сзади», «справа», «слева») теряют устойчивость или меняются полностью.

За пять лет энтузиазм разрушения и отрицания привел к тому, что в мировоззрении образовалась пустыня. Это бедствие, впрочем, не вызывает явной обеспокоенности идеологических институтов. Азбучная истина марксизма состоит в том, что действие без идеалов нового общества слепо, но и идеал, не вызывающий действие, мертв. Словесные построения моделей «гуманного социализма», «социализма с человеческим лицом» воспринимаются как попытка нового идеологического эксперимента. Уклонение же партийного руководства и Горбачева от определения вины и беды партии, исследования роли партийных и государственных деятелей в трагических событиях послеоктябрьского периода, уходящая застоя, только усугубляют развалыны прошлых святын.

Прокаяться потерявшего себя в этом мире человека обречает

его на нравственное и социальное одичание. Компас, некогда ориентирующий человека в мире иллюзий и догм, безнадежно устарел.

Политическая борьба — это борьба за власть. Власть же может состояться в поддержке масс.

За умы и настроения людей ведется жестокая идеологическая борьба. Власть же характерен весь ассортимент политической атрибутики: спекуляции, манипуляции, демагогии. А почва для этого весьма благоприятная. Уровень знаний истории своего народа и страны удручающе низок. На такой ниве исторические спекуляции могут дать (и уже дали) отменные результаты. Процесс мифологизации истории и будущего продолжается. Целостного мировосприятия дискуссии о прошлом и будущем не дают, но усугубляют расчлененность сознания.

Непредсказуемость событий, неустойчивость общественного мнения и настроений вызывают массовые психозы, стимулируют поиск привычной среды обитания и привычных действий¹. Неопределенность — пожалуй, самый тяжкий груз, давящий на психику человека, оправдывая давнюю китайскую поговорку-проклятье: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен». Однако жизнь во времена реформаций не прекращается и особую ценность против разрушающего душу нигилизма приобретает четкость целей и идеалов реформаторского движения. Если эти цели восприняты массами, то повороты и зигзаги политики воспринимаются легче, даже отклонение от них не действует столь разрушающе.

Неопределенность, плотность пыли, вызванной перестройкой-социотрясением, вызывает поток демагогии и увеличиваются демагогией. Вообще говоря, быть политиком всегда означает быть и демагогом. Заглянем в Большой энциклопедический словарь. Демагогия — это: 1) обман преднамеренным извращением фактов, лживыми обещаниями, лестью; 2) лице-

мерное подлаживание под вкус малосознательных масс для достижения политических целей; 3) высокопарные рассуждения, прикрывающие какие-либо корыстные цели. Демагогия в политике связана или с сознательным сокрытием целей партии (или его лидера), или с неспособностью выразить цели и интересы партии и поддерживающих партию социальных слоев общества.

Горбачев не является исключением. Однако демагогия Горбачева имеет другие причины, чем, например, демагогия Сталина (сознательное сокрытие целей партии и партии), Брежнева и Черненко (неспособность понять и выразить цели общества и партии). Демагогия Горбачева определяется уровнем знаний и понимания общества. Этот уровень низок, партия перестала быть интеллектуальной силой, перестала фактически быть авангардом общества. Отсюда и поток морализаторства, увещаний, туманностей в докладах Генсека и Президента.

За этим стоит не корысть и сознательная ложь, а бессилие и незнание. Отсюда и непосредственность политических решений, неуверенность в принимаемых действиях. Отсюда и аргументация из коллекции политических ярлыков-этикеток: «Удар ножом в спину перестройки», «бешенные», «политические мошенники» и т. д. Ясности такие определения не дают, но страсти подогревают.

Что же получается, что новое мышление как доктрина политики Горбачева не про нас? Странно выходит — как что хорошее заведем у себя, то сразу везем за границу! А что же на штурманской карте Президента? Эта тема — основная в многочисленных выступлениях Горбачева. Основная и постоянная. Это тема социализма и социалистической идеи. Очевидно, что вокруг этой темы сегодня происходят все споры и размежевания.

В осмыслении реальности мира виден значительный прогресс Горбачева. Прогресс от апологетики «развитого социализма» как якобы уже построенного у нас к представлению о социализме как движении к обществу свободы личности.

¹ В самом деле, очень устойчивым в обществе поиски, например, врагов перестройки. Это и бюрократия как новый класс, и партия, и консерваторы, и нации и т. д.

Еще в 1988 году им дана оценка социальному заболеванию: следует «преодолеть самое главное — отчуждение, которое, к сожалению, имеет место при социализме». Не сказано только, пожалуй, вторая половина правды: у нас никогда не было социалистического общества, никогда не было социализма потому, что отчуждение и социализм несовместимы. Правы профессор О. Шкартан и В. Радаев, полагая, что мы имеем дело с иной общественной формацией, имя которой — этакратизм¹.

Призывы Горбачева «...надо менять нашу жизнь, ... но на путях реализации социалистической идеи» встречают все меньшее понимание и поддержку.

В поисках незыблемой почвы в идеологической распутице люди обращаются к ценностям общечеловеческим, к нравственным императивам, доказавшим жизнеспособность и не утратившим свою привлекательность. Такой точки зрения придерживается и лидер перестройки: «Социализм выступает как носитель и защитник общедемократических и общечеловеческих идеалов и ценностей». Однако сегодня преждевременно идентифицировать идеалы социализма (который якобы у нас построен!) с идеалами общечеловеческих ценностей. Нужно время для практических доказательств их тождественности. Во всяком случае, у нас.

В этом на сегодня заключена главная драматургическая коллизия момента: общество и политический лидер едины в содер­жании целей перестройки, но различаются в определении политических форм их реализации. Пури­танство политического центра становится непопулярным в обществе, оно не приемлет уже на веру идеи социализма без практических доказательств их правоты. Честным выходом из этой драмы идей может быть только одно: признание несоциалистичности общества. Практические же доказательства мощи социалисти-

ческой идеи следует искать не у нас, а в развитых странах.

В самом деле, общество, где права собственника сконцентрированы у государства, которое до мельчайших подробностей регламентирует деятельность людей во всех сферах их жизни, обречено на тяжелое социальное заболевание. К. Маркс поставил диагноз этому заболеванию — отчуждение труда.

Пафос социалистической идеи, идеи общечеловеческой, идеи, выработанной историей мировой цивилизации, как раз и состоит в разрешении проклятой проблемы отчуждения. Обобществление собственности — в этом направлении движутся все страны мира, это движение, по Марксу, и есть коммунизм. История убедительно доказывает, что она развивается по либретто, составленному Марксом. Неудача нашего опыта строительства социализма вовсе не означает несостоятельность и тем более кризис социалистической идеи. Опыт других стран свидетельствует об обратном. Социалистичность стран определяется уровнем обобществления произведенных в них богатств, уровнем прав и свобод личности.

Свободным человек может стать, меняя устройство общества, а не призывами к свободе и духовности. Пока же Горбачев исповедует плохо прикрытый идеализм, полагая, что преодоление отчуждения лежит «на путях нравственного очищения нашего общества». При всех коллизиях драмы идей, однако, приверженность Горбачева социалистической идее несомненна. Политический компас Президента всегда показывает: к социализму. Несомненно и то, что понимание социализма значительно изменено. Социализм уже не рассматривается мертвой схемой. Социализм стал подлинно Марксовым движением к свободе и устранению отчуждения.

Идея перестройки и судьба Президента

Ленинскую мысль о том, что социализм — живое творчество масс, Горбачев очень любит и часто повторяет, для доказательства надобности безмодель-

ного, бессхемного пути развития общества. Его позиция здесь предельно ясная и имеет характер категорического императива. Несомненно, она сформирована под влиянием анализа трагической истории сталинизма. «Встав на путь перестройки, мы должны хорошо помнить этот урок и не поддаваться привычному соблазну — сесть в кабинеты и придумать рецепты, которые от всего нас вылечат и вернут обществу здоровье», — пишет он. Однако такая абсолютизация безмодельности общественного развития вызывает по крайней мере два возражения.

Первое. Часто, обжегшись на молоке, люди дуют на холодную воду. В позиции «безмодельного пути» утверждается мысль, что безнравственно навязывать обществу свои идеи. Но Горбачев не хочет (или не может?) сказать другого: «идеи-реальности» нуждаются в теоретическом осмыслении и идеологическом оформлении. Без этого общество слепо, само пытаясь постичь смысл бытия. Непонятна и роль партии как выразителя интересов определенных (каких?) социальных слоев, неясна стратегия и тактика перестроечного движения. Признать же это не просто, потому что тогда следовало бы говорить о теоретической несостоятельности партийного руководства, о дремучем незнании своего общества. Это уже беда, но она усугубляется сдержанным отношением к социологии, политологии, другим общественным наукам, которые могут и должны эти знания дать.

Второе обстоятельство состоит в том, что безмодельность развития, основанная на упованиях разумности «живого творчества масс», имеет широкую палитру результатов такого творчества: от гражданской войны до гражданского мира. Что будет вероятнее в обществе, двигающемся «путями перестройки» в разных направлениях? Надо ли калкунствовать, отвечая на этот вопрос?

По-видимому, это понимает и Горбачев, постоянно возвращаясь к идеям перестройки, стремясь донести до народа первородную чистоту замысла. Однако идеи начинают жить самостоятельной от Лидера жизнью, принося не те или

¹ Этакратизм — это общество, основанное на тотальной государственной власти, где всякая жизнедеятельность людей огосударвлена и интересы людей низводятся до интересов государства.

совершенно неожиданные результаты. Какой же вывод? Вывод достаточно традиционный: идеи-то хороши, но вот народец плох! В этом трагедия всех пророков: их или не услышали, или не поняли, или поняли, но не так. Горбачев откровенен в такой оценке: «...мы революционные, глубокие преобразования осуществляем в обществе, которое еще не готово к ним». И он предлагает выход, столь же традиционный: «Если мы... не сломаем вот эту самую заскорузлую психологию, не взорвем ее, то так и останемся в плену старых подходов и будем двигаться медленно». Где тут искать «новое мышление»? Похоже, действительно оно идет только на экспорт...

Сетование на несознательность народа неправомерно. Но это стало уже общим местом — самообичивания и стенания по поводу дурного воспитания народа. Особенно по поводу его низкой политической культуры, первородной вины народа за сталинизм, долготерпение от хрущевских неелостей и брежневского цинизма. Заметим, что политическая культура не бывает ни низкой, ни высокой. Она именно такая, каковы социальные, политические, экономические и исторические традиции.

Бесспорно, популярность Горбачева высока. Но надо знать Россию, наше общество, чтобы понять феномен Горбачева. Мессианство, апокалипсизм, нигилизм — все это в национальной психологии народа. Приход Горбачева к власти, его курс на перемены породили мессианские ожидания. От Горбачева стали ждать чуда, немедленного спасения и немедленного благоденствия. Но шло время, а чуда не наступало, более того, оказывается, Горбачев может делать ошибки. Это уже было неслыханно! Горбачев не стал подыгрывать мессианским настроениям. Его неснятость — его политика, политика сознательная, политика демократа.

Мессианцы же, как при открытии ящера на Солнце, не скрывают своего разочарования. К ним примкнули и «прорабы перестройки» — нигилисты и истеричные апокалипсиски: со всех сторон слышатся

хула, клевета, непарламентская критика, оскорбления. Как же тяжело расставаться с богами! Как глубоко проник в гены общества наш Сталин!

Идея перестройки уже давно перестала быть затворницей Боровницкого холама. Да и не там она рождалась. Попытки теоретического, доктринального оформления перестроечного движения следует признать неудавшимися. Общество имеет свою траекторию развития, но всегда совпадающую с желаниями ее лидеров. Личности же могут ускорить это социальное движение, выразив идеи, уже определенные в социальной практике. Это создает иллюзию, что идеи движут народами. Отсутствие у партии программы действий, апологетика безмозельного развития ее Генсеком — это свидетельства незнания жизни общества, его необразованности. Наличие у общественных движений своих программ, впрочем, не означает, что они познали общество. Это означает только углубление противостояния, углубление отчужденности масс от политиканствующих лидеров, которые же непременно полагают, что они действуют от имени народа.

В условиях, когда нет ясности и понимания стратегических целей, а при этом идут конфронтационные процессы (межнациональные столкновения, забастовки, проблемы государственного устройства — Прибалтика, Грузия, Молдова и т. д.), политика Горбачева напоминает движение по минному полю. Он действительно искренне хотел бы повторить (и торопит!) события и преодолеть кризис. Однако при всей разраженности на «заскорузлую психологию» у него достает ответственности и выдержки не забегать вперед, не отрываться от основных слов общества. Этим, по-видимому, объясняется то, что Горбачев «срывает» уже созревший плод.

Примером могут быть дискуссии о Российской компартии, об отмене статьи 6 Конституции, о президентстве и т. д. Горбачев, оставаясь на центристских позициях, вынужден всегда играть черными свою шахматную партию, всегда запаздывать. Всегда быть позади

тех, кто называет себя леворадикалами. Конечно, это не лучшая тактика, однако иначе можно легко подорваться на политический мине.

Позволю высказать гипотезу о том, что любой политический лидер, получивший мандат на власть, в наших условиях реального противоборства уже не сможет стоять на крайних позициях. Время ответственности непременно вдавни его в центр. Это уже проявляется в поведении леворадикальных лидеров новых Советов. Ответственный политик сразу начинает понимать: главный тормоз перестройки лежит в самой социальной плоти общества...

Загадывать судьбу реформатора — дело непостое. Как не просто говорить о судьбе реформ. Если не удастся в самое короткое время создать рыночные инфраструктуру (для рынка труда, капитала и товаров), не дать доказательств, что и у нас рынок приносит результаты, перестройка может захлебнуться под криками люмпенизированного народа. Неужели это наш путь? А путь Горбачева — путь Иоанна Крестителя: «Идущий следом будет сильнее меня...»

Годны ли для зачетки Президента студенческие оценки? Да и кто возьмется их выставить? Марк Аврелий как-то обронил: «Каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет». Так сколько стоит новое качество цивилизации? Кто оценит прорывы к новому устройству мира? Какова цена мирному пути выхода из окружения административной системы этаркратизма, кольцом догматизма сковавшего общество изнутри?

Самое тяжелое при выходе из окружения — бросать обозы. Нам еще предстоит многое оставить, от многого избавиться. Без этого нам просто не выйти на оперативный простор истории, где люди подлинные ее творцы. Без этого нам не пробиться на столбовую дорогу мировой цивилизации.

Таково дело, о котором хлопочет Горбачев. Такова и ему цена. Храни его, Господь, и помоги ему в делах его.

Кассовое искусство требует все более дорогих и рискованных жертв. В надежде подогреть интерес к своему новому альбому «Реквием по Америке» рок-звезда Грейс Джонс решила сыграть роль антипигмалиона, превратив самое себя в подобие аборигенской статуэтки. Темнокожая дива разделась донага и покрыла все свое тело слоем грязи. Такой туалет от матери природы понадобился Грейс для съемки рекламного ролика, посвященного выходящему диску. «Реквием по Америке» — это дань уважения коренным жителям Нового Света, и певица как бы решила почувствовать себя в их шкуре. Впечатления у Джонс остались самые неблагоприятные: «Было страшно жарко, а высыхающая грязь мучительно тянула кожу».

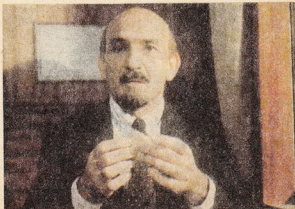
Даже опера все в большей степени политизируется, поскольку ее творцы предпочитают черпать сценические сюжеты не из «преданий старины глубокой», а в относительно недавней истории. «Эвита» — это история скромной актрисы Эвы Дуарте, покорившей сердце всемогущего аргентинского диктатора Хуана Перона и умершей в 1952 году тридцати трех лет от роду от рака желудка. Тво-

рение знаменитого тандема Тима Райса и Эндрю Лойда Уэббера («Иисус Христос — суперзвезда») называют «Травинтой» XX века. Успех оперы превзошел все ожидания: более сотни постановок в различных странах, десять миллионов проданных дисков с записями арий. Сейчас поговаривают о перенесении «Эвиты» на экран скромными усилиями Сильвестра Сталлоне, Джона Траволты, Мадонны, Мерил Стрип.

Родоначальник «Спрута» Доминано Доминани не перестает удивлять зрителей широтой своих творческих интересов. Его новый сделанный для телевидения

фильм «Поезд в Петербург» посвящен знаменитому эпизоду биографии Ленина — возвращению в 17-м году в Россию через территорию враждебной Германии. Опережая наших отечественных режиссеров, Доминани попытался отмыть образ вождя революции от сталинского «приторного елеса», показав Ленина с «человеческим лицом»: обычными слабостями, сомнениями, колебаниями. Однако и на этот раз политика вмешалась в ленинскую тему. Компания ТФ-1 решила отложить показ фильма, туманно сославшись на необходимость учитывать характер бурных перемен в восточноевропейских странах.

Так ли страшен кризис...

«Покойная» Берлинская стена была понятием скорее интеллектуально-психологическим. Она четко делила европейское пространство на «черное и белое», на «нас и их» и, наконец, на «два мира — две судьбы». После разрушения бетонного монолита выяснилось, что между Западом и Востоком нет пропасти и что мы обречены не только брать от капиталистов все лучшее, но и с определенной неизбежностью повторить в своем развитии на пути к созданию эффективной экономики ряд кризисов и противоречий. Об этом беседа, в которой участвуют научные сотрудники Института международного рабочего движения АН СССР Сергей Федоров и Петр Гринев.

— Итак, ожидания мировой революции сменились крупно-обоймовой критикой капитализма, которая особенно в последнее время стала любимой мишенью для остроловов («Капитализм, конечно, загнивает, но как пахнет»)...

П. Г. К сожалению, научная литература, а тем более учебники для вузов не дают объективного представления о том, что же происходит с современным капитализмом. Даже новейшие учебники по политэкономии характеризуют современную стадию развития капитализма как государственно-монополистическую, другими словами — как высшую ступень обобществления производства и обострения противоречий капитализма. То есть продолжает действовать все та же старая схема, согласно которой чем дальше — тем противоречия все больше нарастают, а недовольство трудящихся усугубляется эксплуатацией приводит их к осознанию необходимости социальной революции.

Правда, авторы учебных пособий все-таки актуализируют эту схему: отвлеченно говорится о научно-техническом прогрессе и современном типе экономического роста вообще. Что касается послевоенной истории, то все опять-таки подчинено догматической концепции общего кризиса капитализма. Ме-

жду тем возникает закономерный вопрос: может ли система, противоречия внутри которой непрерывно нарастают, показывать столь рекордные результаты? Скорее речь должна идти об усложнении развития, а не о кризисе.

С. Ф. Нельзя не видеть, что за последние десятилетия в экономике Запады произошли существенные изменения. Социальная защищенность рабочего в развитых капиталистических странах существенно выше, чем у нас. Судите сами. Минимальная заработная плата, соответствующая прожиточному минимуму; система индексации заработной платы и социальных выплат (при этом во многих странах действует так называемая двойная шкала индексации пенсий, то есть с учетом роста цен и заработной платы); развитые системы социального обеспечения (многочисленные семейные пособия и пособия по безработице).

В целом во второй половине 80-х годов доля социальных расходов в валовом национальном продукте в большинстве высокоразвитых стран Запады составляла не менее 30 процентов, в то время, как у нас — примерно 20 процентов. Из этого можно сделать вывод, что капитализм за послевоенное время позаматствовал многие черты социализма.

На деле же капитализму удалось сбалансировать экономическое и социальное развитие: трудящиеся постоянно упрочивали свою социальную защищенность в обмен на рост производительности и эффективности труда. Конечно, многие социальные реформы приходилось вырывать силой, и тем не менее нельзя согласиться с мнением, что рост рабочего движения расшатывал основы капитализма. Скорее наоборот, капитал все более признавал в лице организованных рабочих серьезного партнера, шутки с которым плохи.

— Известно, что ни один тип современных общественно-экономических формаций не может нормально развиваться без выживания перспективных, стратегических моделей своего дальнейшего совершенствования.

С. Ф. Действительно, как бы проецируя логику послевоенного развития на ближайшую историческую перспективу, многие западные исследователи в 60-е годы сделали вывод о том, что на рубеже будущего столетия на основе достижений НТР капиталистическое общество выступит в постиндустриальную эпоху.

П. Г. В настоящее время, когда не за горами 2000 год, думается, можно оценить качество прогнозов 60-х. Хотя если быть более точным, то нужно сказать, что первые теории постиндустриального общества появились еще в 30—40-е годы. Расходясь в деталях, авторы футурологических проектов характеризовали будущее общество как общество услуг, где всевозрастающую роль играют знания и где такие показатели, как квалификация рабочей силы и качество продукции, приобретают решающее значение, отодвигая на второй план количественные измерители, даже такие универсальные, как производительность труда.

Отдельные черты постиндустриального общества различимы уже сегодня. Причем переход к этой новой стадии человеческой цивилизации совершается весьма активно. Тот факт, что капитализм 90-х годов в значительной степени отличается даже от капитализма 60-х, лишнее тому подтверждение. Говоря об изменениях, про-

изошедших за последние два-три десятилетия на Западе, прежде всего следует отметить небывалый рост сферы услуг. Так, в Великобритании, Швеции, Франции, Нидерландах доля занятых в этой жизненно важной сфере экономики в общей численности работающих превышает 60%, а в США достигает 72%. Среди отраслей промышленности лидируют наукоемкие, высокотехнологичные отрасли, некоторые из которых появились буквально несколько лет назад.

Другой примечательной тенденцией является отход от так называемой модели «массового производства» — массового потребления, характерной для послевоенного развития, и переход к новой модели, которую можно условно назвать «массовым индивидуализированным

производством», проще говоря, работой по заказу покупателя. Следует отметить, что знания, информация станут к концу столетия главным достоянием и будут в значительной степени определять стоимость произведенной продукции. Уже сегодня важнейшим условием успеха фирмы считается высокий уровень показателя нематериальных инвестиций, то есть расходов на научные разработки, маркетинг, организацию производства.

Главное же состоит в том, что качественные изменения происходят буквально на всех уровнях общественной организации.

— *Нарисованная вами картина сколь объективна, столь и благодатна. Однако ряд тенденций в развитии капитализма в 70—80-е годы оказался для*

дипломированных пророков случившимся откровением...

С. Ф. Многим теоретикам казалось, что переход к постиндустриальному обществу произойдет плавно, путем постепенного избавления от накопившихся трудностей и противоречий. Однако жизнь внесла свои коррективы: развитый капиталистический мир с середины 70-х годов и почти до конца 80-х находился в полосе небывалых за последние десятилетия экономических неурядиц. Продолжительное сокращение темпов прироста основных экономических показателей, нарастающий бюджетный дефицит, инфляция, безработица и т. п. позволили ученым сделать вывод о том, что в послевоенном развитии капитализма произошел крупной перелом. На смену динамичному и, казалось бы, беспрепятственному росту пришел кризис.

П. Г. Прости, но мне кажется, что мы с тобой достаточно определенно высказались уже по поводу «углубления общего кризиса капитализма», и вдруг то же самое слово — кризис. И это в то время, когда доходам семей растут, а темпы инфляции снижаются. Может быть, это все-таки не кризис, а что-то другое?

С. Ф. В данном случае слово «кризис» я бы взял в кавычки, оно не передает адекватно возникшую ситуацию. Ведь речь идет не о циклическом кризисе перепроизводства, а о кризисе структурном, длительном. Можно выделить два признака этого явления: невозможность спонтанного перехода к новой модели развития и значительную социальную напряженность в обществе.

Поэтому необходимо изменить социальную политику в такой непростой период. Если раньше социальные компромиссы строились на балансе сил предпринимателей и наемных работников, то теперь можно говорить о балансе интересов. Так, в условиях высокотехнологического производства предприниматели заинтересованы в усилении неформальных связей с работниками, а те, в свою очередь, руководствуясь высшими интересами фирмы, готовы пойти на уступки даже в вопросах ограничения зарабо-

ГРАФИКА PIERRE BERNARD

ной платы. То есть переход с макро- на микроуровень. Происходит децентрализация предоставления социальных услуг, их ориентация на удовлетворение индивидуальных потребностей.

— Пора, мне кажется, перейти от проблем транснациональной западной перестройки к проблемам перестройки отечественной. Нельзя ли рассмотреть наши нынешние невзгоды и трудности в качестве неизбежной лямки переходного периода, становления новой стадии развития общества?

С. Ф. Подобную мысль, если не ошибаюсь, впервые высказал М. С. Горбачев в Париже в 1989 году, когда он сравнил нашу ситуацию с кризисом, который переживал Запад в 70-е годы, затем он более подробно остановился на этом вопросе в одном из выступлений в ходе поездки по Литве.

П. Г. К сожалению, почему-то никому не пришло в голову развить дальше эти сопоставления, попытаться найти черты сходства, которых более чем достаточно. Это не только интересно с точки зрения теории, но, пожалуй, вполне применимо и на практике. Скажем, Западу понадобилось не менее пяти лет, чтобы путем проб и ошибок выработал к концу 70-х годов антикризисную политику и начать ее реализацию. Для этого им пришлось основательно разобраться в особенностях своего послесоветского развития.

В середине 70-х годов на Западе многим казалось, что причина кризиса — в плохой политике, господстве монополий, повышении цен на нефть. Отсюда делался вывод: необходимо подправить кое-что в старом хозяйственном механизме и вновь, как и прежде, наращивать темпы экономического роста. И у нас немало людей до сих пор считает, что все «разболтались», не хотят работать (чего стоит только такой недавний лозунг-призыв: «Хватит разговаривать — пора работать!»). Кстати, во многом концепция ускорения социально-экономического развития базировалась, с моей точки зрения, именно на таком поверхностном понимании кризиса. Пора наконец покончить с демагогией по поводу того, что «мы не можем допус-

тить понижения жизненного уровня народа, так как это противоречит социализму». Вместо этого честнее было бы говорить о том, как наиболее безболезненным для населения образом перегруппировать неизбежные в ходе кризиса потери. Но для этого необходима полная гласность о расходах государства и правдивая социальная статистика. А то мы все заверяем, что не допустим ухудшения жизненного уровня, а в это время инфляция, которую так и не научились правильно подсчитывать, давно его понижает, не считаясь с идеологическими закланьями.

Или еще пример. Профсоюзы уже несколько раз устраивали митинги, где звучало решительное «нет» безработице. Вместе с тем даже в Москве практически отсутствует какой-либо статистический учет данной категории лиц. А ведь это — первооснова всего. На мой взгляд, именно детально разработанные механизмы социальной защиты населения как раз и станут главными регуляторами рыночной экономики.

С. Ф. И еще вот о чем. Опыт выхода из структурного кризиса на Западе в 70—80-е годы убедительно показал, что успешную перестройку экономики, общественных отношений можно проводить лишь на центристской политической платформе. Не лишне вспомнить, что такие «законченные» неоконсерваторы, как Р. Рейган и М. Тэтчер, в конечном итоге «полевели» и вынуждены были отказаться от первоначальных планов резкого сокращения социальных программ. Напротив, все так называемые «левые эксперименты» по выходу из кризиса (Франция, Испания) также неизбежно смещались к центру.

Все это говорит о том, что, нормальное и продуктивное развитие в сегодняшнем сложном мире возможно лишь в условиях социальной стабильности, диалога. Объединение во имя конструктивности — временное условие выхода из кризиса.

Беседу вел Михаил Щипанов

Это надо видеть!!!

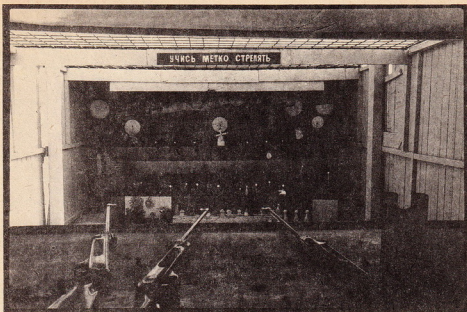
Вы уже многое узнали из нашего репортажа о первом международном фестивале «Интерматрешка-90». Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И у вас эта уникальная возможность есть. Дело в том, что творческое рекламно-концертное объединение «Импресарио Москвы» подготовило видеокассету об этом фестивале.

Цена этого удовольствия в условиях рыночной экономики весьма приемлема — всего 250 рублей. Заявки на кассеты можно присылать на адрес либо нашего журнала, либо «Импресарио Москвы» (125190, Москва, А-190, а/я № 73).

Деловые и творческие люди в институтах, техникумах, училищах и школах могут по образу и подобию этого конкурса устроить такие же «крутые» фестивали.

Кстати, примите к сведению: «Импресарио Москвы» может оказать вам помощь в организации и проведении самых различных мероприятий — концертов, встреч, выставок, праздников... Объединение способствует безалотному обмену студентов советских и иностранных вузов. Здесь же вам помогут осуществить все виды рекламы: в прессе, аудио, видео. В институтах и техникумах «Импресарио Москвы» смогут со значительной скидкой организовать и провести «дни открытых дверей». Кстати, это творческое объединение имеет право на участие в международных экономических связях.

Словом, «Импресарио Москвы» могут все! Не забудьте только обратиться: 125190, Москва, А-190, а/я № 73 — и запомните телефон: 975-16-51.

ПРОГНОЗ ДЛЯ ВАС

Рейтинг выбора, или Как избежать безработицы

Трудно сейчас приходится «юношам, обдумывающим жизнь». Ведь в жизни любого человека рано или поздно встает самая большая проблема: какую профессию выбрать. Всем хочется жить хорошо и даже лучше, чем хорошо, занять положение по душе, перейти из последних в первые.

Еще совсем недавно выбор в этом смысле пал бы на партийную или министерскую карьеру. По негласному рейтингу эти «профессии» занимали одно из ведущих мест наряду с продавцами, стоматологами, таксистами... И если последние завоевывали «симпатии» материальной стороной, то первые еще и престижностью положения.

Но времена меняются, и министерским работникам уже не

позавидуешь: многим придется искать новую сферу деятельности.

Так какой же профессии отдать предпочтение, чтобы не жалеть о своем выборе завтра? Вопрос не праздный, тем более что потребность в молодых специалистах, как утверждает статистика, составляет лишь 40% от их общего выпуска. То есть конвейер высшей школы продолжает поставлять заведомо завышенный вал специалистов, которых никто не «затребует».

Договорная система вузов с предприятиями на подготовку кадров с частичной оплатой так и не заработала. А ведь именно она должна была стать идеальным регулятором потребности профессионалов в той или иной сфере.

Так каков же прогноз спроса на профессии в перспективе?

В отделе методологии прогнозирования и планирования потребности специалистов ко мне в руки попал уникальный документ. Впервые в нашей стране за все 73 года ее существования прогноз на специалистов все-таки сделали!

Причем в нем учтена не только ориентация экономической политики на рынок, но и структурные сдвиги в различных отраслях, разнообразные формы хозяйствования с учетом региональных и демографических факторов.

Итак, перейдем к сути самого прогноза. В целом по стране на ситуацию резко повлияет интенсификация производства и переход на хозрасчет. Но это еще не все. Сокращение армии, механизация и автоматизация труда высвободят к 2000 году 18—20 миллионов человек. Поэтому предложение будет значительно превышать спрос. Особенно критическим предполагается в этом плане период 1990/91 годов. Должно резко сократиться количество подготовляемых специалистов.

Вместе с этим вырастет число людей с высшим и средним специальным образованием, которым придется трудиться на

рабочих должностях. Стабилизация положения, судя по прогнозу, следует ожидать лишь в 1995 году.

Теперь — о различных группах специалистов. И тут, на общем фоне уменьшения потребности в специалистах спрос на некоторые профессии все-таки сохранится и даже возрастет. Так, например, несколько лучше, чем сейчас, предполагается общее положение гуманитариев. Однако по сельскохозяйственным и по ряду инженерных специальностей ожидается падение спроса на 25—30%.

Внедрение новой техники, интенсивной технологии, а также механизация и автоматизация производственных процессов повлечет увеличение численности специалистов по ключевым направлениям развития науки и техники.

Имеется ряд инженерно-технических специальностей, которые составляют основу интенсификации производства, позволяют многократно увеличивать производительность труда.

Внимание, прогноз называет их: энергетика, машиностроение и металлообработка, авиационная техника, энергетическое машиностроение, электротехника, электронная техника, вычислительная техника и автоматизированные системы, радиотехника и связь, технология продовольственных товаров. Эти группы специальностей следует отнести к приоритетным направлениям НТП.

Кстати, в США подготовка специалистов в области ЭВМ и информатики за период 1969—1989 гг. увеличилась более чем в 10 раз. Расчеты у нас показали, что размеры приема по этим специальностям за период с 1990 по 2010 год увеличатся лишь на 26%.

Судя по прогнозу, можно быть спокойными за наши университеты. Высокий престиж университетского образования сохранится и в дальнейшем, а количество выпускников будет держаться на нынешнем уровне.

С развитием кооперативных, арендных отношений, а также с появлением малых предпри-

тий и фермерских хозяйств уже сейчас возникла потребность увеличения подготовки специалистов широкого профиля.

Дополнительную потребность в специалистах также испытывают такие отрасли, как просвещение, здравоохранение, культура и искусство, транспорт, строительство, сельское хозяйство.

Но вернусь к просвещению, потому что особенно активный спрос ожидается на педагогов, преподающих различные дисциплины на национальных языках. Ведь республики и автономии уже значительно увеличили сеть национальных учебных заведений. Не исключено, что для педагогов наступит поистине «золотой век» с грядущим увеличением и заработной платы.

Совсем недавно в вузах страны началась подготовка экологов. Обществом это, конечно, поразовало. Но вот что касается их будущего трудоустройства, то тут оптимизма мало: заявок на этих специалистов еще ни одно ведомство, ни другие организации не прислали, в том числе и Госкомприрода.

У специалистов, связанных с электроникой и обслуживанием ЭВМ, есть неплохие перспективы в ближайшие несколько лет. Они связаны с международными контактами в данной сфере. Но это касается лишь квалифицированных специалистов с опытом практической работы. Однако предполагаемая на сегодня компьютеризация страны не обеспечивает пока эффективной занятости имеющихся специалистов из-за отставания материальной базы отрасли. И тут радикальных изменений в ситуации до конца века ждать не приходится.

А теперь пришла очередь представить и самую популярную профессию года. Профессия-рекордсмен — «международные финансы и кредит». Только за прошедший год число специалистов в этой области выросло в два раза. Кстати, в 15 вузах страны открыт прием на специальность «внешнеэко-

номические отношения». Наконец, заочный Институт советской торговли превращен теперь в Коммерческий институт.

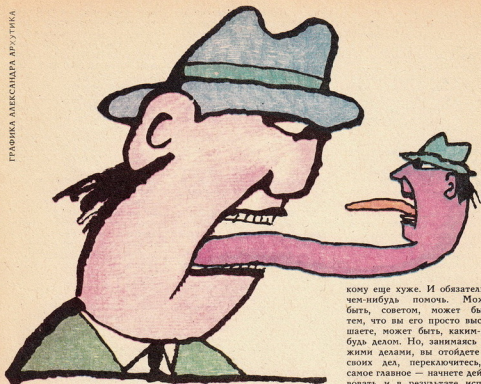
И тут у специалистов этого профиля открываются блестящие перспективы. Уже больше 10 тысяч государственных и кооперативных организаций получили право самостоятельного выхода на внешний рынок. Их число постоянно увеличивается. Но лишь немногие из них имеют специалистов-профессионалов в области внешней торговли и валютно-кредитных отношений. Сейчас есть возможность получать специальность внешнеторгового профиля и на спецфакультетах, куда принимаются люди с высшим образованием. Срок обучения на дневном отделении — 10 месяцев, вечернем — 2 года.

Что же касается общей тенденции развития промышленности, то предстоит максимальное повышение темпов и эффективности производства с применением интенсивной технологии, соответствующих уровню наиболее развитых стран. И поэтому за предстоящие 20 лет ожидается повышение производительности труда в 6 раз. Причем резко изменится структура кадров: значительно сократится число работающих при общем увеличении специалистов, определяющих ускоренное развитие научно-технического прогресса.

Не знаю, как у вас, но у меня после знакомства с этим прогнозом остались двойственные впечатления. Такое чувство, что переаистала своеобразный гедонизм, только с уклоном на профессии. Но, безусловно, работа Института проблем высшей школы заслуживает к себе серьезного внимания. По крайней мере, она поможет правильно сориентироваться как будущим абитуриентам, так и студентам.

Конечно, прогноз не в состоянии одним махом сбалансировать рынок труда, а вот уменьшить число безработных молодых специалистов — вполне.

Ольга Боброва

УЧИМСЯ ГОВОРИТЬ ПУБЛИЧНО

Уроки... во сне

Владимир Шахиджян

Надеюсь, что вы все помните о моем обещании в предыдущем выпуске нашей школы (очень важно всегда помнить о психологии слушателя — заметьте, я не директивно утверждаю «вы все помните», не контролирующе спрашиваю, я предполагаю, что многие запомнили, и отношусь к этому одобрительно; слушателям нравится — выступающий должен это учитывать, — когда оратор доверяет слушающим, поддерживает их, надеется на их понимание)

раскрыть положение, прозвучавшее тезисно, «когда вам плохо, найдите того, кому еще хуже, и помогите ему».

Действительно, у вас плохое настроение, все валится из рук, кто-то вас подвел, кто-то обидел, кто-то не понял. Как быть? Можно замкнуться в себе, уйти в обиду, и дела пойдут еще хуже. Как победить себя? Нужно оглядеться вокруг, вспомнить всех своих знакомых и найти того, кто вам исправит настроение: нужно найти того,

кому еще хуже. И обязательно чем-нибудь помочь. Может быть, советом, может быть, тем, что вы его просто выслушаете, может быть, каким-нибудь делом. Но, занимаясь чужими делами, вы отойдете от своих дел, переключитесь, а самое главное — начнете действовать и в результате исправите свое настроение. Вы испытаете удовлетворение от того, что кому-то помогли, и тем самым вырастаете в собственных глазах. Помогая, вам придется общаться с человеком, в чем-то его убедить.

Если вы научитесь убеждать людей в личных встречах, в быту, то в дальнейшем вы сможете убедить и аудиторию. Для того чтобы уметь убеждать, необходимо понимать людей. Для того чтобы людей понимать, нужно научиться представлять себя на их месте, то есть понять их психологию, точку зрения.

Упражнение № 33

В течение месяца найдите трех-четыре человека, которым требуется помощь. Обязательно поймите психологию тех, кому вы хотите помочь, можете даже составить для себя психологическую характеристику каждого человека. Определите свою цель, какими средствами будете пользоваться. А потом проанализируйте результат, почему удалось или не удалось вам достичь намеренного.

Упражнение № 34

Оно очень простое: определите по тесту свою коммуни-кабельность. Совпадает ли ваша собственная оценка с результатами теста?

Вам предстоит деловая встреча. Выбирает ли вас ее ожидание из колеи?

Откладываете ли вы визит к врачу до тех пор, пока станет уже невмоготу?

Вызывает ли у вас неудобство и даже смещение поручение выступить с докладом, сообщением, информацией на каком-либо совещании?

Вам предлагают выехать в командировку в город, где вы никогда не бывали. Приложите ли вы максимум усилий, чтобы избежать этой командировки?

Любите ли вы делиться своими переживаниями с кем бы то ни было?

Раздражаетесь ли, если незнакомый человек на улице обратится к вам с просьбой?

Верите ли, что существует проблема «отцов и детей» и что людям разных поколений трудно понимать друг друга?

Постесняйтесь ли напомнить знакомому, что он забыл вернуть вам 10 рублей, которые занял несколько месяцев назад?

В ресторане или в столовой, если вам подали явно недоброкачественное блюдо, вы промолчите, лишь рассерженно отодвинув тарелку?

Оказавшись один на один с незнакомым человеком, вы не вступите с ним в беседу и будете тяготиться, если первым заговорит он. Так ли это?

Вас приводит в ужас любая длинная очередь — в магазине, библиотеке, кассе кинотеатра...

Предпочтете ли вы скорее отказаться от своего намерения, нежели встать в хвост и томиться в ожидании?

Бойтесь ли вы участвовать в комиссии по каким-либо конфликтным ситуациям?

У вас есть собственные, субъективно индивидуальные критерии оценки произведений литературы, искусства, культуры, и никаких чужих мнений на этот счет вы не принимаете. Это так?

Услышав где-либо в «кулуарах» явно ошибочное высказывание по хорошо известному вам вопросу, предпочтете ли вы промолчать и не вступать в спор?

Вызывает ли у вас досаду просьба помочь кому-то разобраться в служебном вопросе, учебной теме?

Охотнее ли вы излагаете свою точку зрения (мнение, оценку) в письменной форме, чем в устной?

А теперь подсчитаем очки.

На вопросы, приведенные выше, надо дать односложный ответ:

«да» (2 очка), «нет» (0 очков), «иногда» (1 очко) — и сосчитать результат.

30—32 — вы явно некоммуникабельны, и это беда, от которой страдаете больше всего вы сами.

25—29 — вы замкнуты, неразговорчивы, предпочитаете одиночество, поэтому у вас мало друзей.

19—24 — вы достаточно общительны, в незнакомой обстановке чувствуете себя вполне уверенно. В ваших высказываниях может быть порой слишком много сарказма, причем без всяких оснований. Но эти недостатки исправимы.

14—18 — у вас нормальная коммуни-кабельность. Без неприятных переживаний начинаете новое дело, идете на встречу с новыми людьми. Хотя, вероятно, не любите шумных компаний, многословие вас раздражает.

6—13 — вы, должно быть, «рубаха-парень»: всюду чувствуете себя в своей тарелке, охотно высказываетесь по любому вопросу, даже если имеете о нем поверхностное представление, беретесь за любое дело, хотя и не всегда можете успешно довести его до конца. Задумайтесь над этим.

5 и менее — ваша общительность явно чрезмерна, вы говорливы, многословны, вмешиваетесь в дела, которые не имеют к вам никакого отношения. Вспыльчивы, обидчивы, нередко необъективны. Людям трудно с вами...

Упражнение № 35

Сначала прочтите письмо:

«Пишет вам моряк Северного флота. Я решил заниматься, но из этого почти ничего не вышло. Дело в том, что я стою на боевом дежурстве через сутки и у меня свободными остаются лишь сутки, вернее, день. Но если бы даже он был мой, но до обеда, сменившись с вахты, я отдыхаю (это необходи-

мо), после обеда бесконечные политзанятия, приборки, работы и т. д. Но заниматься нужно. Иначе можно полностью деградировать. За два года службы я почти разучился говорить. Матерюсь через каждое слово, мысли выражаю и высказываю в основном с помощью жестов, нецензурных слов, мчания и нецензурных слов. Во многом, конечно, виновата среда обитания, но нельзя и самому распускаться. Поэтому я решил хоть что-то изменить. Веду дневник, где анализирую речь. Пытаюсь играть в молчанку, ку-карекать. Мягко говоря, меня не поняли. Магнитофона тоже нет, на подготовку текстов времени не хватает. Но это о том, что не получилось. С другой стороны, начал анализировать свою речь, постепенно избавляясь от слов-паразитов. Обратил внимание на то, что многие беды в речи происходят от общего состояния психики человека. Допустим, от неуверенности в себе — прерывистая речь с различными ужимками — подвизгиванием, как в моем случае, или, наоборот, невнимательное, невезливое отношение к людям.

Здесь, на службе, бывает трудно приспособиться человеку, у которого есть какие-то отклонения в поведении от общепринятого на флоте, да и в армии.

Ваш курс дал мне импульс еще раз пересмотреть свое поведение, и теперь я уже могу говорить о явных успехах. Я стал говорить меньше, зато более связно, обратил внимание на свои манеры, вообще постарался взглянуть на себя со стороны, избавился от 70 процентов ненужных слов, я хочу сказать — от большей части. И, конечно, учу «Евгения Онегина» и вообще стихи.

Пока я поставил себе задачу — научиться просто общаться, просто разговаривать. И скажу, что благодаря вам достиг того, над чем ломал голову годами. Но проблемы есть — торопливость, излагаю факты неинтересно, не умею рассказывать и, опять же, теряюсь перед аудиторией.

Очень жду вашего письма и советов. Если вы заинтересуетесь, у меня накопились некоторые наблюдения по психо-

логи общения, именно в среде, где собеседник, кроме как по-грубому, матерясь, общаться не умеет, то я могу поделиться. Это, если можно так выразиться, личное приобретение — этот уродливый и бессмысленный способ общения.

Вот и все. Еще раз большое спасибо за ваш курс. Желаю успехов. Марат Хайрулин, матрос срочной службы».

Обращаюсь к читателям: прокомментируйте, пожалуйста, письмо. Попробуйте ответить на вопросы: как сохранить достоинство в любых ситуациях, как не потерять то, что уже приобретено? Как не поддаться конформизму? (Кто не знает этого слова, посмотрите его значение в словаре.)

Упражнение № 36

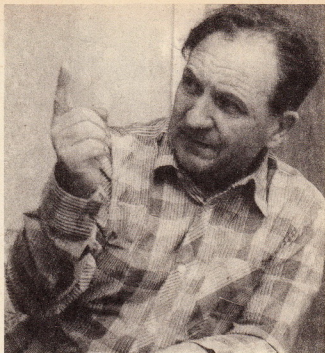
Если вы страдаете слишком быстрой речью. Говорите настолько быстро, что слушающим бывает трудно вас понять, начните петь. Не говорите, а пойте. Сначала сами для себя, потом договоритесь с приятелем, что вы будете слова не произносить, а пропевать. Это очень помогает выработать верный ритм речи, сделать свою речь понятной, избежать скороговорения, тараторства.

Упражнение № 37

Перед тем, как заснуть, пожалуйста, начинайте готовиться к публичному выступлению. Вы легли, закрыли глаза и... Представьте перед собой слушателей и начинайте выступать. Пусть во сне вам задают вопросы, пусть зал то хорошо вас слушает, то плохо. Вы сами сценарист, режиссер и исполнитель главной роли в этом странном фильме, зрителем которого вы же и станете. Да-да, если это упражнение делать две-три недели, то можно развить свою речь. Каждый раз заранее, перед тем, как лечь спать, определите тему вашего выступления. Вы можете выступать на сессии Верховного Совета СССР, на любых совещаниях, диспутах и так далее. В зал вы можете посадить самых знаменитых людей, тех, кто вам симпатичен и антипатичен.

Простор для фантазии. Простор для импровизации. А все вместе даст хороший результат.

Буду рад получить ваши отчеты, письма, наблюдения, вопросы.

КТО ВОЗЬМЕТСЯ ПОМОЧЬ?

Арифметическая геометрия Касаткина

В совет общества «Энциклопедия российских деревень»¹ поступило заявление: «Прошу зачислить меня в члены общества в связи с тем, что мое открытие «Арифметика и геометрия в пространстве», где за единицу исчисления объема принят КУБ² любого числа, позволяет

создать современный компьютер с кубической памятью, в ячейки которого войдет вся Вселенная в виде объемной видеоинформации.

17.01.1990 г.

Касаткин Вячеслав Владимирович, г. Ставрополь».

К заявлению были приложены две папки. В первой — восемнадцатистраничная рукопись: Касаткин В. В. «Кубический метод решения диофантовых уравнений». Во второй — объемом с увесистый том — «Отзывы», уходящие датами в темную глубину прошлого десятилетия.

7 апреля 1988 года «Правда» писала (ст. «А может быть, не

¹ «Энциклопедия российских деревень» официально зарегистрирована. Счет № 1700008 в Бауманском отделении Жилсоцбанка Москвы.

² КУБ пишется большими буквами для того, чтобы показать его как геометрическую фигуру, а не третью степень (прим. В. Касаткина).

фантазеры?» В. Реут): «Летчик-штурман В. В. Касаткин в ходе обучения курсантов столкнулся с недостатками штурманских и других расчетов, которыми заняты службы воздушного движения в аэропортах. Самостоятельно изучил труды знаменитых математиков — Лобачевского, Римана, Минковского (Диофанта Александрийского, Евклида, Пьера Ферма, Рене Декарта и т. д. — Г. К.)... Разработал оригинальный метод расчета пространственных форм, притом скоростной и высокой точности... Более того, созданный им на новой основе штурманский прибор был опробован в ряде аэропортов гражданской авиации также с положительными заключениями. И что же? Да ничего. Автор, ныне уже пенсионер, ходит по кругу разных организаций... а годы идут».

Далее «Правда» осторожно, как бы опасаясь за свою дерзость молний свыше, замечает: «Возможно, что-то отпугивает людей от этого автора? Быть может, его утверждения, что созданный им прибор — это лишь частность, а в принципе его способу поддается, к примеру, решение теоремы Ферма, квадратуры круга? Что он теоретически обосновал четырехмерное пространство? Что на основе его способа возможно создание качественно новой ЭВМ и многое, многое другое?» Для справки. Пьер Ферма (1601—1665). Великий французский математик. Занимался неразрешимыми задачами. Он обнаружил, что пространственный прямоугольный треугольник с целочисленными сторонами найти невозможно. Утверждение теории чисел, согласно которому уравнение $x^n + y^n = z^n$ при $n > 2$ не имеет решений в натуральных числах X, Y, Z , является великой теоремой Ферма, доказательство которой он не оставил.

Из Советского энциклопедического словаря — «Ферма теорема... в общем виде остается недоказанной».

Математики Древней Греции со времен Пифагора, как правило, теорем о числах не доказывали. Исключение — Диофант Александрийский (III в. н.э.), написавший книгу «Арифметика», включающую в себя многочисленные факты о

ГИПОТЕЗА Др. ТЕИФОРА
расчет НАСОСН пирамиды «ЗОЛОТО»
 «СУММА сторон ОСНОВАНИЯ пирамиды РАВНА ДЛИНЕ ОКРУЖНОСТИ, радиусом которой является ВЫСОТА пирамиды, то есть высота пирамиды являе УГОЛ наклона α »
 /Вн. автор ГЕН. ВЫСШЕГО ЛАБОР. «НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА»/

«ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ»

«З.С.»
ДИАМЕТРА

Всего РАВНОСТЬ ВОСЬ ТРИ ОКРУЖНОСТИ одновременно,
 ВО ХОРДА «AB» = ДУГЕ «AB»

До сих пор не решена математическая загадка пирамиды Хеопса. Говорят, сейчас японцы ломают над ней голову. В. В. Касаткин решил ее. Приводим графическую схему этого решения.

Построение высоты пирамиды «Хеопса»

- 1) Метод «Золотого сечения» дает возможность построить 0,25 длины окружности (хорда «А»).
- 2) «М» = радиусу «АО».
- 3) «AB» = А, «AM» = АВ:2.

решении в целых числах алгебраических уравнений с несколькими неизвестными, которые называли диофантовыми. Диофантова «Арифметика», придя в Европу в XVI веке, стала настольной книгой Ферма. На ее полях он записывал свои изумительные заметки-открытия. (Вместе с письмами к друзьям — это все, что осталось от его арифметических занятий.) Одна заметка имеет прямое отношение к предмету разговора. Пьер де Ферма писал: «...Тем не менее нельзя представить КУБ в виде сум-

мы двух КУБов, четвертую степень в виде суммы двух четвертых степеней и вообще какую-либо степень, большую второй, как сумму двух таких же степеней. Я открыл поистине удивительное доказательство, но поля слишком малы, чтобы его поместить».

Это замечание положило начало драматической истории великой теоремы Ферма, на доказательство которой многие математики положили свои жизни.

«...Самые блестящие математические умы за три столетия

не обнаружили рассуждения, на которые намекал Ферма. Нет даже ни одной убедительной реконструкции ошибочного рассуждения, которое Пьер Ферма мог принять за доказательство. Более того, все разобранные случаи, начиная с $n=3$, требуют применения методов, совершенно неизвестных Ферма. По тем же причинам, по-видимому, обречены на неудачу многочисленные попытки любителей найти ее доказательство, — сообщает Энциклопедический словарь юного математика.

Но наивный Касаткин думал иначе. Вернее, вынужден был думать иначе, ибо, живя в мире немедленной ответственности по двухбалльной системе: «жизнь» или «смерть», он не мог себе позволить пускаться в абстрактные размышления и теории. Расчеты летчика всегда конкретны до тех пор, пока он жив.

Вот что он сам говорит об этом: «Началом моей методики прикладных задач — «Арифметика и геометрия в пространстве», ее становлению послужили штурманские расчеты, которые я выполнял для выхода на учебную цель, для стрельбы по ней, но часто по этим расчетам оказывался на ее носу, то есть в обратной роли. С того времени у меня возникло «непонимание» этого факта и возникал вопрос: а почему это происходит? Я стал искать пути создания устройства, которое давало бы возможность определить дальность выхода в упрежденную точку. И только путем пятилетней переписки с институтом экспертизы я понял ту ошибку, которую допускает методика штурманских расчетов на перехват воздушной цели. А мой случай на полигоне таковым и являлся. Расчеты на плоскости не тождественны расчетам в пространстве. Вот так был вывод, когда я взялся за создание способа. На это в целом ушло почти двадцать лет!!!»

Летающий летчик, как правило, имеет дело с объемом, а никак не пренебрегая моментом плоскости. Здесь важно то, что Касаткин понял: *объем — первичен, плоскость — вторична!* Огромная армия математиков думает наоборот. Это все равно, что перепутать «плюс» и «минус» при присоединении

клемм выпуска и уборки закрылков авиалайнера — гробы обеспечены.

Революция 17-го года поменяла знак России с «плюса» на «минус», и огромная страна полетела путем смерти. Чудовищные потери не подсчитаны до сих пор, и так будет, пока не удастся вернуть ей жизненный знак.

Исходя из первичности плоскости, как учили в школе, «земля» давала удаление до цели, рассчитанное по формулам не по диагонали КУБА, что соответствовало действительности, а по диагонали грани КУБА. Отсюда и натекала роковая ошибка, невидимая плоскостному мышлению. Еще сам того не ведая, Касаткин пошел по стопам Ферма, который в свое время начинал с задач про магические квадраты и кубы, пока постепенно не вышел на закономерности натуральных чисел — арифметические теоремы.

Несмотря на то, что в науке сегодня обычно расставлены ложные указатели, направляющие в сторону пропасти и тупиков, Касаткин не просто вышел на арифметические теоремы, он создал *Единую систему кубического исчисления*, имя которой «Арифметическая геометрия». К стати, «Арифметическая геометрия» Касаткина более точная, чем Аналитическая геометрия Декарта¹. Дело в том, что метод кубического исчисления является ключом к *общему решению диофантовых уравнений, для которых великая теорема Ферма есть только частный случай!* Причем решение прикладных задач есть составное решение диофантовых уравнений. Примером может быть вышеназванный штурманский прибор ПШР (авторское свидетельство № 805737. Приоритет изобретения с 11 мая 1975 г.). То есть ПШР формально был испытан и зарегистрирован 15 лет тому назад. А создан он был руками Касаткина и курсантов летной школы в 1964 году. Его жена Наталья Борисовна говорила: «Семь лет ПШР пролежал за

шкафом и пять лет в Комитете по изобретениям!»

Слушая драматическую повесть мытарств героической семьи Касаткина, я невольно вспомнил аналогичные мытарства ученых-изобретателей, достойных мировой известности, Николая Ивановича Корвякова, Андрея Николаевича Зелинского, Бориса Кирилловича Собачкина и особенно Бориса Васильевича Болотова, прямого потомка знаменитого русского писателя Андрея Тимофеевича Болотова. Работая над проблемой холодного ядерного синтеза, Болотов добился деления атома, не дающего радиации, и на этом принципе создал реактор, топливом которого — фосфор — дает в 100 раз меньше энергии, чем уран, и в миллион раз больше, чем уголь. Поиди энергетика по болотовскому пути, мы бы не имели сегодня Чернобыля. Но Болотова не только не послушали — его посадили на 8 лет в тюрьму! Весной этого года, сразу после освобождения, он появился в Москве в Центре нососферной защиты имени Н. Д. Зелинского и выдвинул целевую программу принудительного гашения радиации чернобыльской аварии на всей зараженной территории. Знания Болотова в области ядерных преобразований принципиально отличаются от классических знаний современной науки. Он разработал отличную от боровской модель строения атомов, в которой ядерные частицы представлены в виде кристаллических образований из электронно-позитронных резонаторов. Полная модель строения атомов, таблица ядерных частиц, таблица химических элементов, в которой Периодический закон химических элементов Д. И. Менделеева является частным случаем, представлена в заявке на открытие (№ ОТ-ЕП-211 от 9.06.1989 г.). Теория у Болотова, так же как и у В. В. Касаткина, неразрывна с практикой. Может быть, поэтому и судьба у них одна — с той разницей, что Касаткин отбывает свое наказание на свободе...

ПШР, как надежное средство воздушного контроля в зоне взлета и посадки, а также на воздушных трассах всех видов, мог бы предотвратить за

¹ «Из всех прочих известных нам наук только арифметика и геометрия чисты от всего ложного или недостоверного» (Декарт).

четверть века десятилетия, если не сотни катастроф и аварий. Я уже не говорю о скачочной дешевизне производства этого прибора.

20.09.88 г. «Комсомольская правда» опубликовала статью А. Быстрова «Квадратура круга? Это просто!». В ней приведено заключение академика И. Ф. Образцова. «Предложение т. Касаткина В. В. имеет реальную почву для развития самостоятельного направления в математике: арифметике и геометрии и т. д.».

Казалось бы, дело сделано: ученый мир услышал и по достоинству оценит дюбимца истины. «Комсомольская правда» организовала «круглый стол», но ученый мир был оскорблен открытием Касаткина. Читатель может узнать об этом из той же газеты, но уже от 19.02.89 г. — ст. А. Быстрова «Кубатура шара? Еще проще!».

Я приехал в Ставрополь в этом году и убедился в том, что «круглый стол» так и остался круглым. Зато беседа с Вячеславом Владимировичем доставила мне мучительное наслаждение. Опальный мыслитель, уличивший математическую науку если не в тупиковом, то в околном направлении, за считанные минуты вернул мне любовь к математике. У Касаткина она конкретно связывает с жизнью, а не уводит от нее! Я совершенно убежден, что телевидение обязано предоставить В. В. Касаткину возможность вести свой курс «арифметической геометрии» по каналу учебных программ. Результат будет ошеломляющим.

Привожу фрагменты нашей беседы.

— У нас в СССР никто не занимается арифметикой... Я звонил из Минюста в 26 институтов, спрашивал, кто занимается арифметикой? Никто! И это при том, что арифметика самая малоизученная ветвь математики, которая сегодня не является достоянием математического обеспечения нашего материального мира!

— Но мы проходим арифметику в школе?

— Не проходим, мы ее отождествляем с алгеброй. Под арифметикой понимаются арифметические действия: сложе-

ние, вычитание, умножение, деление. А все остальное — алгебра, буквы: а, в, с, приближенность решения. Встает вопрос: есть ли в природе эти приближения? Их там нет...

— Вы создали кубическую математику, в которой нет ни формул, ни расстояний, ни углов. Тогда возникает вопрос: а что же есть? И для чего?

— Есть объем исчисленного КУБА заданного числа, заданной степени. Система кубического исчисления, если говорить зримо, нужна для определения координатной точки в пространстве. Вот летит самолет. Мне нужно произвести встречу с ним. Я должен показать точку, где я с ним встречу. Как я это сделаю? С помощью формулы? Там, в пространстве, формула не существует, их природа не создала. Там объем. Вот и надо создать такой объем, который даст эту точку. А это можно сделать с помощью КУБА цели и КУБА перехватчика. И получите точку встречи. (Касаткин при помощи кубов показывает, как самолет летит с места, где за ним следят.) КУБ удаления этого самолета растет, а в случае приближения — уменьшается. Вот координаты в пространстве, а не дальность и высота. Если КУБ дан, в нем есть и дальность, и высота, это есть объем КУБА. У него диагональ показывает дальность и эта же диагональ показывает высоту. Мы получаем это по объему. Преимущество объема в том, что координата одна. При исчислении КУБА не нужны ни высота, ни дальность, ни угол. Все в объеме КУБА. Я говорю КУБ 2 — значит, я даю все три координаты.

Вот почему в кубической системе Касаткина нет ни углов, ни формул, ни расстояний. Все просто.

Число практических задач, которые могут быть решены с помощью «Арифметической геометрии», фактически неисчислимо. Вот некоторые: вывод с первого раза на расчетную орбиту звездолетов, их стыковка в любой точке космоса. Построение модели робота-манипулятора для встречи объекта, движущегося по окружности (кузов машины, например), с объектом (кабиной машины), движущимся по радиусу этой

окружности. Причем эти оба объекта движутся с разными скоростями. Создание мини-прибора карманного (нательного), предупреждающего своего носителя о предынфарктном состоянии задого до рождения болезни и т. д.

К сожалению, здесь нет возможности более полно говорить о Касаткине, но считаю необходимым привести его письмо ко мне.

«Алгебра, которая сегодня является «универсальной» математикой во всем мире, но ей не под силу современные требования: точность, наглядность и однозначность. Эти качества принадлежат (даны природой) ее величеству арифметике!!! Эта проблема — ее прерогатива.

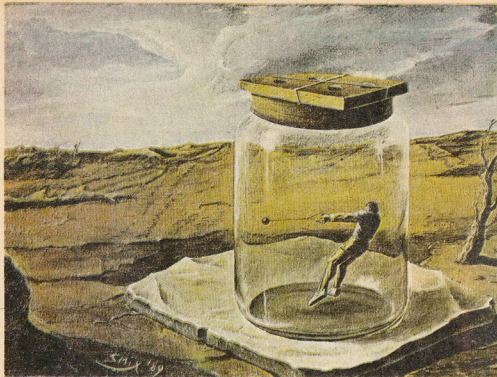
Эту древнюю ветвь математики с некоторых пор стали забывать. И в двадцатом веке совсем решили обойтись без нее, но, как видим, не получается. Это самая верная большая деду вычислительная спутница. Она требует одного принципа: чтобы ею занимались, то есть искали пути ее применения. И если найдете способ, которому она интерпретирует, можете считать, все нерешенные проблемы, которые не поддаются методам алгебры, будут решены. Поверьте, не подведет.

Это мне и удалось сделать с помощью КУБов. Другой товарищу пусть возьмется за другую геометрическую фигуру. Но, как видно, сегодня никто заниматься Арифметикой не хочет. Ученые считают, что это ниже их умственного достоинства. Это наглядно видно на примере Вашего математика, который так ничего и не понял. Ну, Бог с ним.

Г. П., заканчиваю. После получения письма наметьте вопросы. По приезде мы их разложим «на доплатки». И, вообще, собирайте у математиков задачи, которые «не поддаются», — это наши задачи!!!»

Возможно, «неподающиеся» задачи интересуют и нашего читателя. Присылайте свои вопросы и предложения, заявки на книгу В. В. Касаткина «Арифметическая геометрия», которую мы планируем издать, в адрес нашего журнала.

Григорий Калужный

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе

Игорь Акимов, Виктор Клименко

Продолжение. Начало в № 10—12 за 1988 год, в № 1, 3—7, 10, 12 за 1989 год и в № 7, 9, 10 за 1990 год

12

Раб работает шаблоном (и уродует материал: ведь шаблон — всегда чужой; он всегда — прокрустово ложе; раба не интересуют ни продукт, ни результат; раб только глядит на часы: сколько еще осталось до окончания работы), потребитель работает набором шаблонов (при этом материал остается неизменным: прочитанная

книга, прослушанная музыка, увиденная картина — с ними не происходит ничего; продукт его работы — толка энергопотенциала, ровно столько, чтобы быть в комфорте; результат — опьянение, обычно возникающее в нем при встрече с гармоничной новизной; само собой: результат для него — все, а о продукте он даже не задумывается),

талант работает... Кстати, а чем работает талант? Ведь ка-

кой-то инструмент у него должен быть, не голыми же руками он хватается за колючку дискомфорта!..

Признаемся: мы специально тянули с этим делом, специально не проявляли этот вопрос — держали паузу, как актер на сцене перед эффектной репризой. Но дальше тянуть не выдала: и материал требует, и вы созрели.

Прежде всего определимся: что для таланта самое главное в работе?

Ему должно быть интересно.

Вывод вам уже знаком: в работе талант интересуется только процессом. Продукт оставляет его равнодушным, поскольку в нем нет задачи (ведь продукт — это уже решенная задача; решенная в соответствии с нынешним эпик таланта). Результатом он недоволен всегда, потому что между идеей и воплощением обязательно есть зазор. Их сравнение всегда не в пользу воплощения. Кто видит этот зазор? — Критичность. — Что она там видит? — Новые задачи.

«Всегда-то всегда, — недоверчиво пробурчит, прочитав эти строки, талант, — но ведь я помню, как решил задачу (а я уверен, что это была именно задача), и был при этом страшно доволен...»

Таланту нужно верить, потому что он либо молчит (если 1) не знает, как подступиться к задаче, или 2) думает), либо говорит дело. И наш талант не врет. Он действительно решил задачу — и при этом был действительно доволен. Когда это может быть?

1) Когда масса открывшейся ему задачи больше его энергopotенциала.

2) Когда в процессе решения задачи он осознал себя в новом качестве.

3) Когда зазор между идеей и воплощением слишком узок для его критичности.

13

Вот мы и подошли к ответу на вопрос — чем работает талант.

Если самое привлекательное для него — процесс, значит, все дело в самовыражении. Творческий процесс — это материализация себя. Не чужой воли — как у раба; не в общем-то безликих положительных эмоций и чувств — как у потребителя. Он именно себя материализует. (Вот подсказка искателям смысла жизни!) В чем материализует? — Разумеется — в материале задачи. Чем? — Самим собой. Точнее — слепком себя, своей души. Матрицей.

Значит, матрица — это слепок души таланта.

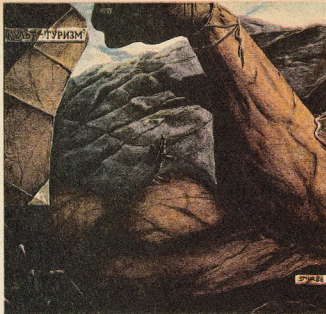
Из чего складывается матрица?

Опишем ее с помощью триады эпок.

Поскольку нам нужен слепок души — вспомним, как матрица формировалась.

1) Она, безусловно, была намечена в самых общих чертах (то есть черновой рисунок уже был) еще в генах. И по мере того, как во взаимодействии с миром разворачивалась программа генотипа, проявлялось лица необщее выражение. Человек открывал окружающий мир, сам открывал его правила и законы,

(открывал чувственно: другой человек — прямой передачей знания — никогда не нау-

чит действовать; опыт — знание, способное работать, — человек чувственно добывает сам; при этом он может не знать ни названий законов, ни их определений, зато умеет пользоваться ими),

открывал, словно он самый первый в этом мире, на этой планете, инопланетянин среди этих людей. Инопланетянин, который 1) вынужден приспосабливаться, памятуя в то же время 2) о своей единственности и неповторимости и потому 3) стремясь остаться самим собой.

Короче говоря, намеченный в генах — и реализуемый генотипом — человек приспособлялся к прокрустову ложу самостоятельности жизни. Возникло единственное, неповторимое видение и понимание (трактовка) мира — индивидуальное сочетание и трактовка универсальных законов. Сочетание, которое человек использует для ориентации и действий в мире. А это не что иное, как мерка. Тот единственный аршин (другого у него нет), с которым человек подступает к любому действию, явлению, предмету. Когда он прикалывает эту мерку, мы говорим: работает механизм критичнос-

ти. Значит, критичность — это отпечаток рисунка матрицы. А если совсем точно — отпечаток ее скелета.

2) Если общие черты скелета матрицы были намечены еще в генах, то тело матрицы начинается формироваться с началом формирования плода. Пока — опосредованно: через мать. Она живет, создавая, перерабатывая и накапливая информацию, — и эта информация как бы дублируется: второй экземпляр получает плод — и лепит из нее тело своей матрицы. После рождения он это делает уже самостоятельно. Вначале — только эмоции, а потом — эмоции и чувства переводит в информацию и лепит ее на растущий, формирующий скелет матрицы. Как вы поняли, тело матрицы — это продукт работы психомоторики.

3) Но матрица сама по себе немного стоит. Идеальный скелет, прекрасное тело — это еще не все. Прекрасный труп. А тело должно жить. Да не просто жить — оно должно действовать. Что обеспечивается — как вы помните — энергopotенциалом.

Работа матрицы обеспечивается ВСЕМ энергopotен-

циалом человека. Это значит — и 1) основным, базисным — которым поддерживается жизнь и в каждой отдельной клетке, и во всем организме; и 2) оперативным, тактическим, возобновляемым — которым человек пользуется для любых действий.

Едва произошло оплодотворение, едва была запущена в работу пока микроскопическая машина, которой еще только когда-то предстоит стать человеком, — деятельность этого живого механизма уже обеспечивается максимально возможным энергопотенциалом. И если плод развивается нормально — энергопотенциал поддерживается генной программой в близких к максимальным пределах. И если нормально развивается человек — его энергопотенциал поддерживается программой генопина все на том же уровне. Лишь когда (к совершеннолетию) генопин себя исчерпал — энергопотенциал поддерживается главным образом усилиями (осознанными или бессознательными) самого человека.

Значит — намечается ли скелет матрицы, разрастается ли он, твердеет, обрастает ли мышцами чувственного опыта, — все это материализуется из окружающей среды за счет энергопотенциала.

А когда матрица образовалась — энергопотенциал определяет ее КПД. Глубина отпечатка, четкость отпечатка — это обеспечивает он. Следовательно, отпечаток матрицы — это результат работы энергопотенциала.

Подводим итог.

Матрица состоит из трех материй:

- 1) скелета (усвоенные законы),
- 2) тела (чувственный опыт),
- 3) жизненной силы (проявляющей матрицу в материале).

Матрица — это дискета, в которой весь опыт человека — от заложенной в нем генной программы и до сегодняшнего дня — уложен в соответствии с законами природы, которые он открыл и которыми пользуется, не задумываясь об этом.

А если вы уже привыкли к нашему понятийному аппарату, если он вам кажется более емким и конкретным — попробуйте на вкус пот такую формулировку:

Матрица — это весь опыт жизни человека (совокупность памяти, совести и мышления), материализованный его эпк (в зависимости от состояния эпк в данный момент).

Из этого следует, что к любой задаче талант подступает с одной и той же матрицей.

Почему же все ответы у него разные, хотя матрица — одна?

Потому что матрица — это только молоток, а ответы он находит внутри всевозможных орехов, которые этим молотком разбивает.

Хотя матрица у таланта одна, ее нельзя считать неизменной. Решая задачи — талант развивается, и при этом что-то видоизменяется в матрице. Но по отношению к отдельно взятой, очередной задаче можно считать матрицу постоянной (поскольку предшествующий опыт постояен). Значит ли это, что и способность решать задачи у таланта постоянна? Нет. Потому что эта способность зависит не от матрицы, а от эпк. Чем выше уровень и гармония эпк — тем быстрее и легче решаются задачи.

У скептики может зародиться подозрение, что авторы опять затеяли лингвистические игры. Ведь матрица — в момент работы, в момент разбивания ореха — это тот же шаблон.

Судите сами.

Шаблон — чужое знание.

Матрица — свое, страданное.

Шаблон — шоры.

Матрица — очки, через которые талант видит мир.

Шаблон — это остановленное прошлое.

Матрица — бесконечно растянуто во времени. Это сиюминутный отпечаток прошлого, повернутый в будущее.

Шаблон — неизменная мера.

Матрица — развивающийся, самосовершенствующийся аппарат.

14

Как же талант решает задачу?

Прежде всего задачу нужно увидеть.

Все задачи находятся в области банального, обжитого, известного. Рабы и потребители живут среди них вполне уютно. Они не замечают задач и не испытывают потребности что-либо менять. Означает ли

это, что в обществе сперва возникает какая-то потребность — и лишь затем оно призывает талант, который засечет задачу и решит ее? Конечно, бывает и так; и общество в лице творческих личностей ведет сознательный поиск в определенном направлении. Индустрия науки — в идеале — построена на этом. Но естественный процесс — иной. Его вѣдет не заказ общества, а случай. Талант решает задачу не потому, что ему это заказали (хотя могли и заказать), а потому, что почувствовал дискомфорт — и избавился от него. Он решил задачу, открыв тем самым новые возможности, — и у людей (рабов и потребителей) в этой новой возможности образовалась потребность. А как же иначе! Ведь 1) можно хотеть только то, о чем знаешь, что есть, существует в природе; 2) решенная задача — это гармония, она комфортна, а комфорт любят все.

Итак, в обжитой, банальной среде талант почувствовал дискомфорт. Каким образом? Это ему подсказала критичность. От него для этого не требуется усилий — критичность работает автономно, помимо воли и желания. Просто при достаточном энергопотенциале чувствительность критичности максимальна (для данного таланта) высока, при низком уровне энергетика (после болезни, дистресса, переутомления) она служит только самосохранению — как у раба.

Критичность подсказала: тут что-то не то. Отчего она вдруг подала голос — вы знаете: человек попал на прокрустово ложе. Иначе говоря: гармония материала, с которым он соприкоснулся, ниже его внутренней гармонии.

Как только критичность поддала голос, не сомневайтесь — перед талантом задача. Игнорировать ее он не может: каждая минута промедления, каждая минута пребывания в дискомфорте оплачивается потерей энергопотенциала.

И он начинает действовать. Любое действие — прерогатива психомоторики. Она действие организует — значит, планирует, направляет и контролирует.

И все это обеспечивается энергопотенциалом.

Схема, с которой в этой книге вы уже встречались неоднократно.

И мы это называли: работает механизм эпк.

И теперь можем признаться, что допускали натяжку. Потому что механизм эпк — это всего лишь схема; технологическая — но схема. Чтобы схема могла заработать, прежде она должна материализоваться.

Так вот, матрица — это материализованный механизм эпк.

Она выплавлена из опыта жизни данного человека. Значит — из опыта овладения определенной материей (у музыканта — свой, у математика — свой, у биолога — свой материал). То есть матрица немедиа без конкретного материала, ведь он ее основа. Направляется вывод, что матрица — специализирована.

Но! — помните? — мы всегда утверждали: талант не имеет специфики, талант — это механизм, которому безразлично, с каким материалом работать.

Направляется вопрос: как может быть талант универсальным, если его главная рабочая деталь — матрица — специализирована? И в самом деле: если человек всю жизнь посвятил созданию музыки — его матрица по логике вещей должна быть сплошной звучащей музыкальной памятью-мыслью?

А математик — получается — должен жить-считать?..

Если вы сами успели сообразить, что это глупость — мы рады за вас: вы делаете успехи.

Дело в том, что определенный материал, из которого выплавляется матрица — это только руда и шихта, которые должны покипеть определенное время при определенной температуре, чтобы выплавился необходимый металл. Это — грядка, в грунте которой в нужной пропорции замешены гумус и минеральные соли и добавлено точно в срок и не больше, чем необходимо, воды, чтобы поднялось мощное, охотно плодоносящее растение.

Что ж это за металл? что ж это за растение?

Это — культура мышления.

Культура мышления — это способность таланта приводить к общему знаменателю задачу и матрицу.

Надеемся, вы понимаете, что между матрицей и культурой мышления ставить знак равенства нельзя.

Во-первых, культура мышления — это производное матрицы.

Во-вторых, это инструменты для разной работы.

Какой применять — зависит от материала.

Если материал знакомый — работает матрица. И как

красиво работает! Ведь матрица — это инструмент, который позволяет решать задачи не думая. При этом талант сливается с материалом.

Помните? Вдохновение — это творческий процесс, который происходит при слиянии с материалом без энергетических затрат. Значит, при вдохновении работает матрица.

Если материал незнаком — работает культура мышления. Попросту говоря — талант думает. Теперь вы знаете, что он (как и любой из нас) предпочитает действовать не размышляя. А тут пришлось. Когда же ему приходится думать (размышлять, вспоминать, строить гипотезы, сомневаться)?

1. Когда талант не владеет материалом.

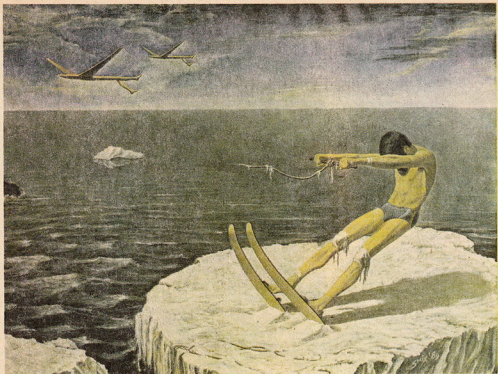
2. Когда между ним и материалом — дистанция.

Но в обоих случаях события должны происходить на территории таланта. В освоенных им пределах. Потому что, если задача находится в пределах его территориального императива (в пределах его притязаний), но за границами территории, — талант не станет ее решать. Ведь она не создает ему дискомфорта! Так кто же будет делать необязательную работу?

Как культура мышления приводит к общему знаменателю на территории таланта задачу и матрицу — сообразить нетрудно. Культура мышления позволяет *во всем видеть все*. Поэтому именно она интерпретирует и перекристаллизует в ракурсе задачи всю наличную информацию — до тех пор, пока матрица не сольется с задачей. Только в этот момент известный вам мыслитель голышом выскакивает из ванны с криком «эврика!».

В этом месте приходится разрушить еще один миф.

Мы не сомневаемся, что потребители с удовольствием прочли о культуре мышления — и приняли это на свой счет. А зря. Ведь мы же сказали, что культура мышления 1) прерогатива таланта и 2) возникает в результате творческого действия. Действия матрицы. Едва матрица начала действовать — стала формироваться и развиваться культура мышления. Единственная. Индивидуальная. Следовательно — и в этом

суть дела! — развитие культуры мышления — это автономный процесс, независимый ни от материала, ни от наших сознательных усилий по «накоплению знаний».

Ради нее — культуры мышления — все предварительные труды, потому что потом, обретя жизнь и автономию, она начинает трудиться сама, возвращая сторицей все, что в нее вложили.

Значит, когда мы говорили, что матрица раскалывает все орехи подряд (разумеется, те, что ей по силам), — мы имели в виду работу культуры мышления.

Вот почему — благодаря культуре мышления — талант универсален.

Вот почему не имеет значения, из какого материала выросла матрица. Человек на 95% состоит из воды, углерода и кальция, но разве это нам позволяет утверждать, что человек — это вода + углерод + кальций + еще всевозможная

химическая мелочовка? Человек — это инструмент природы! Это — антивитропийная машина! Это — материализованное орудие нашей души! — а из чего он сложен, мы вспоминаем разве что при случайном рассуждении о бренности бытия.

Вот почему даже самый маленький талант — но талант! — ни на кого не похож.

Вот почему его перспектива развития, роста, движения вверх ничем не ограничена, — потому что развитие культуры мышления не имеет пределов.

15

Напомним о главных героях этой главы: учителя, врача и хлеборобе. Теперь вы знаете, что в работе они пользуются одним из трех способов:

1. Работают знанием (заимствованным, выученным).
2. Работают матрицей (своей).
3. Работают культурой мышления (наработанной).

Первый способ: учитель ра-

ботает по инструкции, врач — по прописи, хлебороб — по рекомендациям агронома.

Второй способ: учитель поощряет индивидуальность ученика; врач находит потаенные истоки болезни пациента; хлебороб ищет целостность земли, погоды, семян и работы.

Третий способ: учитель учит культуре мышления; врач возвращает к жизни без болезней; хлебороб слышит голос земли.

16

Чтобы проиллюстрировать смысл культуры мышления, рассмотрим два типа замечательных людей, которые посвящают ей жизнь. Это 1) умельцы и 2) мудрецы. Общее у них то, что они самоучки.

Им изначально повезло, причем не раз, а трижды:

- 1) их эпк развивалось свободно и гармонично;
- 2) их энергопотенциал — предохраняемый, контролируемый и регулируемый чувством

меры — сохранился на оптимальном уровне;

3) их не захватила религия книжного знания.

Из первого следует, что они как минимум талантливы.

Второе поднимает планку несравненно выше; следовательно — это гении.

А третье заставляет нас снять перед ними шляпу: ведь до всего дошли сами! да как далеко! да как высоко дошли!..

Марья Ивановна, всю жизнь преподававшая русский язык и литературу, на это скажет: «Как жаль! Ведь если б им еще и систематическое образование: вначале спецшколу, а потом университет — им бы цены не было. Они бы сделали, они бы смогли во много раз больше!»

С Марьей Ивановной мы никогда не спорили — и сейчас не станем. Потому что она нас не поймет. Просто не поймет, о чем мы говорим. Самое большее, на что ее хватит, — это показать, что и у нее есть чувство юмора: «Ладно, ребята, — скажет она нам, — я же понимаю, что вы меня разыгрываете...» Она не может забыть, как ставила нам тройки за диктант, и это укрепляет ее в уверенности, что максимум, до которого мы можем подняться, — это ее минимум.

А между тем это все всерьез, и никакой америки мы не открыли. Ведь еще древние проблему обучения, проблему само совершенствования, проблему пути к истине решили просто: *многознание ему не научает.*

Откуда берется многознание? Как оно живет? И почему оно устойчиво и самодостаточно (а потому — и путь в тупик)?

Иначе говоря: что здесь источник? каков процесс накопления многознания? и как работает его механизм?

Мы говорим 1) о книге, 2) памяти и 3) доминанте.

Продолжение следует

Обычно первыми дамами различных государств бывают жены президентов, премьер-министров или иных временных глав исполнительной власти. В Польше же на эту весьма престижную роль не без оснований претендует двадцатисемилетняя Моника, дочь Войцеха Ярузельского. Очаровательная блондинка воспринимается в Европе в качестве символической музы начатых в Польше реформ, олицетворяющей новое симпатичное лицо Варшавы. Не случайно, видимо, известнейший французский еженедельник «Пари матч» вынес фотографию Моники в весьма пикантном туалете на свою обложку. Журналистам не удалось выяснить, как относится к такой популярности дочери отец.

Актриса Джоан Хиксон встретила со своей киногероиней в семьдесят семь лет. Именно тогда ей предложили роль мисс Марпа, проницательной и наблюдательной дамы из романов Агаты Кристи. Би-би-си задумала серию из девяти фильмов о приключениях «Эрколя Пуаро в юбке», и типаж актрисы оказался сущей находкой для режиссеров. Сейчас же у миллионов зрителей из многих

стран Джоан Хиксон полностью ассоциируется с воплощенным ею на экране образом. Чтобы несколько развеять также не слишком выгодное для актера впечатление, Джоан решила отмежеваться от своей героини, заявив, что она, по природе рассеянная, далеко не столь мудрая, как мисс Марпа.

У великих свои причуды. Невдалеку от Сальвадора Дали известный испанский ученый, нобелевский лауреат Северо Очоа поведал об одной из своих последних встреч со смертельно больным художником. «Я хотел бы стать бессмертным, — поделился Дали своей сокровенной мечтой, — хотел бы, чтобы меня заморозили и хотя бы время от времени возвращали к жизни, давая мне возможность взглянуть на мир». К сожалению, наука не смогла погрузить художника в анабиоз, и вернуть его к жизни решила кинематографисты. Фильм, съемка которого благодаря субсидиям министерства культуры Испании велась в США, Болгарии, Франции, Португалии, повествует о неизвестных страницах частной жизни гения сюрреализма, его исканиях, противоречиях.

Иван Бунин

Деревенский нищий

В стороне от дороги, под дубом,
Под лучами палящими спит
В зипунишке, заштопанном

грубо,
Старый нищий, седой инвалид;

Изнемог он от дальней дороги
И прилег под межой

отдохнуть...
Солнце жжет истомленные
Обнаженную шею и грудь...

Видно, слишком нужда одолела,
Видно, негде приюта сыскать,
И судьба беспощадно велела
Со слезами по окнам стонать...

Не увидишь такого в столице:
Тут уж впрямь истомленный

нуждой!
За железной решеткой в

темнице
Редко виден страдалец такой.

В долгий век свой немало он
силах

За тяжелой работой убил,
Но, должно быть, у края

могилы
Уж не стало хватать ему сил.

Он идет из селенья в селенье,
А мольбу чуть лепечет язык,
Смерть близка уж, но много

мученья
Перетерпит несчастный старик.

Он заснул... А потом со
стенянем

Христа ради проси и проси...
Грустно видеть, как много

страдания
И тоски и нужды на Руси!

* * *
В темнеющих полях, как в без-

граничном море,
Померк и потонул зари

печальный свет —
И мягко мрак ночной пышет

в степном просторе
Немой зари вослед.

Лишь суслики во ржи
скакают свистками,

Иль по меже тушкан,
таинственно, как дух,

Несется быстрыми несмлышными
прыжками

И пропадает вдруг...

* * *
Осыпаются астры в садах,
Стройный клен под окном

желтеет,
И холодный туман на полях

Целый день неподвижно бедеет.
Ближний лес затихает, и в нем

Показались всюду просветы,
И красив он в уборе своем,

Золотистой листвою одетый.
Но под этой сквозною листвою,

В этих чащах не слышно
ни звука...

Осень веет тоской,
Осень веет разлукой!

Побродил же в последние дни
По аллее, давно молчаливой,
И с любовью и с грустью

взгляни
На знакомые нивы.

В тишине деревенских ночей
И в молчанье осенней полночи

Вспомни песни, что пел соловей,
Вспомни летние ночи

И подумай, что годы идут;
Что с весной, как минует

ненастье;
Нам они не вернут
Обманувшего счастья...

Родине

Они гаумятся над тобою,
Они, о родина, корят

Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и
нахальный,

Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной

Средь городских его друзей,
Глядит с улыбкой сострадания

На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошник берегла.

* * *
Бушует полая вода,
Шумит и глухо, и протяжно.

Грачей пролетные стада
Кричат и весело, и важно.

Дымятся черные бугры,
И утром в воздухе нагретом

Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в поадеи лужи под окном
Так разливается и блещут,

Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невино небо голубеет,

И солнце ласковее греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И все ей радо.
Как в забытых каком стоишь

И смлышь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,

И ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

* * *
Еще утро не скоро, не скоро,
Ночь из тихих лесов не ушла.

Под навесами сонного бора —
Предрастветная теплая мгла.

Еще ранние птицы не пели,
Чуть сереют верху небеса,

Влажно-зелены темные ели,
Пахнет летнею хвоей роса.

И пускай не светает подольше.
Этот медленный путь по лесам,
Эта ночь — не воротится

больше,
Но легко пред разлукою нам...

Колокольчик в молчании бора
То замрет, то опять запоет...

Тихо ночь по долинам идет...
Еще утро не скоро, не скоро.

Одиночество

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.

Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.

Я на даче один. Мне тепло
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.

Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...

Что ж, прощай! Как-нибудь до
весны

Проживу и один — без женья...

Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.

Твой след под дождем у крыльца
Распалася, налился водой.

И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вслед:
«Воротись, я сроднился
с тобой!»

Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду
пить...

Хорошо бы собаку купить.

Огни небес

Огни небес, тот серебристый
свет,
Что мы зовем мерцанием звезд
небесных, —
Порою только неугасший свет
Уже давно померкнувших
планет,
Светил, давно забытых и
бесвестных.

Та красота, что мир стремится
вперед,
Есть тоже след былого. Без
возврата
Сгорим и мы, свершая в свой
черед
Обычный путь, но долго не
умрет
Жизнь, что горела в нас
когда-то.

И много в мире избранных,
чей свет,
Теперь еще незримый для
незрящих,
Дойдет к земле чрез много,
много лет...
В безвестном сонме мудрых
и творящих.
Кто знает их? Быть может,
лишь поэт.

* * *
Мы встретились случайно,
на углу.
Я быстро шел — и вдруг как
свет зарницы
Вечернюю прорезал подумгу
Сквозь черные лучистые
ресницы.

На ней был креп, — прозрачный
легкий газ
Весенний ветер взвев на
мгновенье,
Но на лице и в ярком блеске
глаз
Я уловил былое оживленье.

И ласково кивнула мне
она,
Слегка лицо от ветра
наклонила
И скрылась за углом... Была
весна...
Она меня простила — и забыла.

* * *
В лесу, в горе, родник, живой
и звонкий,
Над родником старинный
голубец
С лубочной почерневшею
иконкой,
А в роднике березовый корец.

Я не люблю, о Русь, твоей
несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковчик
белый...
Смирненные, родимые черты!

Призраки

Нет, мертвые не умерли для
нас!
Есть старое шотландское
преданье,
Что тени их, незримые для
глаз,
В полночный час к нам ходят на
свиданье,
Что пыльных арф, висящих на
стенах,

Таинственно касаются их руки
И пробуждают в дремлющих
струнах
Печальные и сладостные звуки.

Мы сказками предания зовем,
Мы глухи днем, мы дня не
понимаем;
Но в сумраке мы сказками
живем
И тишине доверчиво внимаем.

Мы в призраки не верим;
но и нас
Томит любовь, томит тоска
разулки...
Я им внимал, я слышал их не раз,
Те грустные и сладостные
звуки!

Песня

Я — простая девка на баштане,
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лизане,
Много видел он морей и рек.
Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.

Утопают белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду,
в непогоду...
Не дождусь — с баштана

разочтусь,
Выйду к морю, брошу
перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

* * *
Седое небо надо мной
И лес раскрытый, обнаженный.
Внизу, вдоль просеки лесной,
Чернеет грязь в листе
лимонной.

Вверху идет холодный шум,
Внизу молчанье увяданья...
Вся молодость моя — скитанья
Да радость одиноких дум!

* * *
И цветы, и шмели, и трава,
и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына
блаудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни
земной?»

И забуду я все — вспомню
только вот эти
Полевые пути меж колосьев
и трав —
И от сладостных слез не успею
ответить,
К милосердным коленям
припаив.

Свет незакатный

Там, в полях, на погосте,
В роще старых берез,
Не могила, не кости —
Царство радостных грез.
Летний ветер мотает
Зелень длинных ветвей —
И ко мне долетает
Свет улыбки твоей.
Не паита, не распяты —
Предо мной до сих пор
Институтское платье
И сияющий взор.

Разве ты одинока?
Разве ты не со мной
В нашем прошлом, далеком,
Где и я был иной?
В мире круга земного,
Настоящего дня,
Молодого, былого
Нет давно и меня!

В горах

Поэзия темна, в словах
невывразима:
Как взволновал меня вот этот
дикий скат.

Пустой кремнистый дол, загон
овечьих стад,
Пастушеский костер и горький
запах дыма!

Тревогой странною и радостью
тоимомо,
Мне сердце говорит: «Вернись,
вернись назад!»
Дым на меня пахнул, как
сладкий аромат,
И с завистью, с тоской я
проезжаю мимо.

Поэзия не в том, совсем не в
том, что свет
Поэзией зовет. Она в моем
наследстве.
Чем я богаче им, тем больше
я поэт.

Я говорю себе, почуяв темный
след
Того, что пращур мой
воспринял в древнем детстве:
— Нет в мире разных душ и
времени в нем нет!

Горе

Меркнет свет в небесах.
Скачет князь мелколесем, по
топям, где сохнет осока.
Реют сумерки в черных еловых
делах,
А по елкам мелькает,
сверкает — сорока.

Станет князь, поглядят:
Нет сороки! Но сердце
недоброе чует.
Снова скачет — и снова сорока
летит,
Перелесьем кочует.

Болен сын... Верно, хуже ему...
Погубили дитя перехожие
старцы-кааики!
Ночь подходит... И что-то
теперь в терему?
Скачет князь — и все слышит
он женские крики.

А в лесу все темней,
А уж конь устает... Поспешай,
недалеко!
Вон и терем.. Но что это?
Сколько огней!
— Нагадала сорока.

Вечер

О счастье мы всегда лишь
вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть,
оно —
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся
в окно.

В бездонном небе легким белым
краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим,
знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от
книг
Усталый взгляд я отвожу
на мир.

День вечерет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на
гумне...
Я вижу, слышу, счастливы.
Все во мне.

Собака

Мечтай, мечтай. Все уже и
тусклый
Ты смотришь золотистыми
глазами
На въязынный двор, на снег,
приливший к раме,
На метлы гулких, дымных
тополей.

Вдыхая, ты свернулаась
потеплей
У ног моих — и думаешь...
Мы сами
Томим себя — тоской иных
полей,
Иных пустынь... за
пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо
мне:
Седое небо тундры, льды и чумы
В твоей студеной дикой
стороне.

Но я всегда делю с тобою думы:
Я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех
времен.

Слово

Молчат гробницы, мумии и
кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом
погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы
и страданья,
Наш дар бессмертный —
речь.

f 5
f

Слова прощания

Какое сердце не вздрогнуло, не сжалось от боли при известии о кончине Валентина Пикуля. Писатель, любимый миллионами читателей, может быть, первым в глухую пору застоя заговорил о прошлом. О прошлом, которое он знал, которое понимал и трактовал остро, свежо, по-своему. Вдруг перед нами открылось, что есть, оказывается, такая страна Россия, что история ее имеет нам по сути неизвестную глубину, что в ней действовали не только декабристы, разночинцы, революционеры...

Ему, ветерану войны, скрепя сердце прощали правду о том, что история Отечества началась не с 1917 года.

Смею утверждать, что сегодняшний исторический бум, любовь к классикам исторической науки Н. Карамзину, С. Соловьеву, В. Ключевскому пробуждал в нас и Валентин Пикуль.

В том, что так было и есть, легко найти подтверждение в его творческой судьбе. Роман «Монзонд», ныне широко известный, до выхода в свет восемь лет провалялся в столе у издательского редактора, посчитавшего его неактуальным, ибо роман — «исторический».

Впрочем, почти каждый из 24 романов В. С. Пикуля претерпел драматические коллизии. Рыцарь правды, он никогда не искал сочувствия у официальной критики, официальной науки. Зато книги его, пробившиеся к читателю в годы «брежневщины», остаются злободневными и в наш нынешний горячий день. В них нет страниц, которые нужно переписывать. Крепкое, своеобразное писательское слово — надежная опора человеку, особенно молодому.

Силу духа он воспринял от двух национальных основ — русской и украинской. Кто хоть раз видел и слышал Валентина Саввича, никогда уже не мог освободиться от его человеческого обаяния. Воистину природа своих избранных одаривает сверх меры и талантом и удивительным характером. В нем нашли ярчайшее выражение лучшие черты украинского и русского корня.

Среди его погодков, родившихся в 1928-м, настоящих фронтовиков не так уж много. А вот он успел серьезно схватиться с фашизмом.

Валентин Пикуль сбежал из дома на войну в день своего 14-летия. На палубу боевого корабля спустил в те дни 1943-го, когда его отец, бригадный комиссар, добровольцем ушел с Северного флота в морскую пехоту, под Сталинград. Там-то, на волжском рубеже, Савва Михайлович, как и многие его товарищи, сложил голову.

Боевой пост его сына, книги Пикуля, сначала находились в рубке, у рулевого штурвала, а затем у гидрокомпаса на днище эсминца «Грозный».

В День Победы юнга впервые побрился, в 17 лет он стал ветераном.

Однажды, когда он уже возвратился из Заполярья в Ленинград, ему попала в руки книга, в которой довольно плоско изображалась жизнь подобных ему моряков с эсминцев.

И он взялся за перо. Любый, пробовавший писать, знает, что это не самое легкое дело даже для искушенного человека. А тут — мальчишка и всего лишь с пятью классами. Три его романа постигла неудача, и они сгорели в печке. А четвертый — «Океанский патруль» — был напечатан и принес 26-летнему автору признание. Может, именно поэтому он так никогда его больше и не перендавал.

Зато остальные книги Пикуля сразу по выходе из типографии попадали под огонь жесточайшей критики.

Он никогда не спорил. Считая лучшим ответом хулителям — новый роман. Так один за

другим к читателю пришли «Базет», «На задворках великой империи», «Пером и шпагой», «Слово и дело», «Фаворит», «Нечистая сила».

Пикуль написал целую серию морских романов «Из тупика», «Реквием каравану PQ-17», «Крейсер». Этими книгами он как бы восполнил ту недостаточность, утрату традиций, которую чувствовали моряки. И они отплатили ему не просто почитанием, а любовью. В трудные и счастливые минуты рядом с ним всегда были люди российского флота.

Вот и в последний путь его проводили флотские экипажи Балтики.

Валентин Саввич всегда с трепетом воспринимал своего отца, ставшего из простого матросика-масленщика инженером и комиссаром. Нескольких лет назад следопыты нашей свистелки глебли отца, и с тех пор замысел романа «Сталинград» не выходил из головы писателя. Исполдволь, работая над другими вещами, он собирал материалы.

Весь последний год жизни отдал «Сталинграду». Работа настолько увлекла его, что он, случалось, с трудом возвращался к действительности.

В сражении над рукописью романа за Сталинград прожиты были и последние мгновения жизни. Он умер как истинный художник — с пером в руке, не дописав задуманную книгу.

Творческое лицо этого человека удивительно. Много лет назад он показал мне машинописную страницу, на которой были лишь один названия. Названия тех книг, что он обдумывал и намеревался написать. Он высчитал: чтобы осуществить полностью свой замысел, ему понадобится около 140 лет.

Увы, уже не прочитать нам хроники «Аракчеевщина», романов «Прима» об Анне Павловой и «Демон провиненный» о Михаиле Врубеле. Творческую свою жизнь он мечтал окончить повествованием «Царь-баба» о царице Софье. Не получилось.

Прощай, дорогой Валентин Саввич!

Пусть земля тебе будет пухом.

Юрий Ростовец

Валентин Пикуль

Быть тебе Остроградским!

Миниатюра *

Пожалуй, рассказ предстает обстоятельный... Жил да был в селце Кобеяки полтавский помещик Василий Остроградский, а чинами не мог похвастать: сначала копиист, потом канцелярист почтамта, — сами видите, невелик прыщ! С женою Ириною имел он особый пригляд за сыночком Мишенькой, что бурно и даже мощно произрастал среди поросят да уток, меж арбузов да огурцов, имея наклонности совсем недетские. Не дай-то бог, ежели где увидит колодец или яму какую — сразу кидался измерить ее глубину шнурком с грузилом, который при себе имел постоянно. По этой причине родители держали его от колодцев подальше, а Мишенька, могуч не по возрасту, рвался из рук родителей, даже плакал:

— Ой, не держите меня! Желая глубину знать...

А вот зачем ему это надобно, того объяснить не мог, но размеры любой ямы его магически привлекали. Не мог он оторваться от машущих крыльев мельницы, подсчитывая число оборотов, часами, бывало, смотрел, как льется вода над плотной. Учили его, балбеса, в Полтаве — сначала в пансионе, а потом в гимназии, но Миша педагогов успехами никогда не восхвалял, лентяй он был — каких мало! Ему учитель о Пифагоре рассказывает с умилением, а он, экий придурок, шнурком этим самым скамью под собой измеряет. Аттестат Мишеньки блистал такими похвальными перлами: «не учится», «в классах не бывает», «охоты не имеет», «уроков опять не знал»... Можно понять отчаяние родителей!

— Ну что тут поделаешь? — огорчалась маменька. — Мы ли его не баловали? Мы ли сливок да шварок на него не жалели? А такой олух растет — стыдно людям показат.

— Сечь его прутиками! — говорили мудрейшие родственники. — Ежели рыпаться станет, мы согласны держать его на воздушях, а родитель пущай воняет в него страх господень сладу, дабы в нем великий азарт к учению возгорелся...

Думали и додумались: одна Мишке дорога — в кавалерию.

— Там и думать не надо: лошадь его сама в генералы вывезет.

В 1816 году, забрав своего придурка из гимназии, отец повез его прямо в Петербург, угрожая, что если в гусары не примут, так отдаст в артиллерию — на прожор самому графу Аракчеву. Но по дороге в столицу встретился шурин — Сахно-Устимович.

— Нонеча век просвещенный, — ворковал он. — Сейчас не из пушек палить надобно, а мозгами раскидывать... на что Мишке гусарство? На одно вино с денками сколько денег ухлопает! А ныне в Харькове университет открыли, вот туда и сдай Мишку.

— В университет хочешь ли? — спросил отец сына.

— Нет, не хочу, — отвечал тот браво.

— Тогда поехали... в университет, — решил папенька.

Привез он своего недоросля в Харьков и сдал его в науку, словно в полк какой: авось что-нибудь да получится? Начался странный период жизни юного Остроградского: сначала вольнослушатель, через год и студент по факультету математики, он в точных науках ни бельмеса не смыслил, а, навещая отчиче Кобеяки, слезно умолял батюшку о военной службе:

— Ладно уж гусары или пушкари — нонеча голосен даже в полк Кременчугский пехотный... маршировать стану.

— Эва тебе! — показывал отец сыну кукиш...

Так бы и далее, наверное, канючил, если бы на втором курсе не поменял квартиру. На этот раз юнца приютил у себя адъютнт наук математических Андрей Павловский, которого студенты харьковские «Аристидом» прозвали — за его любовь к справедливости. Стали они совместно математикой заниматься, формулы всяческие разрешая. Павловский, очевидно, был педагогом отличным, ибо Остроградский, лентяй и тупица, каких свет не выдумал, вдруг с небывалым жаром проникся познанием науки, от которой ранее он усердно отворачивался. Прошло два-три месяца, но больше, и однажды «Аристид» взял квартиранта за уши и... расцеловал:

— Мишель! Прими за истину, что говорить стану. Я едино лишь усидчивостью беру да терпением, знаниями уже достаточно обладаю. А ты, знавший в математике не имея, все с налету мигом хватаешь, будто ястреб жалакого воробья в полете, и на любой вопрос, над которым я мучаюсь, отвечаешь сразу. Я-то, мой милый, трудом истины домогаюсь, а ты... ты, братец, *творишь!*

— Так кто ж я такой? — удивился Остроградский.

— Ты? Ты, братец, *гений!*...

Странности судьбы продолжались. Остроградскому было уже 19 годочков, когда ради получения степени кандидата он сдал один экзамен успешно, а другие сдавать попросту не пожелал. Не хочу, мол, и все тут, не приставайте ко мне! Сам

* Эту историческую миниатюру Валентин Пикуль передал в редакцию незадолго до кончины.

князь А. Н. Голицын, министр народного просвещения, с высот вельможных, из кресел бархатных указывал, чтобы не рыпался и сдавал все экзамены, но... Об этом, читатель, можно написать сто страниц (не преувеличиваю), можно ограничиться и десятком строчек. Я буду краток: в один из дней Остроградский выложил аттестат перед синклитом ученых Харьковского университета и заявил, что не желает видеть свое имя в списках студентов:

— А моим аттестатом можете... подтереться!

Родители надеялись, что уж теперь-то их Мишенька согласен служить в пехоте, но Остроградский помышлял о другом:

— Мне, папенька, ехать в Париж нужна приспела.

Отец рассудил об этом желании на поэтический лад:

— Нешто наши кобеляжские дивчины плохо для тебя песни спивают? Нешто вальсы парижские нашего гопака милее?

Вырос дитяtko под потолок, рычал басом, перечисляя имена славные, парижские: Фурье, Лаплас, Ампер, Пуассон, Коши, — возжадала он ихние лекции в Сорбонне слушать. Зарыдала тут маменька, кручинясь, а отец подумал и... согласился:

— Мишка-то прав: по малому бить — только кулак отшибешь. Езжай, сынок, и затми Париж нашими Кобеляками!

Но возникла сильная оппозиция со стороны родственников.

— Экий бугай! — говорили они. — Любого порося в одночасье под хреном уминает, все у него есть, жить бы ему да радоваться, родителей в преклонности лет ублажать своим сердцелюбием, так нет — ему, вишь ты, еще и Париж подавай! Вот тут и наша коса на камень.

— Цыть! — сказал папенька. — Бывать Мишке в Париже, дабы ведали людочки тамошние, что в Кобеляках не под заборами рождаются, не кулаком крестятся и не поможки умываются...

В мае 1822 года сынок отъехал в Париж, и недели не миновало, как вернулся он в Кобеляки — бойкой и голодный.

— Чего так скоро? — спросил отец.

— Денег твоих, папенька, до Чернигова мне хватило. Сел в дилижанс, как все люди, но в дороге обештали меня пассажиры проклятые, весь багаж по кускам раздергали... Ведите, папенька, обед подавать. Очень уж я по шипу с салом соскучился.

— Нет уж! — обозлился отец. — Обедов ты от меня не дождешься. Я тебе еще раз отвалю три сотенных и езжай в Париж, как хотел, чтобы сородичи надо мною не изгибались...

С великим бережением (от воров) Остроградский прибыл в Париж, о чем вскоре известия тиражились Кобеляки, но сам Париж никак не потярял полтавского дворничина. А папенька, видит бог, тратился на сыночка не зря. Через три года Кобеляки навстали «Аристид» харьковский — профессор Андрей Павловский, радостный.

— Василий Иванович, — сообщила он отцу, — стыдно мне за коллег своих, что проморгали природного гения. А теперь... гляньте! Вот привез я вам журнал Парижской академии наук, прочитаю я вам, что пишут о вашем сыночке, и поплачем на радостях.

Извещая читателя: великий Огюстен Коши, перечисляя ведущих математиков Парижа, писал

об Остроградском, что этот «молодой человек из России, одаренный громадною проникаемостью и весьма сведущий в исчислении бесконечно малых величин, дал нам новое доказательство» в тех сложнейших формулах, над которыми математики Парижа давно и без успеха работали.

— Шутка ли? — вопрошала Павловский. — Над этими интегралами сам великий Лаплас утруждался, а помог-то ему наш Мишель кобеляжский. Как-во теперь в Харькове читать, что Лаплас, отец небесной механики, зовет Мишеля *mon fils* (мой сын)...

Остроградский в ту пору жил одиноко, сторожась удовольствий Парижа; часами он простаивал над Сеной, наблюдая за волновым течением вод, и в 1826 году Сорбонна опубликовала его научный «Мемуар о распространении волн в цилиндрическом бассейне». Ученые автора хвалили, а полиция Парижа посадила его в тюрьму Клаши, ибо Остроградский задолжал «за харчи и постой» в отеле. Огюстен Коши сам же выкупил ученика из тюрьмы, и впрямь, чтобы не сидеть на бобовой поделке, Остроградский устроился надиратором в учебную коллегию короля Генриха IV...

Настала весна 1828 года. Наш известный поэт Николай Языков был тогда студентом Дерптского (Юрьевского) университета. Однажды, прогуливаясь в окрестностях Дерпта, поэт увидел, что по дороге в город шагает детина громадного роста, будто Гулливер, а сам босой, драмый, почти голый! Назвался он учеником великих Коши и Лапласа, следующим из Парижа до Петербурга.

— Вот, — сказал, — от самого Франкфурта марширую... Опять обештали меня пассажиры проклятые. Видит бог — в пути не воровал, но подаянием мирским не гнушался. Теперь и до Питера, чай, близехонько. А чин у меня такой, что даже кошку не напугаешь: всего лишь коллежский регистратор...

Языков привел Остроградского к себе, русские студенты приодели его, подкормили, и он, довольный, вскинул котомку.

— Побреуду далее, — сказал, благодарный. — Ежели генерала из меня не получилось, так хоть профессором стану.

— Послушайте! — окликнула его поэт. — Вы — будущий профессор, а диплом-то из Парижа имете ли?

— Нет, — отвечал Остроградский. — Из Харькова выкинули без аттестата, из Парижа еду безо всяких дипломов... Бог не выдаст, так и свинья не съест... Спасибо вам за все, люди добрые!

Кажется, чуть ли не первый светский салон, в котором Остроградский появился, был столичный салон княгини Евдокии Голицыной, известной «принцессе Ноктюрн», которая сама была недурным математиком. Между прочим, Михаил Васильевич общества никогда не избегал, был приятным и острым собеседником, лихо танцевал с дамами, а болел он только... генералов. Почему так — не знаю, но при генералах он сразу немеет, испуганно жалея в сторонке, как бы желая остаться в неизвестности.

— Михайла Васильчич, что вы там жметесь?

— Идите к нам, — звали его.

— Вось! Там у вас... генерал.

— Так не крокодил же, не съест.

— Все равно. С генералами шутки плохи...

Думаю, тут сработал механизм «Табели о рангах», согласно которому каждый сверчок — знай свой шесток. А шесток Остроградского был весьма шатким: всего-то коллежский регистратор (считайте, гоголевский «Акакий Акакиевич»). А вот еще новость: сразу, как только Остроградский появился в Петербурге, он был взят под негласное наблюдение тайной полиции. Историки не знают, в чем он провинился, но грешен, наверное, был. В секретной переписке на самом высшем имперском уровне мне попалась странная фраза: «возвратился из-за границы *пейшом* и сразу обратил на себя внимание *некоторыми* обстоятельствами». Вот, поди же ты, догадайся — что это за обстоятельства? Впрочем, по мнению историков, Остроградский до конца жизни не знал, что за ним и его словами бдитительно следят вездесущие прислужники Бенкендорфа...

Ладо! Тайный надзор жандармов не мешал велелиться.

Остроградский очень скоро стал адъюнктом прикладной математики, сначала экстраординарным, а вскоре и ординарным академиком (в возрасте 29 лет). Не по чину, а по уму получил он казенную квартиру из шести комнат, в которых — хоть шаром покати, не было даже стула, чтобы присесть, и наш академик гулял по комнатам, озирая из окон широкие невские просторы. На дрова он тоже не тратился — жильё его казна и отапливала.

— Ух, жарко! — говорила он, похаживая. — Квартира есть, дрова есть, знание есть, деньги есть... Чего же еще не хватает? Ах, господа, совсем из головы вон: *женей* еще не обзавелся.

Тут и беда случилась! Как на грех, появились тогда первые спички — фосфорные. Чиркнул одну из них Остроградский, а она — пшик! — и обожгла ему правый глаз фосфором. Остался он с одним глазом, а правый померк на всю жизнь и постоянно источал обильную слезу. Но даже одним глазом Остроградский жену себе высмотрел. Это была Мария Васильевна фон Люцау (так писали до революции, а сейчас ее называют урожденной фон Купфер). Невеста была из лифляндской породы, немочка аккуратная и сдобная, сочиняла стихи, играла на рояле, напевала романсы о муках любовного ожидания, а перед женихом сразу поставила железное условие:

— Согласно быть вашей супругой, если вы не станете донюхать мне разговорами об этой противной математике...

И не надо! Не для того люди женятся, чтобы сообщая разрешать формулы, а совсем для иных дел, более серьезных. Между тем свой брак Остроградский от родителей утаивал, и в Кобеляках, считая сына холостяком, еще долго перебирали выгодных невест, у которых в приданое готовились хутора с вижащими поросятами. «Хохол цириый», Остроградский о своем украинском происхождении не забывал и, частенько заглядывая на кухню, где орудовала прислужница Гапка, он всегда готов был покусать:

— Щедрык-ведрык, — говорила кухарке, — мне бы вареник, грудочку кашки, кияльце ковбаски, ще чего мало — дай и сальца!

В 1835 году родился первенец Виктор, за ним дочери — Мария, что потом была в браке Родзинко, и Ольга, ставшая впоследствии генеральшей

Папа-Афонасопуло. Отца этого семейства часто осеняло божественное вдохновение. Рассказывали, что однажды на Невском проспекте, не имея бумаги, он стал записывать математические расчеты на кожаном задке чьей-то барской кареты.

Так увлекся, что вокруг себя уже ничего не видел. Но тут карета тронулась, кучер нахлестнул лошадей, а за каретой, не стыдясь честного народа, долго бежал по Невскому великий академик гигантского роста и орал что есть мочи:

— Стой, сын гадючий! Куда повез мои формулы?..

Конечно, не все в России любили математику и не все русские умели считать, — дело не в этом, а в том, что не было в России людей, которые бы не знали об Остроградском. Полтавский житель П. И. Трипольский, земляк ученого, писал, что «нимя это одними признаносилось как образец энергии, с какою он достигнул своей цели еще в молодые годы, а другими — как научный авторитет, равного которому с трудом можно найти в Европе...».

— Голова, — говорили о нем с великим respectом.

Голова была крупная, коротко остриженная, как у новобранца. Иногда надевал золотые очки, а из мертвого глаза стекала слеза. Да, неказист был Михаил Васильевич, несладен фигурою, зато и колоссален — не только умом, но и всею дорожною статью. «Платье сидело на нем мешком, а ноги напояминали словосны. Широкое лицо было освещено только одним глазом, но зато умным, пронизательным, даже лукавым...» Пожалуй, ни о ком из русских ученых не осталось столь много живописных свидетельств, как об Остроградском, ибо он был оригинален, как никто другой, поражая людей не только остротой мыслей, но и своей, я бы сказала, «топорною» внешностью, чем-то схожий с обликом того же Собакевича, каким его изображали русские иллюстраторы.

Каков был Остроградский, судите по такому примеру: «Офицеры брали его пальто и надевали на себя вдвоем, вставая по две руки в каждый рукав, застегивали его на себе и так вот ходили, заложив по две руки в каждый карман...»

Остроградский прославил себя как удивительный педагог!

Воюх, что список учебных заведений, где он преподавал, покажется чересчур громоздким: Главный педагогический институт, Институт корпуса инженеров путей сообщения, Морской кадетский корпус, Военно-инженерная академия и училище, Артиллерийская академия и училище... Забудьте, в этом списке нет университета, которым Михаил Васильевич явно пренебрегал (очевидно, не забывая «харьковской» истории). Но еще он читал публичные лекции для горожан по алгебре, небесной механике, аналитической геометрии и элементарной математике. Писал тоже немало и всегда безбожными каракулями — мало кто мог понимать его почерк.

— Все махоньки людцы погано пышуть... це дурница!

Настежь отворялись двери в аудиторию. Остроградский входил, грузно оседал в кресле профессора. Долго озираал учеников единым оком поверх золотых очков и начинала лекцию так:

— Ну, Декарты, ну, Пифагоры, ну, Лейбницы, ну... казаки!

Служитель вносил два графина с водой и два стакана с мягкой губкой. Из одного Остроградский пил, во втором мочил пальцы, чтобы протирать вечно слезившийся глаз; потом неизбежно путал стаканы и в любом смачивал губку для стирания с доски формул, а, забывшись, этой же губкой смахивал слезу со щеки. Он не курил, зато нюхал табак, а табакерку всегда забывал дома, и, где бы ни читал лекции, всегда вопрошала аудиторию одинаково:

— Жданов! Где ты? У тебя есть табачок?

Жданова, конечно, и быть не могло. Но всегда находился студент или офицер, согласный побить в роли «жданова», угощавший профессора доброй поношкой. При ученом неизменно состоял поручик Герман Паукер (будущий министр путей сообщения), который иногда и начинал лекцию — вместо профессора, но вряд ли Паукер знал, что о нем говаривал Михаил Васильевич:

— Думают, что математика наука скучная, а главное в ней — умение считать. Это нелепость, ибо цифры в математике занимают самое последнее место, а сам математик — это прежде всего философ и поэт... Я ведь совсем считать не умею! — признавался Остроградский, ошеломляя слушателей. — Мои ученики считают лучше меня. А вот я часто путаюсь в цифрах и, если бы экзаменовался по арифметике у того же Паукера, он бы сразу ввел меня единицу. Но между нами большая разница: я все-таки математик, а вот Паукер никогда им не был и никогда им не станет...

Соответственно таким взглядам, он и вел себя с учениками. Остроградский сразу выявлял в аудитории двух-трех человек, будущих «декартов» и «пифагоров», для них и читал лекции, за остальных же именовал «казаками», к познанию математики неспособными. Одному из таких «казачков» Михаил Васильевич поставил самый высший балл на экзамене.

— Чему дивишься? — сказал он ему. — Ты в интегралах был неучем, таким и померешь, я это знаю. Но я ставлю тебе «двенадцать», ибо твои idiotские рассуждения неожиданно навели меня на одну мысль, до какой мне самому никогда бы и не додуматься. Так что, братец, от дураков тоже польза бывает!

Иногда задумчивый, он приступал к чтению лекции на французском языке, порою же начинал рассказывать великосветские сплетни, а потом, искривив в хохоте, подначивал слушателей:

— Господа, может, и вы мне анекдотец расскажете?..

О нем враги говорили, что он просто лодырь, каких свет не видывал, и Остроградскому все равно о чем болтать, лишь бы скорее закончилось время лекции. Так, перед офицерами академии он чаще всего рассказывал о полководцах древности, поражая всех великолепной эрудицией, мастерски рисуя на доске схемы знаменитых сражений. Однажды Остроградский так увлекся битвою при Аркале, что не сразу заметил в дверях появления генерала — начальника военной академии.

— ...и вот, — громыхал бас Остроградского, — когда все уже дрогнуло, Бонапарт вышел вперед, спрашивая бегущих: «Солдаты, вы еще не видели

чуда?» — Тут он заметил генерала и быстро изобразил на доске « \sqrt{x} dx». — Именно в этом интеграле иск-де-икс и проявилось чудо его гениального решения...

Генерал мгновенно испарился, ибо иметь дело с иксами не был намерен. Да, читатель, многие считали Остроградского чудачком, и отчасти это мнение даже справедливо. Однажды он принимал экзамен у молодого инженерного офицера.

— Что-то я вас не помню. Назовитесь, милейший.

— Цезарь Кюи. Цезарь Антонович Кюи.

Остроградский мигом поставил ему «12», даже не задавая вопросов, а когда будущий композитор выразил свое недоумение, ученый попросту выставил его из аудитории со словами:

— Иди, мой хороший! Цезарь всегда побеждает...

Марье Васильевне, жене своей, он не позволял читать статей Белинского, чтобы излишне не возбуждалась, но сам был человеком очень начитанным, литературу страстно обожал. Иногда, прервав лекцию и отбверев лицо от слез, Остроградский наизусть читал Сумарокова или Пушкина, но особенно жаловал он Тараса Шевченко. На экзаменах бывал то неожиданно покладист, то вдруг становился крайне придирчив, угрожая абитуриентам:

— Сидели вы тут на «камчатке», на Камчатке и карьеру свою закончите... А дважды два сколько будет?

От этого многие офицеры из числа «казачков» заранее ложились в лазарет, притворяясь больными, только бы избежать яростного гнева Остроградского. П. А. Чебышев, сам великий математик, не раз встречался с Остроградским за столом в доме В. Я. Бунаковского (тоже математика), но чаще они пикировались меж собою как соперники, а много позже, когда Остроградского не стало, Чебышев вспоминал о нем с большой печалью.

— Человек был, конечно, гениальный. Но он не сделал и половины того, что мог бы сделать, если бы его не засосало это утомительное «болото» постоянного преподавания...

Читатель, сведущий в истории русской науки, с ехидцей спросит меня — не желаю ли я замолчать об отношении Остроградского к Лобачевскому? Скрывать не стану: Михаил Васильевич дал резко отрицательный отзыв о теориях великого казанского геометра, идеи которого казались ему чуждыми и малопонятными. Мне думается, что Остроградский попросту не принял понимать то, что было непонятно ему с первого же прочтения...

Дабы не утомлять читателя, не стану перечислять все 48 научных трудов Остроградского, включая и работы по баллистике или даже теории вероятностей. Он был признан всем миром, стал членом академий — Туринской, Римской, Соединенных Штатов, а после Крымской кампании попал в число «бессмертных» Парижской академии. Слава же в России была столь велика, что в ту пору поступающим в университет жалали самого лучшего:

— Быть тебе Остроградским!..

Михаил Васильевич был настолько предан науке, что все мирское порою его не касалось. Сутками не выходил к семье, работая взаперти кабинета. Потому-то, когда — после смерти родителей — начался разлад кобеляжских изменений, Остроградский даже не поехал на родину, посплав судить-рядить свою жену:

— Бери что дадут, — наказал он ей. — За кадушки да градки не цепляйся. Нам с тобою хватит и детям еще останется...

Мария Васильевна «высарапала» у родичей мужа деревеньку Пашенную Кобеляжского повета, где вблизи протекал лирический Песел, но вернулась она в Петербург — сама не своя, часто поминная соседнего помещика Козельского:

— Ах, пан Козельский... ну такой озорник! Однажды я стою вот таким манером, его даже не замечаю, конечно, и ем вишни. А он вдруг подходит и... Знаешь, что он мне сказал?

— Уйди, — сказал ей муж. — Не мешай мне думать....

Еще раз смотрю на старинную фотографию того дома, что достался ученому в Пашенной: обычная «холацкая» хата, жалкое подобие крылечка с претензиями на колонны, крохотные оконца. Сюда он приезжал на каникулы, чтобы насытиться спелыми кавунами, наесться галушек с варениками. Крестьяне ожидали его приездов с нетерпением. Михаил Васильевич, человек щедрый, задавал им пиры под открытым небом, одаривал молодух грешешками и лентами. Очень он любил купаться в реке, голый, скакал по берегу, крича деревенским детишкам:

— А ну, ррра-ааа-ааа! такие, кто кого — каюкой!

Начиналось побоище «калюкою» (грязью), и светило научной мысли, тайный советник империи и кавалер многих орденов, весь обаянный грязью, радовался, как ребенок, меткости попаданий. Ничто, казалось, не предавало жизненных перемен. Впрочем, об этой перемене сохранились две версии. Первая такова. Однажды ночью, в дальней дороге, Остроградский уселся в свою карету. Было темно, лошади тронулись и, обняв жену, он целовал ее, а «жена» помакивала. Потом заявила:

— Вот как сладко! Только, сударь, ваша жена уехала в карете моего мужа, так что теперь можете целовать меня и далее. Видит бог, возражать я не стану...

Наверное, это один из анекдотов, каких немало о нем рассказывали. На самом деле все было проще и не столь романтично.

Мария Васильевна еще по весне выехала с детьми в Пашенную ради летнего отдыха, выехала намного ранее мужа; когда он сам приехал в имение, то жены не застал. А крестьяне подсажали ему, что она давно отбыла к соседнему помещику Козельскому. Остроградский поехал в имение своего соседа, где нашел разбросанные вещи жены, а жена и сам Козельский спрятались от него в курятнике, о чем Остроградский догадался по тому переполоху, который там устроили куры с петухами. Все стало ясно, как божий день. Не тащить же

ему жену за волосы! Остроградский вернулся в Пашенное, а вечером к нему нагрянула жена Козельского:

— Позвольте жить с вами... хотя бы временной при ваших деточках. Не могу же я оставаться при муже, который чужой женой овладел... вашей же! Не изгоняйте меня... Куда ж мне теперь деваться? Не любив у вас, а жалости прошу...

Остроградский обладал железным здоровьем, никогда и ничем не болел. Петербуржцы часто видели его гуляющим в сильные морозы или под проливным дождем — даже без зонтика, а галос он не признавал, как не признавал и врачей, считая их шарлатанами. Летом 1862 года он выехал, как всегда, на родину, много купался и не желал замечать, что на спине у него назревает опасный нарыв. Родственники уговорили Остроградского ехать в Полтаву, чтобы показаться опытным врачам, на этом же настаивал и сельский врач О. К. Коляновский. Поддавшись на уговоры, Михаил Васильевич созвал всех крестьян на прощальные посиделки:

— Сидайте ж, щоб все то добре сидало...

11 ноября Остроградский приехал в Полтаву, остановился на Колонийской улице в доме В. Н. Старицкой, своей давней знакомой. Начал было и поправляться, но 7 декабря не откажал себе в удовольствии поест маринованных угрей, после чего положение больного резко ухудшилось. Нарыв на спине превратился в рану.

Петербург в эти дни публиковал в газетах бюллетени о состоянии его здоровья. 20 декабря, окруженный сородичами и друзьями, Остроградский — время было к полуночи — вдруг стал волноваться, потом крикнул двоюродному брату Ивану:

— Ваня, мне мысль пришла... запиши скорее!

Но эта мысль гения, рожденная на смертном одре, осталась уже невысказанной, сопроводив Остроградского в могилу.

Гроб с его телом воздвизли на сани и отвезли в деревню Пашенную, где была семейная усыпальница дворян Остроградских...

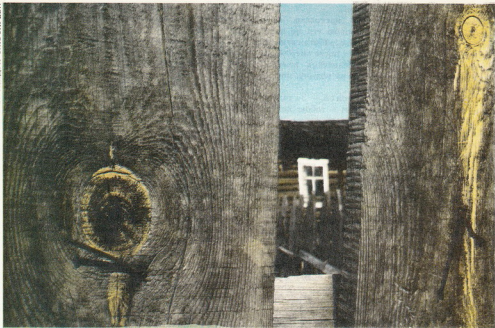
Мне осталось поведать последнее. О дочерях ученого мною уже упомянуто ранее. А вот единственный сын его Виктор не унаследовал от батюшки даже малой толики его гения, и еще молодым человеком был уволен из артиллерии за полную безграмотность — именно в математике! Виктор Остроградский умер в селе Рыбцы, будучи опекаем в «Доме призрения для бесприютных дворян» (то есть нищих дворян). Странно, что и мать его — Мария Васильевна — встретила старость тоже на чужих хлебах у графини Софьи Капнист, будучи приживалкой в ее богатом имении.

О чем мне еще сказать? Пожалуй, о той мемориальной доске, что висит на стене «академического» дома — на берегах Невы.

Но доска и есть доска, она мало что говорит.

А хорошо бы нам воскресить старое пожелание молодежи:

«Иди и учи!» Быть тебе Остроградским!..»

СОВЕТЫ ЖАННЫ ГРЕЧУХИ

Накликание счастья

Счастье — это норма жизни, считали те, кто во все века противостоял злу, и, несмотря ни на что, ни на какие обстоятельства — смутные времена, черные планеты, — ждал, славил, накликал — Счастье. Вот почему и *суженую* выбирали особенно тщательно, ответственно, трепетно. Есть ли важнее, необходимее, таинственнее, чем *выбор* своей судьбы?

«Согласную семью все беды обходят».

Как же выбирали невесту? Какой она виделась жениху, его родне, какой сама себя видеть хотела?

Равной...

Вот о чем хочется вспомнить. О равенстве в любви. Ибо: «неравный брак — вперед посеянное несчастье».

К любви готовились, ее жа-

ли, ее творили. Вот почему девочка уже знала, что в доме все нужно уметь делать легко и радостно, с песней да с улыбкой: и тем, которые рядом с тобой, и приедем, и проходим, и всяким-разным людям кланяться в пояс и помнить всегда, что «хлеб для гостей — дому радость».

Женские руки создавали уют дома, мужские руки рубили дом, украшали его резьбой, узорочьем, лепили своим детям глиняные свистульки, плели из лозы и бересты лукошки да корзинки, и незаметно, чтобы никто не видел, — вырезали фигурку доювого, чтобы тот берег дом, покой этого дома и не подпускал к порогу ни злого человека, ни лихих и нечистых помыслов.

Как берегли в старину свой

дом! И своих домочадцев! Сколько берегов сохранили и как упрямо верили, если вышить ему, суженому, рубаху да самой выткать поясик, да связать варежки, да родню его — сколь многочисленной бы она ни была — одарить носками да рукавицами, во весь ваш совместный век не взглянет он (никогда! ни разу!) ни на какую другую — ни девушку, ни молодую, — и меж вами не промелькнет, не проскользнет ни обида, ни черное слово, ни трещинка...

«Пролитое полно не живет». А потому — с первой своей вечорки, с первого веночка, помнила девушка-подросток, что нет ничего важнее и прекраснее, чем любовь. Одна-единственная, на всю жизнь, к нему, добру молодцу, младому князю, с которым и в шалаше рай, и смерть не страшна, и вся крестьянская и женская работа в руках спорится. Потому как «не по-хорошему мила, а по-милу хороша». А коль «милая», так и нет его прекрасней, и незачем думать о богатстве или о прочих суетных делах.

Вслушайтесь в слова-закливания любовных заговоров, тех, которые передавали «из уст в

уста: «Ветры! Буйные вихори! Сведите меня с нею, душа с душою, плоть с плотью, а хоть с хотью... И чтобы был я ей милее света белого, отца с матерью, солнца красного, звезд ясных, и чтобы ни пить, ни есть не могла без меня... как и я без нее».

Что же такое... Любовь?

Может быть, и в самом деле — «иная сфера реальности»?

Разве без любви такой терем создашь? Такую птицу из щепы вырежешь, такие ковры сможешь вы ткать?

Нет... Ничего не получится без любви.

Даже корзинка для грибов или ягод, даже короб или туесок для девичьих нехитрых украшений — бус, лент, тесьмы, даже свирель... Все, к чему прикасались человеческие руки, все хранило *душу* своего создателя и обещало долгую жизнь и добрую память, ибо «для радости вашей сотворили», для того, чтобы сердце радовало, душу тешить, счастье накладывать...

Все народные промыслы, все крестьянские ремесла из века в век, от деду к внуку, у всех народов, во все времена несли эту чудодейственную прапутья о Великой и Всемогущей Любви, которая *всегда* — Весна Крас-

на, Солнце Ясное, Радость долгожданная. И все песни о ней, о любви, и все мечты, в узорах спрятанные, о ней, и каждый (каждый!), вступая в возраст юности, уходя из отрочества, с трепетом ждет — когда же, когда прилетит и к нему Его Птица с золотистым хохолком, и... и он поймет, что пришла пора и ему — встретить, узнать, полюбить свою суженую.

Как готовили будущих невест и женихов к семейной жизни? Например, у наших северных соседей — карелов?

Почему они придавали такое огромное значение тому, что девушка *обязательно* должна быть любимой? *Правильно* своим однокласскам? Может быть, они и не знали такого понятия, как «очарование», но были уверены, без некоего «колдовского воздействия» на сердца — не будет девушка счастлива в своей семейной жизни. Жена должна быть «милый людям». Приветливой, радушной, ласковой, скромной, уважительной.

И если на зимних посиделках к ней никто не подходил, на танец не приглашал, подарков не дарил, и даже взгляды она не ловила — *взгляд* — это первый знак любви (не потому

ли и «любовь с первого взгляда?»), — эту девушку приглашали в баню две женщины селения. Одна — та, которая была любимой женой, и другая, которая была счастлива в материнстве. И они обе готовили ей и воду, и полотенца, и венник (то ли березовый, то ли рябиновый), и после этой «приворотной» бани девушка являлась на посиделки, и... не было ее краше, и милее, и все пари наперебой приглашали ее — танцевать, побеседовать, а то и с горки покататься.

Такова была сила *веры* в передачу удачливой и притягательной женственности, которой по карельским поверьям одаривали девушку те самые две счастливые жена и мать, которые понимали, что только они и могут помочь ей «накликать» свое собственное счастье.

Ну а сможет ли она удержать свою власть над сердцами (кстати, подчас такими непостоянными) своих поклонников, сможет ли угадать суженого, это уже зависит от нее. Только никогда не забудет девушка, та, которую раньше никто не замечал, как вошла в избу, и все взоры обратились на нее, и свежие ярче загорелись.

Андревон Жан-Пьер

Долина

Спутник, космолет, орбитальная лаборатория (называйте как хотите), но эта наполовину черная, наполовину сверкающая (никель-алюминий) металлическая громадина вращается вокруг планеты с удивительным постоянством. С тем же завидным постоянством вращается планета — громадный шар, похожий на резиновый мячик с зернистой поверхностью или, скажем, на синий апельсин. Орбита у спутника параболическая: апогей — 281 километр, перигей — 267. Суший пустыяк в хрупком балете тел, висящих в пространстве.

И скорость у спутника, у этой штуковины, постоянная (или почти постоянная) — 7,628 километра в секунду. Чтобы облететь вокруг серо-голубого шара, похожего на грязный апельсин, который вяло вращается под ним вокруг своей оси, ему требуется 104,03 минуты (а, быть может, на несколько секунд больше). А вот орбита, обратите внимание, у спутника наклонена к плоскости экватора под углом 71°. Он спускается (спуск? что означает это слово здесь, в космосе) к юго-востоку, затем поднимается (можно ли здесь подниматься?) к северо-западу, добираясь в северном и южном полушариях до 71-й параллели. Так он и носится над поверхностью шара, мяча, апельсина в пределах этих широт. При каждом следующем витке он пролетает на 18,7° восточнее. Предпожим, что на борту этой штуковины есть человек (а он там действительно есть), и он видит внизу поверхность планеты между северным полярным кругом (на самом деле чуть дальше) и южным полярным кругом (на самом деле чуть дальше).

Фантастика, не правда ли?

С помощью электронных инструментов наблюдения орбитальный пассажир сможет различить с высоты 280 километров, если Земля не закрыта облаками, туманами, дымом, любой предмет размером с садовую тележку, или с телевизор, или с собаку, или... Фантастика, не правда ли? Да, фантастика, но кому нужна такая острота зрения, ведь этого, так называемого человека не интересуют столь мелкие предметы, по которым можно стрелять разве что из рогатки, лука или карабина. Более того, у этого человека, пленника титановой камеры, нет ни рогатки, ни лука, ни карабина. В его распоряжении гроздь МБР с зарядом в 10 мегатонн каждая. А парочка бомб упакована в кобальт. Грязные штучки, очень грязные. И мишени для них намного больше, чем тележка или собака — человека интересуют города или городские ком-

плексы (на жаргоне, с помощью которого он обращается со своими коллегами, их называют площадными целями), в крайнем случае, ядерные электростанции, шахты с МБР, надводные и подводные корабли (на жаргоне — точечные цели). Фантастика, не правда ли?

Стоит ему нажать кнопку (это — образ, точнее, выполнить ряд простых операций с цифрами), и с ревом уйдут на цель ракеты. Ошибка исключена. Каждая ракета снабжена системой самонаведения (между собой они называют эту систему саблей), которая сравнивает занесенную в память карту с проносящимся внизу ландшафтом и идет на заранее запрограммированную цель. Фантастика, не правда ли? Фантастика!

Спутник, космолет, орбитальная лаборатория, короче говоря, громадный вонючий кусок дерма из наполовину черного, наполовину блестящего металла, называйте его так, как вам хочется. У этого громадного куска дерма есть два названия: техническое — ОСТВ (Орбитальный Спутник с Термоядерным Вооружением) и имя, данное при крещении — «Норберт Уайнберг». Всего-навсего! (Есть еще выгравированный на корпусе серийный номер — плавать на него! — и нарисованный рядом флаг с белыми звездами на синем фоне и красными и белыми полосами, но, думаю, вы и сами сообразили это).

В пустоте над синим апельсином вращаются (быть может?) еще четыре ОСТВ, каждый со смещением на 1,5° по отношению к орбите «Норберта Уайнберга» и удаленный на одну пятнадцатую диаметра орбиты. Но они нас не интересуют. Пространство размером в 25 кубических километров вокруг каждого ОСТВ напиховано ложными целями (от десяти до тридцати) — облаками металлических частиц. Но нас не интересуют ложные цели. Нас интересует только «Норберт Уайнберг», который носится вверх и вниз по своей орбите, сидящей набекрень на облачном лбу Земли, как шляпа клоуна.

Последуем (вы хотите?) за «Норбертом Уайнбергом» и пробудем с ним в течение нескольких часов сегодня, именно сегодня, 19 сентября 19... года.

Впрочем, зачем нам эта дата? Разве кто-нибудь помнит ее?

Он нажал на латунную ручку, толкнул створку, и дверь распахнулась, отчетливо скрипнув три раза — хрр...хрр...хрр...

Он на мгновение застыл в проеме распахну-

той двери, хотя это мгновение длилось очень долго. Он стоял в полумраке, насыщенном привычными запахами сухого дерева, сладковатой пыли, впитавшегося в натертую до блеска мебель воска. А через проем двери врывались и били прямо в лицо яркий дневной свет, буйные запахи травы, смолистых сосен, множества цветов...

Через проем в хижину вползала зеленая безмятежность долины.

7/39/1, 2, 3...

Он передвинул затекшую левую ногу вперед на несколько сантиметров. У него немного затекла икра.

Я двигаю левую ногу вперед, пока не касаюсь носком сапога пухляка. По икре побежали мурашки. Почесать бы ее. А задно и правую лопатку. Я весь сопреп от пота. И задницу хочется почесать...

Увы.

Могу облегчить собственные страдания, лишь понизив на несколько градусов температуру скафандра. Слишком жарко. Слишком жарко или слишком холодно? Слишком жарко! Устанавливаю кондиционер на 19°C (вместо 22°C). Уф! Стало полегче.

Вдыхаю.

Смотрю на плавающую меж ног Землю.

Прохладный воздух омывает грязные конечности, просачиваясь между нейлоновым комбинезоном и внешней оболочкой (грубо говоря, скафандром), состоящей из слоя неопрена, слоя тефлона, слоя стекловолокна бета и, наконец, слоя алюминизированного нейлона. Микроклимат внутри скафандра регулируется кончиком безымянного пальца левой руки, а жизнь или смерть нескольких сот миллионов человеческих существ (нет, все же надо уточнить: нескольких сот миллионов коммунистов) висят на кончиках других пальцев, управляющих пультотом. А человеческие существа населяют грязно-синий шарик, который медленно вращается под моими ногами. Его изображение дублируется на телеэкране визуального контроля, размещенном под пультом, чуть ниже колен.

Но главное не расплывчатое изображение, где ничего и не разберешь («Норберт Уайнберг» одновременно и слишком близко и слишком далеко), а огромная планифера с двумя полушариями над пультом, прямо перед его глазами. По нему красной ниточкой на черном фоне, поверх белой сетки меридианов и параллелей и голубого контура материков, тянется маршрут «Норберта Уайнберга». Вокруг несколько маленьких экранов — по ним беспрерывной чередой бегут летучие цифры, алгебраические уравнения, геометрические фигуры и странные символы программы — бортовой компьютер не дремлет, пережевывая и выплевывая данные, беспрерывно несущиеся из ЦУПа на базе Ванденберга.

Его темно-карие подвижные глаза не отрываются от телеэкранов. Такова его работа. У него есть звание: майор военно-воздушных и космических сил Соединенных Штатов Америки. Он — офицер летного состава, а вернее, пилот. Пилот? Пока даже не пилот. «Норберт Уайнберг», как и четверка его невидимых братьев,

летит в режиме ПЦК (Прямого Цифрового Контроля), иными словами, полностью подчиняется командам снизу, поступающим через спутническую связь. А пилоту, следовательно, и делать нечего, как только следить за табло, экранами, шкалами потенциометров, тахометров и прочих фиговин с плавающими стрелками. Но даже это внешне пассивное наблюдение есть работа. Он осваивал ее целых семь месяцев в Уайт Сэнда и на базе Ванденберг. В его активе восемьдесят четыре дня «полета» на тренажере и восемнадцать суток, семь часов с небольшим настоящего полета в гражданской станции, очень похожей на ОСТВ. Но он впервые сидит в настоящем ОСТВ и летит в настоящей пустоте. Ведь ОСТВ запущены впервые.

Он в какой-то мере неподпытная свинка. Подопытная свинка, запертая в кабине уже семь суток, простите, семь суток, одиннадцать часов, двадцать три минуты, восемь, девять, десять секунд. А сколько продлятся мучения, никому не известно. Но дог есть дог. Дог означает неудобства, одиночество, возможную опасность.

Он сдвигает левую ногу на несколько сантиметров назад, пока не касается пяткой основания кресла. Мурашки — ох и хитрые бестии — вновь засуетились между стопой и икрой. О чем ты, Бен? Не жалей меня. Дог есть дог, не так ли?

А пошел ты!

Он оперся левой рукой о раму двери, ощущая ладонью и фалангами пальцев тепло нагретого солнцем дерева. Легкий ленивый ветерок набегает из глубины долины, неся живительные сладкие, терпкие, кисловатые, ягодные запахи. Он делает несколько глубоких вдохов — его грудь поднимается под растегнутой до пояса клетчатой рубашкой, запроваженной в джинсы. Удивительно вкусный запах. Он щурится, вглядываясь в даль. Ослепительное солнце словно колышется в ослепительной сини неба — оно стоит прямо над ложбиной, образованной двумя склонами холмов, заставших на краю долины. Он зажмурился, и в глазах заплясали золотые пылинки, разбухающие в громадные пуночковые и зеленые цветы. Он открыл глаза. Солнце было добрым, добрым был его свет, добрым было его тепло — его лучи пронзали воздух и ласкали лицо, обнаженные руки, открытую грудь.

Он сделал один, затем второй шаг по крылечку из хорошо пригнанных друг к другу досок, спустился по двум широким ступенькам, прима босими ногами теплой мягкой траву, которая едва сгибалась под ленивыми порывами ласкового ветерка. Острые кончики травинки коснулись его пяток, ступней, пальцев. Стало до одури щекотно, и он бросился вперед.

Он бежал по траве, глядя прямо перед собой, туда, где навстречу ему открывались объятия долины.

9/21/37, 38, 39...

Тринадцать раз в сутки (Бен, ты знаешь, что здесь означают сутки?) он ныряет к восходящему слева красноватому солнцу, тринадцать раз в сутки он ныряет в ночь, когда справа распадается, то ли взрываясь, то ли растворяясь в

бесконечности, заходящее солнце. Нырять и нырять? Мне кажется, что я плыву по горизонтали над землей, бегущей подо мной, и несут меня в недвижное море ровные волны невесомости.

— Мне кажется...

— Ты здесь не затем, чтобы тебе казалось.

— Заткнись, Бен!

— Ты здесь не затем, чтобы тебе казалось, ты посажен сюда, чтобы нажать на кнопку, когда Президент велит нажать на кнопку.

— А мне плевать, пацифист недоделанный!

— А тебе, Боб, не хочется плюнуть на все?

— Заткнись. Я сделаю то, что мне прикажут, и ни на йоту больше. Я солдат, офицер.

— Ха-ха!

— ...не я, так сидел бы другой, ясно?

— Ха-ха!

— ЯСНО?

— Не заводись, Боб, хотелось только сказать тебе...

— Я не заводжусь, Бен. Думаешь, весело торчать в этом летающем гробу. Ты, по крайней мере...

Он внутренне усмехается.

Где ты можешь быть, старина Бен?

Перед его глазами на мгновение возникает долговязая фигура в яркой полосатой рубашке, висящие до плеч волосы, развевающаяся по ветру борода — Бен бредет вдаль по пыльной дорожке, над которой висит знойное августовское солнце. Воспоминание? Воображение? Символ? Даже не знаю.

«Я уже ничего не знаю, старина Бен?» Он вздыхает, откидывается на спинку качающегося кресла. Вот уже несколько секунд нестерпимо чешется спина вдоль позвоночника, где-то между пятым и шестым ребром. И не почешешься, надо ждать, пока само пройдет. Вот уже более семи суток он болтается на высоте 280 километров над уровнем пола автомашин! Сколько же еще болтаться здесь? Он вспоминает Старика во время последнего брифинга перед самым запуском — международное положение... волнения, вспыхнувшие в... предусмотрен автоматический возврат... постоянное дежурство на орбите не более двух недель... замена второй эскадрильи ОСТВ, которые...

Он слегка поворачивает голову, захватывает губами выступающий из ворота скафандра наконечник трубки, похожей на торчащую из груди перерезанную артерию, делает пару глотков и по привычке кривится — оборотная вода в общем неплохая, у нее даже нет привкуса земной воды; отходы прошли через множество фильтров, были разъяты на молекулы, атомы, а потом их соединили в подобие жидкости, не имеющей ни вкуса, ни запаха.

Попить. Пописать. Одно следует за другим — он облегчает мочевой пузырь, влага стекает между ног в присосавшийся к нему шланг, уходит в блок очистки, из которого он потом будет пить нейтральную синтезированную влагу, вдыхает ее вместе с внутренним воздухом скафандра, чтобы поддержать тщательно откалиброванное гидрографическое равновесие.

ОСТВ — маленькое чудо, миниатюрный мирок, планета-бродяга для него одного с замкнутым экологическим циклом. И этот мирок —

неотъемлемая часть социальной структуры, продолжением которой является он сам.

В это мгновение на пульте замгнал оранжевый огонек, в наушниках послышался треск. 0 часов 24 минуты 17, 18, 19 секунд — вызывает Ванденберг — «Норберт Уайнберг» вошел в зону прямой видимости. И летит сейчас вверх по склону (но что это такое здесь...) над Мексикой, солнце бьет в нижний левый иллюминатор и отражает в зеркале заднего обзора. (Офицер летного состава никогда не глядит прямо на солнце.)

Он щелкает тумблером. И хотя передача шифруется на выходе и расшифровывается на входе, звучащий в наушниках голос ясен, четок, громок, словно говорящий стоит рядом.

Маленькое чудо...

— Гарольд «Норберту Уайнбергу». Вы на месте?

— «Норберт Уайнберг» Гарольду, принято. Слушаю вас...

Он слушает, пытается определить, кому принадлежит этот земной голос, небрежно обращаясь к нему. Капитану Вернеру Бобровскому? Джону «Дасти» Картриджу? Или юному лейтенанту-блондинчику... как его звать?

— У вас все нормально?

— Нормалек.

— Ладно, слушайте...

(Айя-йя... Он колеблется, не знает, с чего начать. Это не Картридж. Что все это значит, черт подери!)

— Джордано, вы сейчас здесьдете на Д. К. Как поняли? Вы сейчас...

— Что там у вас творится? Крупные...

— Ничего особенного. Джордано. Маневры. Обычная... обычная предосторожность. Мы следим за вами. Кудахчем над вами, как старая добрая насадка над яйцами! Но у нас предусмотрено восемь орбит по Д. К. Ясно?

— Ясно, Гарольд. Но черт подери! Скажите...

— Внимание «Норберт Уайнберг». По десятому сигналу...

Бип... бип...бип...

Подонки! Ничего не скажут, а здесь нет ни телека, ни газет. Он знает ни больше крота, забившегося в землю в самом отдаленном уголке планеты, но он уже превратился в идеально запрограммированную машину. Его мозг автоматически регистрирует сигналы, глаза быстро пробегают по пульту, а пальцы летают над клавиатурой. Когда раздается десятый сигнал, вспыхивают четыре красные лампочки, притаившиеся в углах пульта. Он нажимает кнопки, включающие реактивную тягу, замыкает контакты системы контроля двигателя, крутит верньеры с насечками. В чреве «Норберта Уайнберга» возникает рев, едва заметно начинают дрожать переборки. Керосин и жидкий кислород вспыхивают в камере сгорания, несильное пламя еще пока не влияет на орбиту ОСТВ, но оно готово вырасти и перебросить его на новую траекторию.

Спутник отныне предоставлен самому себе. Ванденберг только голос, то близкий, то далекий, а офицер летного состава Боб Джордано превратился в настоящего пилота.

— Вызываю Гарольда (кто же он, этот гад Гарольд?). Перешел на Д. К. Жду ваших указаний...

— Пока все. Советую проверить отражатели реактивной тяги. Очередной сеанс связи ровно через две минуты.

— О'кэй, Гарольд! Отключаюсь.

Треск в наушниках смолк...

Он лежит в траве, подложив под голову скрещенные руки. Рубашка на груди не застегнута, помы вылезли из джинсов. Мягкие и колючие одновременно травинки щекочут спину. Ступни затеяли игру с прерией — он зажал и тычет пальцами левой ноги мохнатый желтый стебель. Он с наслаждением втягивает живительный послеполюденный воздух, насыщенный ароматами долины.

Справа и чуть зади в виду неподвижное солнце неторопливо сползает в прогалину между холмами, словно нарочно вырытую для светила. Его жар приятен коже. Воздух изредка словно пульсирует под дуновением ветерка — ветерок клонит перпендикулярно к склону упругие стебли травы, но не может ни на градус понизить температуру.

Он без передышки промчался от хижины до первого холма, вбежал вверх по пятидесятиметровому склону и, рухнув в пронизанную яркими лучами траву, пропал в ней, растворился в жарком солнечном потоке. Он долго дышал, пока дыхание не стало ровным, и теперь, закрыв глаза, слушает, как в груди сильными толчками бьется сердце. Мышцы, скованные слишком долгой неподвижностью (слишком долгой неподвижностью?), еще хранят в себе затухающее пламя. Но все эти ощущения были приятными, ибо они были жизнью, а жизнь и есть — усилие, усталость, отдых.

Он поворачивает голову вправо, оранжевый шар солнца миллиардами белых блесков взрывается под веками. Он приподнимается на локтях, открывает глаза. Долина ярко-зеленым потоком течет у его ног, обегая берега — темные склоны с колючими изгородями деревьев. Горизонт был близок, а потому успокаивал. Долина напиминала неровный овал, окаймленный холмами, над которыми синел громадный купол неба, похожий на громадную крышку, добела раскаленную, там, где заходило солнце.

11/17/21, 22, 23...

Гарольд вызвал его, когда он ел. В полете ему положено получать 2150 калорий в сутки, иными словами, его рацион состоит из 575 граммов твердого вещества и 2 литров оборотной воды. Калории носят аппетитные названия жареной говядины, моркови в сметане, грибного супа, паштета, сливового компота и прочая и прочая и запрятаны в небольшие пакетики, куда следует добавлять воду при температуре 68°C, чтобы получить из лиофилизированной пищи усвояемую и более или менее приемлемую кашницу.

Гарольд (голос, похоже, другой) спрашивает, все ли о'кэй? И я отвечаю, о'кэй! Чувствуя, что он вот-вот отключится, интересуюсь, как насчет хранилища. Он смущенно (и меня такое ощущение) отвечает, что период сна надо связать на несколько часов и что новый сеанс связи состоится, когда Ванденберг решит вернуться к ПЦК. Тогда я вволю наотдамся.

Понятно, Гарольд.

Я вырубая связь и высасываю через трубочку насыщенный водой кашницу под названием индейка под каштановым соусом. А поскольку еда связана с опорожнением, я опорожняюсь. Клапан захлопывается, и мою задницу обмывает струя бактерицидного раствора. Кто говорит дерьмо, подразумевает коммунист, а потому я еще раз спрашиваю себя, что за мерзость затеялась там внизу. Наверняка кризис, каких не возникало с 62-го! Если первые пять ОСТВ были запущены на орбиту в нарушение договора 67-го года...

По полушарию бежит красная точка, сейчас она пережрет западный берег Ирландии. И здесь полно коммунистов...

Коммунисты. Они повсюду: энергетическая война — их рук дело. Из-за них нефть засунули в этот летающий завод. Я сижу здесь целую неделю — все тело чешется, и я уже начал болтать сам с собой. Они хотят умирить нас голодом, оскотить, лишит нефти. И даже если руки — арабы, то мозг — Ираны и китайцы. Да еще навязали правительству на пятнадцать лет этот дурацкий ядерный мораторий, это нефть, что...

Что-то голова его полна речей!

Желаешь возразить, Бен?

Но Бен молчит. Он далеко, его нет, он умотал к врагам лет десять назад, когда я, Боб Джордан, его приятель по колледжу, был по конкурсу принят в училище ВВС. А что мне оставалось делать? Я не из умников. И не было у меня папы-тоастосу-ма, который был отсыпал денжат, чтобы ты споконно хиповал в студенческих кампусах. Для меня училище ВВС было единственной возможностью выбиться в люди. Единственной! Вьетнам был потом. Недолго, всего последние полгода, но можешь поверить, именно тогда авиация и нахлебалась. А я заработал крест за боевые заслуги. Потом Уайт Сэндз, потом Ванденберг. Думаешь, я веселился каждый день?

Я каждый день исходил потом и кровью, пока ты развлекался с девицами, курил травку, балдел, забивал мозги Марксом, Лениным, Мао...

Ну и что из этого?

Зато теперь я могу обратиться в прах половину твоих друзей.

Как же почесать лопатки? Особенно левую. Он выпил порцию лиофилизированного кофе, опустил стекло шлема. «Норберт Уайнберг» вскарабкался на высшую точку траектории, солнце за спиной прычется за горизонт в сполохах красного и фиолетового пламени, сейчас поворот (на планисфере в кабине, а не в реальности) точно над базой Иванов на полуострове Ямал.

Я уже должен был бы целый час спать. Три часа сна, шесть бодрствования, как по нотам. Жалко ломать привычку. Придется глотать амфетамин...

Красная точка на табло ползет в густой тени Центральной Сибири.

Знаешь, Бен, я далек от мысли, что все твои дела были погаными.

Ах вот как?

Он ответил!

Хочу сказать... в вопросах экологии, если не считать атомных станций, я почти полностью с тобой согласен. Поминишь хижину, где ребятами мы проводили выходные дни. Под Хэндфордом. Так вот, теперь там ничего нет — ни травы, ни деревьев, ни хижины. Сплошной пригород с каким-то новым заводом. Это наводит на печальные мы-

Вячеслав Колейчук. «Свет луны над морем».

сли. В Л.-А. в этом году было только пятнадцать тревог из-за чертовой окиси углерода! Они ведь уже начали строить свой пресловутый купол... Видишь, я не против твоих манифестаций. И не против ваших лозунгов в защиту Земли: «У нас она единственная, другой нет...»

Только зачем ради этого идти в коммунисты, разве другие думают иначе?

Он передвигает левую ногу вперед, пока не упирается носком в основание пульта.

Хэндфорд. Его молодость...

В Хэндфорде был не только Бен.

Там была...

Мир опрокинулся. Он перекатился на живот, поудобнее устроился в теплой траве, подперев голову

локтями. Белочка отпрыгнула назад и снова застыла в своей позе. Она быстро перебирала похожими на ручки передними лапками у влажного носика, корча уморительные гримаски. Человек расхотался. Белочка чуть наклонилась вперед, прижала к голове мохнатые ушки, не спуская темных бусинок глаз с лежащего на траве человека. Ее ноздри раздувались, она внюхивалась в необычные запахи, идущие от громадного неуклюжего существа. Но двуногое не проявляло враждебности. Белочка склонила голову сначала налево, потом направо и успокоилась. И принялась расчесывать пушистый хвост, пропуская мех меж передних зубов. «Тц... тц... тц...» — зацокал человек. Зверек, не прерывая туалета, с опаской глянула на непонятное существо. Человек протянул руку к

зверьку. Белочка опустила хвост, фыркнула. Человек снова засмеялся. Ему никогда не доводилось видеть белок на свободе в такой близости. Он пожалел, что нечем угостить зверька. А что вообще едят белки? Он поднял глаза. Под легкими порывами ветра, едва шурша, колыхались кроны деревьев. В роже росли и сосны с пахучими синеватыми иголками, и какие-то лиственные породы с ярко-зелеными листьями, названия которых он не знал. С дерева сорвалась птичка, пронеслась над его головой и взмыла вверх. Она была то ли коричневой, то ли серой и промелькнула так быстро, что он не заметил цвета ее оперения.

Он вскопнул на ноги, подошел к дереву, прижал к теплой шершавой коре ладонь. Потом отломил кусочек коры, размял в пыль и втянул в себя смолистый аромат сосны. Где-то в листве неизвестная птичка залилась веселой дружеской трелью.

Человек радостно вздохнул, он ощущал единение с миром, словно слившись с ветерком, с окружающими запахами, с теплом солнца, с трескотней насекомых, с видимыми и невидимыми животными долины и холмов, ведущими свободную гордую жизнь. Он неторопливо спустился по склону, приминная босыми ногами шуршащую траву. Солнце, которое, казалось, так и не сдвинулось с места, ласково грело спину. Он смотрел на квадратную хижину с крышей из тонких жердочек, между которыми проросли длинные желтые стебли. Хижина выглядела плывущим в темно-зеленом море плотом. Позади нее серебристой змейкой вилась речушка, текущая из-за далеких холмов и убегающая к другим столь же далеким холмам. Вода, небо, деревья, трава были для хижины как бы фоном, полотном, написанным специально для того, чтобы жизнь в ней была еще прекрасней. Ему вдруг захотелось очутиться внутри, он ускорила шаг, посаывая зажатую в зубах травинку.

13/07/46, 47, 48...

Он попытался переключить внимание на пульс, на планисферу, на лампочки, на свои фиговины...

Но слишком поздно — он вспомнил ее имя — Ванесса, и, когда мысленно произнес его, оно выбросилось из лабиринта его мозга, его охватила жар, тут же сменившийся пронзительным холодом в конечностях и груди.

— Вы меня слышите, Джордано?

— Слышу отлично, Гарольд...

Но он не расслышал последних слов и крикнул в микрофон:

«Что? Повторите!»

— Переходите в Б. Г.

Он переходит в режим Боевой Готовности, то есть отбивает на клавиатуре компьютера код разблокирования ракет. Вспыхивают зеленые огоньки. ОСТВ готов выпустить свои смертоносные жала. Выполнен приказ, он чувствует напряжение, какую-то тяжесть в желудке. Похоже, дела заварились не на шутку. Большая игра.

— Гарольд! Что происходит, черт подери?

— Не волнуйтесь, майор (его уже величают майором!). Ситуация у нас напряженная, надо быть готовым ко всему. Но все указывает на то, что в ближайшие часы все решится. У вас все готово?

— Все готово...

Он всматривается в экран кругового обзора. Но паутина сетки чиста, небо вокруг ОСТВ совершенно пусто. Голос из тени по имени Гарольд захихает, обещая вызвать, как только...

Ясно: если будет дан приказ запустить ракеты.

Запуск ракет — по телу пробегает горячая волна. Он переводит взгляд на фотографию обнаженной девицы, прилеженную справа от табло и словно двигающуюся, когда покаиваешь головой. Реальная фотография — их почему-то называют голофотками. На ней изображена блондинка — толстушка с похожими на воздушные шарик грудями, волосы на ее теле блестят, будто их покрывали лаком.

Ее зовут Молли. Так написано в углу фотографии. Боб не понимает, почему он нарушил обычай и прилежал эту дуру в кабине. Она даже не возбуждает его. К тому же в космическом скафандре не до возбуждения из-за этого чертова шланга...

Молли — клочок бумаги, кукла, таких пустых девиц он трахал десятками. Ванесса...

Ванесса совсем другое. Беглая мысль, тайный ожог, застрявшее в плоти воспоминание, лишенное образа воспоминание, живущее в нем, терзающее его, посещающее его в самое неожиданное время.

О Ванессе он никогда не говорит.

Это было так давно.

Это было в эпоху Бена, в эпоху...

Но ему нечего сказать ни о той эпохе, ни о Ванессе.

Он вздыхает, ему вдруг становится жарко, и кажется, что он засыпает. Он на два градуса снижает температуру в скафандре, немного увеличивает давление кислорода.

ОСТВ беззвучно ревет в пустоте, его металлическое брюхо словно сцепляется за облачный покров синего апельсина.

Неожиданный топот заставил его остановиться. Он обернулся. Прямо на него неслись три лошади с запутавшимися в гривах золотистыми лучами солнца. Коня скакали напрямик и казались дикими и необузданными. Он ждал, добела сжав кулаки, пока они промчатся мимо. Но они вдруг остановились в нескольких шагах от него. Жеребец задрагил голову и залихватно заржал. Кобыла подошла к нему, прижалась горячим боком, и они задышали в лад, кося на человека одним глазом. Только жеребенок продолжал скакать вокруг родителей, взбрыкивая всеми четырьмя, еще не знающими подков копытами. Потом и он успокоился, принюхался и кинула мать за бок. Кобыла повернула голову и положила ее на подрагивающий затылок малыша. Троица была великолепа — буланой масти, но жеребенок был чуть светлее родителей, да на груди у него белело несколько звездочек.

Он решил подойти вплотную к нему, похлопать по блестящей шкуре, под которой угадывались мощные мышцы. Но животные сдвинулись с места, побежали трусцой и почти тут же перешли в галоп. Они обогнули хижину, остановились на берегу речушки, чтобы напиться — высокие травы скрыли их от постороннего взгляда. Бегство лошадей — нет, слово бегство не подходило — оно не было вызвано испугом или недовольством: лошади проявили свою гордость и независимость; кто знает, быть может, в другой раз они допустят его к себе, а

жеребец позволяет оседлать себя. В другой раз. Время еще не настало.

Он выплюнул травинку, из которой высосал весь сок, выбрал другую, зеленую и крепкую — едва не порезал пальцы, срывая ее.

...Раскат грома прозвучал, когда он был шагах в двадцати от дома. Звук был так неожиданен и бел, что он даже не был уверен в том, что услышал определенный шум; но где-то на грани слышимости, на фоне поющей прерии, раздался далекий и глухой рев стакивающих облаков. Но он прошел мимо его сознания, и он позже не смог точно определить его, он только рефлекторно подумал: «раскат грома», но нелогичность его предположения была с очевидностью доказана чистым ярким небом, на котором не было ни тучки. Поэтому он выбросил из головы недоодеивый вопрос, хотя на протяжении нескольких шагов ощущал, как по телу пробегает неприятная дрожь. Это даже не походило на стойкое ощущение, а было каким-то едва заметным подрагиванием кожи. И все же холодная волна, скользящая по ней, противоречила мягкой полноте чувств, обуревавших его, а несколько теней на мгновение замутили поверхность его смутных мыслей.

Когда же он увидел в проеме распахнутой двери ярко освещенный заходящим солнцем силуэт, дурные мысли разом исчезли, куда быстрее, чем удивление от того проникнувшего в него раската грома. Он был в десяти или двенадцати шагах от деревянного дома и ощущал, как порыв ветра прижал к спине расстегнутую рубашку, когда она вдруг вышла на крыльцо с козырьком. Его сердце радостно забилось, кровь побежала по венам горячими волнами. Чувства захлестнули его — естественная физиологическая реакция. Иными словами, радость в чистом виде. Он рванулся вперед. Ему навстречу с пронзительным лаем бросился пес и закружил вокруг, пытаясь ухватить за брюки. Но он не обращал внимание на собаку. Он мгновенно очутился рядом с ней на расстоянии протянутой руки. Протянул руку и коснулся ее. Его дыхание участилось, а сердце так гулко забилось в груди, что он не расслышал собственных слов, пары банальных слов: «Это ты?» или просто: «Ты...» Касаться ее так, как касался он ее щек кончиками пальцев, было достаточно, касание забирало всю его энергию, исчерпывало всю его способность в ощущении счастья. И почему он спросил: «Это ты?» Конечно, это была она. Разве не было нормальным, что она ждала его? Разве не оставил он ее на час, чтобы прогуляться по холмам? На мгновение, на крохотное мгновение, меньше, чем секунда у него возникло безумное ощущение, что он не в силах ответить на эти простейшие вопросы, и он не мог бы сказать, когда... ни где... но ощущение рассеялось, так и не оформившись в его мозгу. Напротив, волна нежности и любви затопила его, успокаивая привычным рефреном: они встречались всегда, и каждый раз их встреча была первой. Его указательный палец скользнул по щеке, застыл в уголке рта: она чуть повернула голову, захватила палец зубами, прикусила. Он сделал полшага вперед и оказался совсем рядом, вдыхая знакомый запах отполированной солнцем кожи: ее грудь, обтянутая хлопчатобумажной безрукавкой, почти касалась его груди. Он заглянул в глубину ее светлых глаз, высвободил палец и провел ладонью по

нежной коже подбородка, шеи, плеча. Она улыбнулась, за розовыми губами блеснули ее белые, чуть неровные зубы. Он сделал еще полшага и прижался к ней, чувствуя крепкие бедра и упругую грудь. Пес перестал прыгать, уселся неподалеку от них, разинул розовую пасть, из которой свисал розовый язык, и часто задыхаясь, устремив на них свои карие с золотыми блестящими глазами. Он наклонился, уткнулся лицом в ее плечо и втянул в себя запах ее плоти. Его руки неторопливо скользили по спине, и он начал падать, медленно сползая вдоль ее тела, как снег, сползающий весной от теплой скалы. Его лицо скользило меж упругих грудей, по животу и замерло там, где ткань джинсов грубее всего. Он теперь стоял на коленях, его ладони обнимали ее ягодицы, а лицо пыталось зарыться в ложбину между бедрами, его рот прикидал к лону... Он словно отяжелел от нежности и любви и долго, не поднимая головы, стоял на коленях. Потом она медленно подняла его и, обняв за талию, ввела в дом.

15/18/27, 28, 29...

Он летел над северной Францией, когда в его наушники ворвался голос Ванденберга, переданный через комплекс МЦСС (на жаргоне Многоцелевая Спутниковая Система). Военная тревога! Ивана дали США тридцать минут на отзыв ОСТВ, время истекло. Голос сообщил майору Джордано, что с базы на мысе Канни Нос запущены двенадцать русских ЗР.

— Они достигнут вас через 3 минуты 47 секунд. Вас крепко тряхнет. Держитесь, Джордано! Мы нуждаемся в вас. Но ничем не можем помочь...

Он понял. Придется выкручиваться самому. Он бросил взгляд на экран, в уголке которого пульсировало белое пятнышко: дюжина советских ракет, 3 минуты 31 секунда. Все волнения позади. Мозг холоден, в теле никакой слабости. Джордано превратился в машину, работающую по заданной программе. 3 минуты 7 секунд. Он уйдет с орбиты в последний момент и ускользнет от ракет красных. Для них к тому же приготовлены ложные цели. 2 минуты 28 секунд. Белое пятно разделилось на крохотные полумесяцы с нечетким контуром. 2 минуты 1 секунда. Теперь их можно пересчитать. Двенадцать стрел, не отклоняясь ни на волосок, несутся к «Норберту Уайнбергу», большому пятну в центре экрана. 1 минута 16 секунд. 0 минут 20 секунд. Пора! По бокам ОСТВ вспыхивают шлейфы пламени, станция стремительно ускоряется и уходит с орбиты. У Боба прекратилось дыхание, от сердца отхлынула кровь, вот-вот лопнут кишки в сдавленном ускорением животе. 18° в течение двенадцати секунд! Но вот вступают в действие передний и правый отражатель, ОСТВ тормозит, выйдя на новую орбиту. Позади него, вдалеке или вблизи — в космосе притулено ощущение расстояния — вспыхивают ослепительно белые шары, на мгновение разрывающие черноту пространства. Удалось!.. Не совсем! Ложные цели сработали, но еще три ЗР висят у него на хвосте. Они приближаются к центру экрана, и вскоре три крохотные луны сливаются с меткой ОСТВ. И тогда она запускает свои ПЗР. Вокруг бушует белое пламя, металлические детали наливаются нестерпимым блеском. Он закрывает глаза. Та-та-та-та-та... Слово град. Ионизиру-

ванние частицы беззвучно бомбардируют станцию, воюю стрелочку счетчики Гейгера. Он не отводит взгляда от стрелки, мчащейся по циферблату 22, 23, 24, переходящей в красную зону — 26, 27 и замирающей на делении 28. Итак, он схватил 28 рентген. За две недели патрульного полета облучение не превысило 1,5 рентгена. Максимально допустимая разовая доза облучения за сутки равна 25 рентгенам. Чтобы убить человека за сутки, надо 500—600 рентген.

Все в порядке! Следя за экраном, он возвращает корабль на прежнюю орбиту. Ему больше ничего не угрожает. ПВО противника молчит. Иваны не хотят трогать ракеты на него! А внизу бушует ад. Он летит над районом Москвы, 2 часа ночи, но внизу светло от ярко-красных вспышек мегатонных зарядов, рвущих земную кору.

И все это из-за нефти!

Он смотрел на нее, слушал и всеми порами кожи и душой впитывал ее, ее, сидевшую сейчас на кровати. Она пела, аккомпанируя себе на гитаре, свесив одну ногу на пол, а другую поджав под себя.

*Интересно, произойдет ли это весной
И услышишь ли мы, как поет малиновка.
Когда оцетинится атом и обрушатся ракеты,
Когда весь мир будет в цвету весной.*

Он никак не мог вспомнить, слышал ли он раньше, как она пела это песню, и знал ли он ее из этого мгновения. Ее негромкий голос, пронизывший печальные слова, проникал до глубины души, задевая за самые тайные струны. Одновременно ласковые и яростные слова нагнетали тоску, наполняли сердце неосознанным ужасом и тут же пробуждали надежду на будущее, утверждали, что непрерывная череда похожих один на другой дней никогда не прервется. Голос ее, ласковый и яростный одновременно, успокаивал и бередила душу, пробуждал надежды и опасения, и эти надежды и опасения были залогом будущего. Ее голос взмывал, надламывался, превращался в ручеек, ветерок, золотистое дуновение, затем густел, вбирая в себя бархатные басовые ноты. Она пела хорошо, и песня знакомая и неведомая одновременно проникала в его плоть, каждый звук, как атом, взрывалась болезненными ожогами в глубинах его существа, в таких глубинах, что он не мог оценить их и не мог ухватить смысла болезненных ожогов, словно эхо заплутавшихся в закоулках плоти. В нем то нарастало, то затихало недовольство самим собой, а слова, словно снаряды, сыпались вокруг него, на него, в него. Ему хотелось справиться с этим недовольством — иногда это ему удавалось, иногда нет. И тогда что-то вроде тени кошмаров прорывалось к поверхности сознания, казалось, что за контурами этой неясной тени пряталась такая сила, которая могла развязать счастливую вечность, превратить ее в бушующий ад частиц. И спокойное счастье от того, что он просто смотрел на нее, просто ее слушал, размывалось гаденым ощущением, которому не было места в памяти, которое не имело веса в его разуме, но исподволь отравляло его существование.

Она пела. Гитара лежала на бедре поджатой под себя левой ногой, а левая груда была прижата изгибом деки. Ее тонкие длинные пальцы проворно бежали по струнам, а в конце каждого куплета она

ударяла ладонью по деке, подчеркивая конец четверостишия. Он дослушал до конца, борясь с тенью, набегавшими из глубины души, словно их цепляла на крючок сама песня.

Песня была старой, ее сочинили лет двадцать или тридцать назад. Автора он не знал или забыл его имя. Но слова по-прежнему попадали в цель:

*Может статься, что мы будем маршировать
весной,
Может статься, что мы будем убивать весной.
Я бы всего этого не делал.
А парню оттуда сказал бы: душевный придет
весной.*

*О, разве время умирать весной,
Разве можно женщинам плакать весной,
Когда продают цветы, разве время стрелять из
пушек,
Когда сирень цветет весной...*

Она кончила петь и замерла, оставив левую руку на грифе. Одна из металлических струн вырвалась из-под ногтя, издав пронзительную ноту — си звучало долго-долго. Ее лицо было все так же в тени, полоса солнечного света, проникавшего через окошко, косо пересекала грудь. Он встал, не потревожив дремлющую кошку. Его тень заслонила светлый прямоугольник и легла на нее. Он сказал, что ему нравится песня. Она ответила, что он всегда любил ее. Он удивленно буркнул и приподнял ее за плечи. Гитара скользнула на пол, обижено загудели струны. Смотреть на нее вблизи было непереносным счастьем — коротко стриженные золотистые волосы, большие синие глаза, довольно крупный нос, высокие скулы, рот с полными красиво очерченными губами, треугольный волевой подбородок гармонично сочетались, образуя парадоксально маленькое, полное жизни личико. Он поцеловал ее, и их зубы легкою стукнулись, они засмеялись, не прерывая поцелуя, и сквозь этот разбавленный смехом поцелуй она спросила, не голоден ли он. Есть ему не хотелось, но чтобы не огорчать ее, он сказал, что охотно бы перекусил. Она взяла его за руку и увлекла за собой.

Открылась дверь, и они очутились снаружи, в тени хижинки, выделявшейся на ярком просторе прерии. Он с удивлением узнал крохотный огорожок с несколькими грядами коричневой земли — в фигурных густых листьях зрели зеленые и оранжевые кабачки, торчали стройные кустики морковной ботвы, на столбиках висели бобы и горошек, а вокруг теснились кусты смородины. Там, где начиналась прерия, росло несколько фруктовых деревьев — слив и яблонь. Она сказала, что ей нужны яйца — прямо к стене хижинки примыкал курятник из проволочной сетки, где белые и рябые птицы усердно клевали зерно. Она толкнула дверь, нагнулась и заглянула в курятник — джинсы разгадились, обтянув плотные круглые ягодицы. Из-за угла показался пес, он обошел дом и для порядка гавкнул на кудахтающих куриц, потом подошел к нему и потерся о ногу. Он машинально погладила пса по загривку, затем сорвал три смородинки и бросил их в рот. Все это принадлежало им двоим. Как он мог забыть обо всем этом, удивиться вдруг появившемуся огорожку, курятнику, притулившемуся у стены хижинки, ведь все это прочно родило их с долиной, определяло их присутствие во времени — в прошлом, в будущем, в

вечности? Ну конечно! Он же весной вскапывал землю, сажал овощи, ухаживал за ростками. Конечно!.. Несомненно. Вероятно. Плотный туман, окутывающий его мозг, рассеется. Это было только...

Она спросила, идет ли он, он ответил, да, идет. Они снова пересекли чужачник.

...Пока она выливала яйца в сковородку, он облокотился на подоконник и обвел глазами зеленые границы долины, впитывая в себя каждое движение растительности. В небе перекатывался далекий гром, но раскатистый шум не затрагивал сознания. И только когда грохот набрал силу, и под его пальцами холодное заходило подоконник, его тело болезненно содрогнулось и сжалось. Он хотел крикнуть, позвать ее, но дрожь дерева, которую он ощущал ладонью, передалась ландшафту — четкие линии долины расплавились, распались, разворвались, словно по ней прошлись гигантским ластиком, стирая формы и цвета. Монотонный рев нарастал, словно в сердце земли сталкивались бронзовые врата ада. Долина исчезла — вместо нее стелилась растрескавшаяся земля, зажатая обнаженными клыками холмов, которые дрожали в пыльном воздухе под пуницовым небом. Видение не было застывшим, оно подрагивало и казалось размытым, как акварель, написанная художником-безумцем на слишком мокрой бумаге. Он хотел отвернуться, снова позвать ее на помощь, но какая-то темная сила держала его, парализовывая волю. И пока тоска теснила грудь, а расширенные зрачки не отрывались от изувеченной долины, сожженной неведомым огнем, та снова изменилась — потекла, вспикела и превратилась в мозаику красок, где широкие зеленые мазки соседствовали с серой грязью; над мешаниной красок в растущих джухах голубизны таяли красные облака. У него закружилась голова, и он зажмурился. А когда открыл их, долина обрела первоначальный облик — перед глазами тянулась зелень прерии, обрамленной темными холмами, а в произительно-синем небе висело оранжевое солнце. Дрожь прекратилась, асфальт превратился в ласковый шепот ветра. Он тряхнул головой, глубоко вздохнул. Но в груди еще таился комочек тоски, что-то неощутимое, хотя и очень грозное, но ему никак не удавалось вернуть долине четкость, поймать определенный звук — он никак не мог понять, что произошло, и вглядывался в мирные изгибы долины. Когда она позвала его есть яичницу, он хотел спросить, не слышала ли она... не слышала... не почувствовала ли... Но слова застряли у него в глотке — она была так спокойна и весела, беспечно улыбалась, а синие глаза безмятежно сияли. Он уселся напротив нее на чурбан с подушкой, вытянул ноги, охватил ими ее икры. Потом оглянулся на окно. Но ничто не нарушало зеленой прозрачности долины. Он облегченно вздохнул и принялся за еду — желтки лопались под его вилякой, как солнца в антипространстве. Но ему никак не удавалось вернуть себе то веселое спокойствие, которое непрерывно переполняло его до видения, и он то и дело бросал беглые взгляды в окно, за которым стелилась долина.

15/49/11, 12, 13...

Удивительно, как растяжимо понятие времени. Мне казалось, что прошли часы, а я еще лечу над

Россией. В это время из Ванденберга приходит приказ сбросить груз. ОСТВ скользят к югу, в район Новосибирска, значит, МБР предназначены для Китая. Но он не знает, какие цели они поразит. И никогда не узнает, ему не положено знать, он создает, он подчиняется приказу, и делу конец. Голос Ванденберга, переданный через систему стационарных спутников связи, дрожит, его гушат, он неизмеримо далек, но приказывает нажать на кнопку по десятому сигналу.

Он нажал кнопку по десятому сигналу. Корпус ОСТВ загудел, как барабан, когда МБР по десять мегатонн каждая — чудовищные гены смерти, предназначенные для оплодотворения вращающейся вгору и уже исковерканной взрывами темной материнской клетки — отделились от станции и рванулись вниз, выплыву из сопел фиолетовые языки пламени.

— Пришла наша очередь хлебасть дерьмо, — доносится голос Ванденберга, — но мы их поимеем!

— Гарольд?! Гарольд?! Я вас не слышу... Гарольд?!

Джордано срывается на крик, но в наушниках слышен только треск паразитов, человеческие голоса исчезли.

Он истрапил все МБР, все ПЗР. И стал беспомощен. Для него война закончена.

Он поудобнее устраивается в кресле.

Надо только подождать... Ведь мы их поимеем!

Проглотив горячий кофе, они еще долго сидели один против другого, с нежностью и удовольствием разгадывая тысячи едва заметных черточек, из которых складывается человеческое лицо. Вертикальная ямка на его подбородке, где чернеет несколько щетинок, не срезаемых бритвой; три коричнево-зеленых крапинки на синей радужной оболочке ее левого — только левого — глаза; крохотный звездообразный шрам, белеющий на его правой загорелой щеке рядом с носом; веснушка размером с десятицентовик на шее, там, где бьется синяя жиака; черный кустик тонких волосков на его переносице, соединяющий брови; чуть выступающий верхний клык, от которого ее улыбка кажется хищной; веснушки, волоски, ямочки, родинки — живые лица, живая кожа, живая плоть, едва тронутая коготками времени, времени, которое сейчас и только для них остановило свой бег...

Она задала ему вопрос, обеспокоенная его молчанием, может быть, заметив прителевшую извещать. Но она знала единственный способ успокоить его. И он был признателен ей за то, что она сумела выразить все несколькими словами и с какой-то новой нежностью во взгляде. Он встал, протянул руку через стол. Она ухватила его за три пальца и потянула к постели, скрутившей под тяжестью их тел. Он всем телом лежал на ней, потом они оба задремали ногами, чтобы перекатиться на постели в квадрат солнечного света. Он ощущал ее грудь и живот своей грудью и животом, ему было приятно, но он лег на бок, чтобы помочь ей стянуть майку, вслед за которой на пол полетела его рубашка. Он лажал губами набухший сосок и спрятал лицо в дощечке меж упругими подушарьями горячей ароматной плоти. Его ладони скользнули по спине, а указательный палец как всегда остановился на подвижном шарике

родинки под правой лопаткой. Ему не хотелось двигаться, ему хотелось лежать, уронив лицо в нежную дощичку груди, вздымавшейся и опадавшей у его щек. Посмыслился, или ему показалось, что посмыслился, глухие раскаты, и он болезненно сжался, ища укрытия в ее объятиях и желая навсегда раствориться в ее безмятежном спокойствии. Она спросила, что случилось, он ответил, что ничего. Она осторожно, чтобы не потревожить его, стянула с себя джинсы и светло-зеленые туфли, расстелнула пояс его брюк, и он, дергая ногами, стащил их с себя. Потом они любил друг друга — один раз, а не четыре, как в романах, — и этого было достаточно. И острое наслаждение к ним пришло не вместе, как в учебниках по сексу, а по очереди, сначала к ней, когда его язык касался самых тайных клеток ее плоти, а затем к нему, когда она, еще не придя в себя, гладила чуть онемевшей рукой его затылок. Потом он долго лежал, прижавшись к ней из страха выглянуть в окно, где играли оранжевые сполохи то ли от лучей заходящего солнца, то ли от всепоглощающего пламени вновь разгулявшегося ада.

Боб Джордано сделал еще тридцать оборотов вокруг обезумевшего апельсина, иными словами летал еще двое суток. Он перестал вызывать Ванденберг — западное побережье США на полторы тысячи километров отступило от побережья в глубь континента. Эфир молчал: молчала целая Земля, впрочем, Земля уже не была целой — взрывы ядерных зарядов пробудили тектонические силы. Он видел провалы в земной коре, куда устремились воды океана, повсюду дымились вулканы, густая завеса дыма почти полностью скрыла северное полушарие.

Конец. Никто ничего не поимел, все поимели всех. Боб Джордано не стал завершать тридцать первый виток. Он сбросил правую перчатку. Было 13.37 с секундами (время Ванденберга перестало существовать). ОСТВ камнем падал над китайской провинцией Ву-Ань. Перчатка отделилась от скафандра с неприятным металлическим визгом и повисла перед его лицом на предохранительном тросике. Джордано пошевелил пальцами у глаз, глядя, как появляются и исчезают сухожилия на тыльной стороне ладони меж раздувшихся вен... Затем поднял стекло шлема. Принохался. В кабине воняло хуже, чем в скафандре.

Он извлек из красного кармашка, шитого в левой рукав прямо под флагом, небольшую черную трубочку с кнопкой. Он поднес трубочку ко рту, зажал губами, как свисток, и положил палец на кнопку.

ОСТВ пала в черной тени горящей земли. Визу-там, там, где раньше был остров Тайвань, ревели море. «Привет!» — сказал он и заколебался, не зная, кому послать последний привет. Бену или Ванессе. Он нажал кнопку, белая пастилка скользнула прямо в горло, он едва сообразил, что глотает ее. Не прошло и десяти секунд, как его дыхание остановилось.

Тяжелая усталость вдруг обрушилась на него. По хижине носились птицы с широкими прозрачными крыльями. Его рука отяжелела на нежном изгибе ровно дышащего живота. Он пробормотал, что засыпает. Птицы стрекотали все громче,

наполняя звонкую клетку комнаты бархатной музыкой, арпеджио ветра, приглушенными аккордами бьющихся крыльев. Он дышал с трудом. Тело устало, он издрогнул, сказал, что ему холодно. Она натянула одеяло из разноцветных лоскутков на их обнаженные тела, и он крепче прижался к ней, положив ее голову себе на грудь. Он вдыхал запах ее волос, а птицы в своих сумасшедших пируэтах касались его лица. Темная хижина превратилась в вольтеру, пронизанную хрустальными траекториями, в сосуд, в котором билось эхо нашествия дивного чирьяника. Он лежал на спине, но уже не чувствовал ни своего, ни ее тела. У него уже не было ни веса, ни мышц, ни плоти — он пыл, превратившись во вращающуюся в пустоте птицу, а глаза его смотрели в непроницаемую тьму ночи. Шорох перьев затих, заглох, словно исчез воздух, несущий звуковые волны. А стену мрака миллиарды раз пронзила тончайшая игла и миллиарды крохотных отверстий впустили холодный и бледный свет в потухший взгляд его пустых глазниц.

Они летели издалека, из другой солнечной системы, может быть, из другой галактики. Так ли это важно? Ведь никто не видел, как они прилетели. Они путешествовали в огромном корабле, не похожем на корабль в нашем понимании этого слова. И не были живыми в том смысле, как были живы жители этой планеты, некогда называвшейся Землей, как может быть живым морж или человек. Они составляли одно целое со своим кораблем. Так ли это важно? Ведь некому было разобраться и понять, кто они такие. Они же, напротив, пытались понять то, что видели, хотя термин видеть не очень подходил к ним.

Понять. Узнать. Они путешествовали ради этого. И тогда увидели оранжевую планету, невозмутимо вращающуюся вокруг своей оси, планету сожженную, изувеченную, изрытую кратерами от бомб, планету, обитавшую в прах и пепел, планету-шрам, планету-пустыню, планету-ад, планету, лишившуюся или почти лишившуюся жизни, планету, отданную бактериям, подземным насекомым, примитивным животным и рыбам больших глубин.

Они послали на поверхность планеты зонды, которые, быть может, были частью их самих, они собрали пепел, измерили уровень радиации, произвели расчеты — планета сделала после катастрофы 250 или 265 оборотов вокруг светила.

Это был факт, цифра для занесения в память. Пришельцы усвоили ее. Но эмоции им были неизвестны, поэтому они не опечалились. В их словаре не было слова «безумие», и они не произнесли его. Они отнеслись к катастрофе, как к общему понятию, могущему звучать так — исторический детерминизм.

Однако прилетевшие издалека существа не были полностью удовлетворены — еще один неточный термин, который можно перевести, как отсутствие причины, мотива. Вопрос следовало задать доминирующей расе, расе, которая некогда населяла погибшую планету. Но эта раса существовала только в виде трупов и даже, более того, праха...

Но если у тебя есть средства задавать вопросы, заговорить может и труп, и прах.

Путешественникам не пришлось спускаться на

радиоактивную, спекшуюся поверхность планеты. Вокруг нее ожерельем хромированных гробов вращаются поджюжины спутников с трупами их пилотов, застывших перед немymi экранами.

Прилетевший извне корабль бледной, туманной луной ступился вокруг одной полублаестящей, получерной скорлупки с надписью «Норберт Уайнберг». Под действием невидимых сил металлический спутник раскрывается, как жук под клювом сороки, оставаясь совершенно целым, ибо операция проходила в ином пространственном измерении. В кресле, в скафандре полужелал пилот, усмехавшийся своим зубастым ртом, а череп его покоился в шлеме. От него осталось только прекрасно сохранившийся скелет. Но нет ничего болтаиве скелета. Пришельцы (корабль и они были лишь отдельными частичками одного целого, как отделимые от панциря и едины с ним лапы и голова черепахи) разложили скелет на частицы размером с молекулу углерода, однако он остался нетронутым, ибо разложение произошло в ином пространственном измерении.

При жизни Человек, Землянин, Пилот располагал двумя разделяемыми и взаимодополняющими системами мысли — сознанием и подсознанием. И они снова частично включились.

Скелет заговорил, скелет увидел сны.

Спутник, космолет, орбитальная лаборатория (называйте, как хотите), но эта наполовину черная, наполовину сверхкающая (никель-алюминий) металлическая громадина вращается вокруг планеты с удивительным постоянством. С тем же завидным постоянством вращается планета — громадный шар, похожий на резиновый мячик с зернистой поверхностью или, скажем, на синий апельсин.

В ракете, в этой безмятежно вращающейся вокруг планеты кабине, мертвец. Он умер 250 или 260 лет назад, он медленно исчез, растворился в своем почти асептическом скафандре, в своей почти стерильной кабине. Его кожа, плоть, мышцы, внутренности, серая кашка, бывшая его мозгом, все истаяло, обратилось в прах и стекло в сапоги его неопределенного скафандра. Но в шлеме с открытым стеклом усмехался череп. И когда ОСТВ бежит по орбите, солнце проникает через правый иллюминатор, его лучи ударяют по шлему, и зубы вспыхивают желтым блеском старой слоновой кости. Быть может, в этой усмешке есть ирония — сны скелета продолжаютс.

Но видит ли сны скелет?

Чужой корабль прилетел и улетел, неощущимый и неуловимый, как черный цилиндр в черноте космоса, оставив вновь онемевший скелет в его хромированном гробу, кружащем вокруг старой немой планеты.

Неподвижное солнце под шорох ветра в траве и листья ныряет в расщелину долины, которая как бы раскрывается, чтобы принять его. Посреди долины, зеленой скатерти, по которой, как по воде, бежит рябь, стоит бревенчатая хижина, и ее фасад с двумя распахнутыми окнами сияет оранжевым своплохом под лучами заходящего светила. На пороге спит громадная овчарка, ей что-то снится, и ее челюсти во сне хватают добычу. Хрик... хрик... хрик... лопаются желуди под зубами белки, сидящей на подоконнике. В единственной комнате хижины, на широкой и низкой постели спят обнявшись мужчина и женщина. Бээ... бээ... бээ... трещат кузнечики в траве. Бесшумно проходит пара ланей. Грр... рычание рыси в далеких холах разрывает тишину долины. Обнаженные, обнявшиеся мужчина и женщина под легким одеялом не вздрагивают, даже когда ворон задевает своим черным крылом крышу хижины и дважды каркает. Солнце, красный шар, пульсирующий на горизонте, касается своим пламенным языком кровати, облизывает щеки и лоб спящих, делая их похожими на раскрашенных воинов или больных лихорадкой. Но они не шелохнутся, их ноздри не раздуваются, не бежит по венам кровь, а их грудь недвижна, как мрамор. По комнате слонются три похожие друг на друга кошки — от стола к кровати и обратно. Снаружи доносится и затихает топот копыт трех лошадей. Выше, в холах, бархатной постелью по основным нгаам пробирается медведь. Смолистым запахом напоено все вокруг. Спящие в хижине не проснулись. Они никогда не проснутся — их сон неодолим, он столь же тяжел и неизменен, как сон богов.

Хрик... Белка раскусила последний желудь, принюхалась к теплому вечернему воздуху, в последний раз взглянула на спящих, спрыгнула с подоконника на мягкую траву долины и затрусилась к ближайшему хоалу. Чужой корабль растворился в вечном бесконечном пространстве, и никогда еще не было столь ужасающим безмолье бесконечности и ледяное безмолье пустоты.

Перевод с французского Аркадия Григорьева

К сведению авторов

Редакция принимает к рассмотрению статьи, повести, рассказы, стихи, напечатанные на машинке в двух экземплярах на одной стороне стандартного листа писчей бумаги белого цвета. Машинописная страница должна иметь не более 30 строк (через 2 интервала) и не более 60 знаков в стро-

ке, включая интервалы и знаки препинания. В тексте рукописи допускаются лишь стандартные, общепринятые сокращения. Высылая рукопись в редакцию, автор указывает на последней странице фамилию, имя, отчество (полностью), место учебы или работы, точный домашний адрес и телефоны — домашний и служебный.

Письма рассматриваются редакцией, написанные только аккуратным, читаемым почерком.

Материалы, не отвечающие указанным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Полученные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Леонид Французов

Прости!

Мать, прости! Слышишь меня? Прости! Ну, хочешь, я тебе поклонюсь, только прости. Сейчас, сейчас... Нет, никак не согнуться, поясницу сковало. Циклоны и антициклоны в бок так и стреляют, так и стреляют. Это — к перемене погоды.

Давай, мать, я перед тобой на колени встану. Прости, пожалуйста! Знаешь, мать, как больно на коленях стоять? Потому что уже все виды ревматизма схватила от той сырости, что ты разводила из года в год.

Не сердись. Вот, мать, голову перед тобой склонил, хоть она раскалывается от атмосферных магнитных бурь. Откуда они на наши головы свалились?!

Прости нас, мать-природа! За всех людей тебе слезно умоляю: прости нас, природа-мать!

Зря ты так разбушевала. Скажи, что плохого тебе сделал Вахтанг Кикабидзе? А тбилисское «Динамо»? Поют себе, играют, как все грузины. А ты грузинских стариков и детей ни за что ни про что снежными лавинами губишь.

Что же ты вытворяешь? То на Сахалине ураган, то в Хабаровске потоп, то Москву замела, то Сочи заморозила. И вообще лето когда-нибудь будет? Или ты, природа-мать, перешла на трехменку: зима, весна, осень? Из-за твоих капризов синоптики совсем уж завралась. Точно предсказывают погоду только на вчера.

Я понимаю, что мы тебя своим поведением раздражаем. Но мы же твои дети. Кто нас родил? Ты, мать-природа. Раньше надо было думать, прежде чем детей заводил. Кто же так детей воспитывает: то кислородной недостаточностью за горло, то атмосферным давлением по башке!

Не знаю, что уж мы такое делаем, что стаи тебе невмыслимыми. Ну, насолили, насолили, есть такой грех. Засолили почву. Теперь на ней ничего не

растет, кроме диссертаций. Но мы же все делаем из лучших побуждений.

Ты, мать, как-то уж очень остро на все реагируешь. Учись у нас, людей, спокойствию. Я на днях иду, вижу: рыбки вдоль речки невод тинут. Я им кричу: ребята, зря мокнете, здесь вся рыба стала жертвой девятой пилетки. А сейчас это уже не река, а химическое оружие. А они смеются:

— Не поднимай паники! — А того не замечают, что у них уже плавки растворились.

Ты, мать, одна за все отвечаешь, а у нас, детей твоих, интересы узковедомственные. Колхоз почему тебя минудобрениями закармливает? Потому что хочет урожай побольше урвать и за него деньгу покрупнее отхватить. А что люди от его заминированных овощей будут от болот корчиться, это его не колышет, за здоровые врачи отвечают. Химкомбинат почему газами и ядовитым сливом всех в округе травит? Потому что ему главное себе на премию нахихимичить. А то что вокруг «лес обнажился, поля опустели», — за это он не ответчик. За лесом пусть лесничий следит. Лесоруб все под корень вырубает, а дальше хоть трава не расти. Полеводам важно стерню поджечь, а то, что огонь на лес перекинется и подтайги сожгут, — за это с пожарников спрос.

Прости, природа-мать, нас, неразумных, которые думаем, что они думают.

Ты без нас сможешь прожить, мы без тебя — нет.

ПУСТОЕ

А знает ли береза, что она — русская?..

К 2000 году каждая советская семья будет иметь отдельную квартиру или дом, но не к 12.00, как сообщалось ранее, а к 18.30. Правительство приносит свои извинения.

Последняя фраза романа.

— До конца света оставалось

полчаса. Все сидели «на чмо-данах».

Вовсе не самое большое несчастье, что мы не догоним Америку, беда в том, что мы не хотим возвращаться на старт. А. Гольдбург

— Папа, что такое симплексия дистрибутивных гентронов?

— Где ты это прочитал, сынок?

— Я это написал.

В. Войнер

Однажды весной палача Теодора спросили:

— О чем гадаешь на ромашке?

Палач поднял на любопытных свои большие, чистые глаза, в которых мелькнуло удивление, и ответил:

— Я не гадаю. Я выбираю у нее лепестки.

В. Шамбаров

Некий инженер днем работал в НИИ, вечером — в кооперативе, а ночью он занимался индивидуальной трудовой деятельностью. «Когда же ты траишь деньги?» — спрашивали его окружающие. «В обед!» — гордо отвечал инженер... В. Гаврилов

Объявление у интуристовской гостиницы: «Уважаемые женщины! Не следует буквально понимать слова, что «в царство свободы дорогу грудью проложим себе».

К. Цивилев

С ТЕЛЕТАЙПНОЙ ЛЕНТЫ «ПАРАЛЛЕЛИ»

Последние новости

Всемирное общество «Беспамятство» выдвинуло очередные тезисы: «Париж только для французов!», «Берлин — для немцев!» В отношении Нью-Йорка вопрос решается.

Впечатления иностранца

Дороги в России ужасны. Вид-

но, неправильно был понят лозунг, что булыжник — оружие пролетариата.

Внимание! Конкурс!

Кооператив по приему макулатуры объявляет конкурс на лучшую юмореску. Первая премия — миллион долларов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Амир Даутов

Объявление

Студенческий инвалидный отряд «Интердевочка» объявляет очередной набор бойцов на летне-осенний сезон. Интересная работа и приличные заработки гарантируются.

В Европу

Новый марш мира по Западной Европе потребовали провести жители Богучанска. Несмотря на то, что в этом году уже проведено уже более 20 таких маршей, богучане еще испытывают нехватку многих товаров.

Вывод ученых

Ученые пришли к выводу о том, что коммунизм в нашей стране все-таки возможен, но пока что в некоторых отдельных взятых квартирах.

Новое в прессе

Вышел в свет первый номер популярного медицинского журнала «Советский СПИД».

Сообщение

На островной республике Барамантаро построен развитой социализм. Количество жертв и масштабы разрушений уточняются.

Игорь Макиенко

ФРАЗЫ

Это время сейчас такое, а мы не такие!

Тону в роскоши, но не сдаюсь!..

Социализм — это когда все думают, что они получают по труду.

Генералами у нас не рождаются, у нас все рождаются солдатами.

Не страшно, если исчезнут бедняки, страшно, что тогда исчезнет партия, защищающая их интересы.

Говорят, что сахар есть, талонов нет...

Да, глупо, но зато по-партийному!

Правильным курсом отступайте, товарищи!

Награждайте, всех не награждать!

А. Перляж

О близнецах

Массин и Колпинский — близнецы-братья.

Кто более матери Виктории ценен?

Мы говорим: «Массин», подразумеваем «Колпинский».

Мы говорим: «Колпинский», подразумеваем «Массин».

С. Власов

Корми мозг смолоду!

Про наших студентов порой говорят, что у них под шапкой гуляет ветер. Французским же сверстникам приходится слышать в свой адрес примерно такие слова: «Явно в голове не хватает свинца». Но, как выясняется, хорошо, что не хватает — эксперименты доктора Жан-Мари Бурра, автора книги «Диета для мозга», подтвердили, что у пациентов, потреблявших салат из капусты, выращенной вблизи от автомобильных дорог и потому епитавшей плюмбум из выхлопных газов, резко снижены интеллектуальные возможности.

Книга доктора Бурра не просто собрание кулинарных рецептов, а серьезное исследование, подтвержденное современной практикой и историей цивилизации. Любопытно его утверждение, что наши способности не только от Бога, но зависят и от толкового повара. «Только правильно выбранные, содержащие необходимые элементы продукты питания позволяют мозгу развиваться, функционировать и сохранять работоспособность», — пишет в предисловии французский ученый. Так о каких микроэлементах идет речь?

С точки зрения диетолога, возникновение очагов человеческой цивилизации на берегах морей и крупных водоемов не случайно. Оно объясняется тем, что первобытные интеллектуалы потребляли большое количество продуктов, содержащих необходимые для «серого вещества» йод. В идее Бурра отражено издревле известное в Европе выражение — «Альпийский дурачок». Так в массовом сознании отразилась нерасторопность и заторможенность горцев, исторически лишенных морской капусты.

Ну а теперь немного о любимо-молодежь «металле».

Не меньшую роль в интеллекте играет, оказывается, цинк. Эксперименты британских специалистов установили прямую связь между способностью к изучению язы-

ков и концентрацией в мозге этого микроэлемента. У пациентов, с трудом усваивающих прочитанный текст, был выявлен почти пятидесятипроцентный дефицит цинка в организме. Так что правильно составленная диета может воздействовать на развитие способности и памяти у детей. Впрочем, «цинковая диета» полезна и для взрослых, преодолевающих премудрости иностранных наречий. А этим металлом богаты куриные яйца, салат, молодая свекла, отруби, горох, фасоль.

Но цинк — хорошо, а витамины — лучше. Нервная система особенно чувствительна к отсутствию витаминов группы В, предохраняющих нас от серьезных депрессий. В наше нестабильное, «стрессовое» время об этом необходимо помнить. Гарантией от серьезных нервных срывов должна стать диета с усиленным содержанием витамина В6: ветчина, пивные дрожжи.

Витамин С в рекомендациях не нуждается. По расчетам Бурра, при увеличении его концентрации в организме на 50 процентов интеллектуальные возможности возрастают на четыре пункта. Правда, из этого не следует, что, потребляя тоннами продукты, содержащие этот витамин, можно легко добиться Нобелевской премии. «Превышение оптимальной дневной нормы витамина С

(около 80 мг) приведет к излишнему удорожанию вашей мочи», — с традиционным французским юмором констатирует доктор Жан-Мари. Излишки не усваиваются и вымываются из организма.

Ну а чтобы мозг исправно функционировал, его надо в прямом смысле хорошо смазывать. Лучшая смазка — разнообразные растительные масла, содержащие жирные кислоты, основу липидов — строительного материала мозга. Доктор Бурр советует потреблять в день не менее двух граммов линолеиновой кислоты (подсолнечное или кукурузное масло) и десяти граммов альфаолеиновой кислоты (продукты из сои и рапса).

Отсутствие в организме сразу обеих кислот — смерть физическая, отсутствие одной — смерть интеллектуальная или, в лучшем случае, значительное интеллектуальное отставание.

Оказывается, что именно в мозге содержится оптимальное количество аминокислот, жирных кислот, липидов, необходимое для развития клеток головного мозга. Гуманный доктор Бурр не призывает, конечно, охотиться за головой ученого соседа, но советует не пренебрегать при случае жареными мозгами, говяжьими ли, бараньими ли. Словом, под некоторые варварские суеверия можно подвести и научную базу.

И на десерт немного сахара. Кстати, наш мозг — сладкоежка, в час его клетки потребляют примерно 4 грамма сахара, то есть примерно стандартный кусочек. Причем сушенное поглощение сладостей мозговых потребностей пойдёт явно не впрок.

Итак, вам, дорогие читатели, должно быть, уже ясно, что путь к гениальности не только мужчины, но и женщины лежит через жеудок. Правда, как считает доктор Бурр: «В тот день, когда наука целиком возьмет на себя организацию нашего стола, планета перестанет вращаться, ибо все и вся утратят вкус к жизни!»

Ирина Камардина

БЕЗ ВИЗЫ

BELGIUM

Из Фландрии с любовью

Михаил Щипанов

Фландрия, Фландрия... Распалась связь времен. Фламандская школа живописи, Ван Дейк и Рубенс, пышные натюрморты и мясные ассорти-натюрморты, сукна и кружева, Тиль Уленшигел и Нелли. Ну а дальше-то что? Да и есть ли ныне эта страна? Есть и пребудет в веках. Фландрия является нашим глазам, как воскреснувшая Атлантида.

«Поцелуйте меня в уста, которыми я не говорю по-фламандски». Шутка неунывающего Тилля — ложь, да в ней намек многим поколениям фламандских добрых молодцев. Некогда, еще до первой мировой войны и даже позже, фламандская элита, стремившаяся раствориться в среде процветающих в ту пору валлонов-франкофонов, снисходила до родного языка разве что в разговорах с прислугой. И до сих пор встречаются коренные фламандцы — любители побол-

тать в своем кругу по-французски, но на таких людей смотрят косо, как на снобов, не понимающих всего комизма собственного пристрастия. В Бельгии бурно развивающаяся Фландрия давно перестала быть бедной родственницей. Ныне она с чувством превосходства поглядывает на увязающую в долгах Валлонию.

В двуязычной стране маятник качнулся в сторону непростого фламандского языка, близкого, но не тождественного голланд-

кому. Да, фламандская фонетика трудна, и еще сейчас в Антверпене вспоминают, как при нацистах разоблачали валлонов-коллаборационистов, выдававших себя за генетически чистых фламандцев. Достаточно было двурушникам произнести по неопытности «schield» или «vriend» — и для истинных потомков Уленшигеля все было ясно. Впрочем, это может оказаться просто легендой, но ни в Антверпене, ни в Брюгге или Лувене вы не увидите ни одной

вывески на французском. Пепел Клааса стучит в сердце фламандцев: «Скол, приятель! На здоровье!»

От Богоматери до НАО

Налоги бывают большие и разные. Некоторые взимаются в целях просветительских и даже воспитательных. В античные времена император Веспасиан, полагавший, что деньги не пахнут, пополнил казну за счет платных публичных туалетов. В мрачную эпоху средневековья на монеты, взимавшиеся с девиц легкого поведения, городские власти сооружали первые мостовые, давая благочестивым согражданам шанс ногами попарить порок. На рубеже Воз-

рождения отцы Антверпена не разрешали вывешивать фонари на тех улицах, где на стенах хотя бы одного дома не было скульптурного образа Богоматери с младенцем Христом.

Свет полагался как бы в придачу к религиозной наглядной агитации. Учитывая же, что путешествовать впотмах по средневековым колдобинам, залитым различными нечистотами улиц — все равно, что покусаться на самоубийство, дешевле было откупиться заказом на очередное изваяние Мадонны, чем попасть в руки садиста-костоправа. Тем более что такой товар в дефиците не был: любой местный скульптор, мечтавший о членстве в гильдии художников, должен был в обязательном порядке восславить Богородицу в камне или глине.

Охочие до уличного освещения граждане выступали, стало быть, еще и меценатами. Правда, поневоле. Словом, скромная фонарная свечка мерцала светом высокого искусства. Давно уже кануло в Лету насильственное «омадонивание» антверпенских улиц (плакаты и афиши нынешних гастролей Мадонны не в счет), а традиции живы. На стенах ультрасовременных зданий нет-нет да мелькнет образ классический, несмотря на присущую XX веку тотальную стилизацию.

Не потому ли так много фонарей на улицах фламандских городов? Единственные в мире освещенные шоссе, конечно, также бельгийские. Вся страна залита влекущим неоновым светом. Утверждают, что иноплазменные зачисти сюда, поскольку не могли отказать себе в желании увидеть эту сверкающую в ночи Бельгию. Аве Мария!

И лишь в кафедральном соборе славного города Брюгге мраморная Богоматерь работы великого Микеланджеоло надежно укрыта от света толстым пуленепробиваемым стеклом. Укрыта от света и людской непредсказуемой подлости.

Человек, бросивший руку

Наше отечество богато городами, построенными на костях в прямом и переносном смысле. Но и у нас, пожалуй, нет ни

одного города, воздвигнутого на кисти руки. Между тем жизнь Антверпену, как утверждает легенда, дал римский легионер Браво (игра слов?), победивший хозяйничавшего на берегу Шельды ракетира и в назидание другим разбойникам пожертвовавший реке отрубленную у злодея кисть.

В дальнейшем в славном городе Антверпене нравы смягчились, и в качестве наказания раскаявшимся греховникам выписывали командировки на паломничество по святым местам. Чем серьезнее было прегрешение, тем длиннее предстояло изнурительный путь. Самой серьезной мерой изоляции был, судя по всему, длительный вояж «телегастопом» в испанское местечко Кампесино, где, по имевшейся тогда информации, был захоронен один из апостолов.

Пронеслись века над Фландрией, и ныне антверпенцы, судя по всему, настолько погрязли в грехе, что каждому летом считают своим долгом вместе с чадами и домочадцами очиститься на испанских пляжах. Цена такого паломничества вполне божеская — примерно 600 долларов при средней зарплате в тысячу с небольшим. Впрочем, можно себе позволить и мини-паломничество в Испанию — на унк-энд, заняв место на одной из палуб туристского омнибуса. Июль, небо над Антверпеном закрыто плотными североморскими тучами, а улицы полны загорелыми до черноты паломниками с разлитыми по лицам благостью и умилением.

Жизнь в желтом цвете

Черный фламандский лев стал на дыбы на золотом поле национального флага. Желтые автобусы мечутся между золотистыми павильонами остановок, развозя безмоторных антверпенцев и гостей города-порта. А солидные автовладельцы с видимым омерзением поглядывают на вымазанные желтой краской парапеты: парковка запрещена — ищите пристанище своим «рено» и «маздам» в другом месте. Да и на парковке портят настроение кричащие желтизной циты: вещь, оставленная на виду в вашей машине, может быть украдена. А мимо еше и проносятся авто с черно-

желтыми наклейками (баджми). Это ликие нидерландцы спешат на два выходных «погудеть» в Бельгию. Черно-желтые наклейки на бамперах — сигнал добропорядочным фламандцам, что лучше от греха оставить бары и пивные на милость «оранжевым» группам захвата и эвакуироваться за город. Да, чуть было не забыл о модных во Фландрии золотых летних туфельках. Золотые туфельки, стройные загорелые ноги... Впрочем, это уже может быть расценено как вмешательство во внутренние дела фламандской семьи.

«Бездельник, кто с нами не пьет»

Группировать и классифицировать страны, дальние и близкие, можно по-разному. Если по характеру и крепости напитков, запояющих досуг местного населения, то вполне можно выделить державы водкопьющие, винопьющие и пивопьющие, не считая, естественно, государств, вытеснивших все вышеперечисленные зелья здоровой парфюмерной продукцией.

Бельгия — классическое пивное королевство. Четыреста сортов этого ячменного напитка представить нам так же сложно, как Вавилонскую башню. Впрочем, сколько ни говори «эпиво», во рту приятной горечи не прибавится. На улыбчивых лицах официантов в кафе появляется тень обиды и непонимания, когда они слышат: «Есть ли у вас пиво Х или У?» Дело клиента — заказывать, а не спрашивать о запасах в подвалах. Пиво светлое и темное, простое и сложное по составу, монастырское-трапистское, слабое и сверхкрепкое, ячменное и вишневое, пить его — целая наука.

Разогреваются любители светлыми слабыми сортами — «Стелла Артуа», «Примус», затем, приятно беседа, переходят к «Конинку» — гордости Амстердама, темным монастырским сортам — «Леффу», «Дьяволу», «Запретному плоду». Заблестевшие глаза начинают с вызовом поглядывать на порхающих мимо вынесенных на улицы стоек женщин. Пора завершать ритуальное возвание ударным пятнадцатиградусным «Бушем». Такой заказ — сигнал для официантов, что клиенты дошли до кондиции и собираются отравляться спать. А пока проворные молодцы в фаруках развозят пиво по бокалам — каждый сорт в свой «фирменный» бокал — можно и просветиться слегка, изучив прихотливые этикетки уже опустошенных бутылок.

Этикетка «Запретного плода» являет собой немого стилизованную репродукцию известной картины Рубенса. Бутылку пива «Волдер» украшает благообразная голова фламандского писателя, собственно, и давшего свое имя этому сорту. Без особого умения созерцать бутыльчатый дизайн пивопитие было бы, безусловно, простым убийством времени.

Когда-то бывавший в Антверпене Томас Мор начал свою «Утопию» ссылайкой на то, что об этой стране ему поведал моряк, встреченный в этом славном фламандском городе. Все содержание этой «эпивной» главки может показаться нашим читателям либо новой утопией, либо прямым издевательством. Ведь для нас, людей с Востока, пиво либо есть, либо нет, а слово «Жигулевское» — его

подный синоним, как «Жигули» — синоним автомобиля вообще.

Но есть если не свет, то слабый мерцающий огонек в конце туннеля. Фирма «Коник» в этом месяце открывает в Ленинграде свою первую пивную на родине Советов. Капля пены от плещущегося в Бельгии океана пива?

Впрочем, посмотрим. А пока мы идем по улицам Антверпена, заставленным стульчиками и столикками сотен кафе и пивных и оттого ставшими похожими на уютные комнаты: завернул за угол и попал из гостиной в столовую.

Немного о привилегиях

Утверждают, что в Бельгии больше всего министров на душу населения. Еще бы! В Брюсселе заседают сразу три кабинета: Валлонии, Фландрии, Бельгии, — и плюс правительство самой столицы. Возникает резонный вопрос: напасешься ли на такую араву достойных привилегий и вообще есть ли

они у официальных лиц королевства и провинций?

Оказывается, есть. Причем такие, что сразу бросаются в глаза. Проще всего отслеживать министра или депутата парламента в тот момент, когда он садится за руль собственного, на кровные деньги купленного, автомобиля, ибо только эти категории граждан имеют право на особые буквы-символы на номерах своих машин. Номер машины министра начинается с буквы А, а депутата — с Р. Вы скажете, что это, мол, несерьезно. Отнюдь, разве не льстит самолюбию удачливых людей, что от них за версту веет причастностью к миру высокой политики. На лбу ведь у себя не напишешь — министр, а на багнере авто — пожалуйте.

А вот еще, к примеру, вас кто-нибудь именовал «синьором»? Да нет, не обзывал, а величал. Нет? Большинству фламандцев также не повезло родиться «синьорами», так как право на такое архаичное обращение имеют только антверпенцы, появившиеся на свет в семье

коренных жителей этого славянского порта. Испанцев во Фландрии давно нет, но дело их живет!

Каналы Брюгге и Гента

В подернутых летней ряской каналах бело-красные жестянки из-под кока-колы вздрагивают на поверхности, как поплавки бакенов.

Подобно висячим садам Семирамиды некоторые набережные в Генте спускаются к воде террасами-уступами, засаженными небольшими деревцами.

Железные ограды каналов украшены пластмассовыми продолговатыми ящиками с красной геранью, примерно такими, что еще недавно украшали балконы во многих наших городах. Теперь-то у нас и на балконах цветов становится все меньше. А герань остается, пожалуй, в этой части Европы чем-то вроде национального символа. Не случайно в соседней Голландии родился задушевный романс «Опусти лыжные занавески на мою герань».

Шоколад на ощупь

Принцип работы скульптора известен широкой читающей публике до мелочей: надо взять кусок мрамора (гранита, песчаника) и отрубить (отколоть, отпилить) все лишнее. Но может быть что-то лишним в шоколаде? Ханс Бюри, шоколадник из Антверпена, мужчина в том элегантном возрасте, когда еще можно нравиться женщинам, работает со слитками по пять килограммов. И если все мы в детстве мечтали вот о таких глыбах шоколада, то сладкие скульптуры, памятники, храмы и маски Бюри не могли нам присниться и в самом сладком рождественском сне.

С точки зрения принадлежности к гильдии, Бюри — шоколадник, но каждая презентация его шоколадного или марципанового творения вызывает ажиотаж модного вернисажа. На

прошлом рождество снимок очередной съедобной композиции Бюри, представлявшей портреты Горбачева и Рейгана на фоне ликвидируемых ядерных ракет и традиционных напитков, обошел большинство западноевропейских газет. Один из «монументов» миру был вручен представителям советского посольства в Бельгии, и дальнейшая судьба его неизвестна.

А как хорош был шоколадный Кубок мира по футболу, отличающийся от своего золотого прототипа, пожалуй, лишь здоровым загаром. Можно только представить себе, как радовался капитан сборной Бельгии, принимая заветный кубок при стечении большого числа журналистов. Еще бы! Ведь он чувствовала себя представителем страны-чемпиона, чемпиона мира по шоколаду!

Впрочем, скульптура — это лишь часть жизни антверпен-

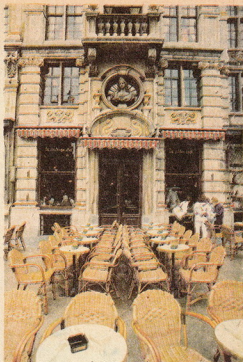
ского шоколадника, проходящей как бы в трех измерениях его дома: подвал — цех, — первый этаж — магазин, выше — квартира. Ведь с точки зрения нашей политаэкономии, Бюри вместе с его «подвальным» предприятием давно уже не должно было быть. Крупнейшие шоколадные монополии, коих немало в Бельгии, должны были выпить кровь несчастного ремесленника, съесть его запасы шоколада и запить все это ромом и ликером, идущими на пропитку его продукции. Но в тени «шоколадных» акул Бюри не только выжила, но и процветает, радуя сограждан конфетами штучными, праздничными, ручной работы. Бюри — это миллионер, ежедневно покидающий вместе с небольшой группой очень хорошо оплачиваемых работников свой подвал не раньше часа ночи. Это может показаться странным многим нашим со-

Привет читателям
«Студенческого меридиана»
из страны шоколада!

*Vele chocolade geschenken uit het chocoladeland
voor 'Studenchesky Meridiaan'*
HPS

гражданам, мечтающим заработать на всю оставшуюся жизнь. На всю и сразу.

Шоколад для Бюри — это жизнь, и он видит ее естественное продолжение в многочисленных учениках, приезжающих к нему овладеть секретами ремесла из Венесуэлы, Канады, Мексики. Готов он взять на полгода в свои подмастерья и молодого кондитера из Советского Союза. Обязательно только надо владеть французским или английским и уметь работать с шоколадом, пластичным и удивительно вкусным материалом. Но к идее выбора ученика для господина Бюри (квартира и харчи хозяйские) мы еще вернемся. А пока на прощанье антверпенский скульптор-шоколадник просит прислать ему фотографии Кремля: «На рождество шоколадный Кремль хорошо пойдет!»

Прощание с хозяевами

Как всегда, о гостеприимных хозяевах в последнюю очередь: слишком яркую картину откры-

ли они своим гостям, скромно оставаясь в тени. А ведь Фландрию мы увидели сквозь призму местной молодежи «Антверпенский студент». Еженедельник этот по форме так же нетрадиционен, как нетрадиционна вся молодежная журналистика в Бельгии. Ремеслу этому в королевстве не учат, резонно полагая, что умение писать — искра божья, а не диплом с печатью.

Вот и объединилась группа молодых энтузиастов-студентов, служащих рекламных контор, «фри лансов» (договорников) крупных общенациональных газет, — чтобы себя показать и профессией овладеть до степени конкурентоспособности на рынке «перьев» и «диктофонов».

В графе расходов редакции есть средства, вложенные в несколько компьютеров, во множительную технику, бумагу и услуги брюссельской типографии. Нет только расходов на гонорары и зарплату — работают здесь бесплатно. Финансируют выпуски за счет рекла-

модателей, выступающих в качестве главных экзаменаторов. Как только рекламные агентства фирм почувствуют, что «Антверпенский студент» теряет своего читателя, ни одно объявление о пользе мыла и достоинствах джинсов больше не попадет в редакцию. А это банкротство. Но надежды юношей питают, хотя работать на двух фронтах, чтобы еще и просто питаться, согласитесь, достаточно непросто.

P.S. «Студенческий меридиан» намерен подготовить свой выпуск о жизни нашей молодежи, который «Антверпенский студент» опубликует сначала на фламандском, затем, вероятно, и на английском языке. Пришлите в нашу редакцию интересные двухстраничные сообщения, которые, по вашему мнению, представляли бы интерес и для фламандских студентов. Ждем ваших писем-показаний, отпечатанных на машинке!

Дейл Карнеги

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Глава 8. Формула, которая будет творить для вас чудеса
Не забывайте, что другой может быть совершенно не прав. Но он не думает так. Не осуждайте его. Осудить может любой. Постарайтесь понять его. Только умные, толерантные, можно сказать, исключительные люди пытаются делать это.

Каждый человек думает и поступает тем или иным образом в силу определенных причин. Постарайтесь выяснить эти тайные причины, и вы будете обладать ключом к его поступкам, а может быть, и к его личности.

Искренне постарайтесь поставить себя на его место.

Если вы спросите себя: «Как бы я действовал, как бы чувствовал себя, если бы был в его шкуре?» — вы сэкономите массу времени и нервов, ибо, поняв причину, мы менее склонны отвергать следствие».

«Остановитесь на минуту», — говорит Кеннет М. Гуд в своей книге «Как превращать людей в чистое золото», — и сопоставьте ваш живой интерес к собственным делам с весьма прохладным отношением ко всему остальному. Поймите, что и все в мире чувствуют так же! Поняв это, вы наряду с Линкольном и Рузвельтом будете иметь единственное твердое основание успеха в любой должности, за исключением должности начальника тюрьмы, именно: успех в отношениях с людьми определяется сочувственным отношением к точке зрения другого».

В течение многих лет я проводил большую часть своего свободного времени, прогуливаясь или катаясь верхом в парке, расположенном вблизи моего дома. Подобно друидам древ-

них галлов я, можно сказать, преклоняюсь перед дубами. Поэтому, по мере того, как шло время, меня все больше раздражало бессмысленное уничтожение огнем молодых деревьев и кустов. Пожары возникали не из-за неосторожных курильщиков. Почти все они возникали из-за мальчишек, приходивших в парк играть в индейцев и разводивших под деревьями огонь, чтобы сварить сосиски или яйца. Иногда огонь разгорался так сильно, что приходилось вызывать пожарную команду.

На краю парка был повешен плакат, в котором говорилось, что каждый разводивший в парке огонь подлежит штрафу и заключению в тюрьму. Однако плакат находился в малоосвещенной части парка и мало кто из мальчиков видел его. Охрана парка была поручена конному полисмену; но он не слишком серьезно относился к своим обязанностям, и костры продолжали гореть. Однажды я, подсадив к полисмену, сказал, что огонь быстро распространяется по парку, и потребовал, чтобы он вызвал пожарную команду. Но он спокойно возразил, что это не его дело, так как горит не на его участке. Я был в отчаянии и после этого действовал как самозванный комитет по охране общественного имущества, состоящий из одного лица. Божь, что вначале я даже не пытался понять точку зрения мальчиков. Когда видел горящий под деревьями огонь, то так расстраивался, так хотел поступить правильно, что поступал неправильно. Я подвезжал к мальчишкам, грозил, что их посадят в тюрьму за разведение костра, авторитетным тоном приказывал потушить его, а если они отказывались, грозил арестом. Я только измывал свои чувства, не вникая в психологию ребят.

Результат? Ребята повиновались — повиновались мрачно и с чувством обиды. Когда я скрывался за холмом, они, ве-

роятно, разводили огонь снова, горя желанием сжечь весь парк.

С годами, полагаю, несколько больше стал понимать в человеческих отношениях, стал более тактичен, приобрел несколько большую потребность рассматривать вещи с точки зрения другого. Поэтому, вместо того, чтобы распоряжаться, я подвезжал к пылающему костру и начинал что-нибудь в таком роде:

— Привет, ребята! Хорошо проводите время? Что готовите на ужин?.. Когда я был мальчиком, сам очень любил разводить костры — и до сих пор люблю. Но знаете, здесь в парке это очень опасно. Знаю, что вы не причините вреда, но другие ребята не так осторожны. Они придут сюда, увидят, что вы разводили костры, разведут сами и не погасят перед уходом. Огонь распространится по сухим листьям и сожжет деревья. Если не соблюдать осторожность, все деревья погибнут, а вас могут посадить в тюрьму за разведение костров. Но я не собираюсь командовать здесь и мешать вашим играм. Рад видеть, что вы весело развлекаетесь. Но, пожалуйста, отгребите прямо сейчас листья от костра и засыпьте их землей перед уходом — побольше земли. Сделаете так? А следующий раз, когда захотите поиграть, может быть, лучше разведете костер за холмом, на песке? Там это совсем безопасно... Спасибо, ребята. Желаю хорошо провести время.

Какая разница в результате при таком подходе! Он вызывал у мальчиков желание сотрудничать. Никакой мрачности, никакого чувства обиды. Их не вынуждали подчиняться приказам других. Они сохраняли свое лицо. Они были довольны, и я был доволен, так как подошел к делу, учитывая их точку зрения.

Почему бы вам завтра, прежде чем обратиться к кому-нибудь с просьбой погасить костер, или приобрести банку пас-

Продолжение. Начало в № 2—7, 10 12 за 1989 год и в № 2—3, 5, 7, 9 за 1990 год.

ты Алыфа, или пожертвовать пятьдесят долларов Красному Кресту — почему бы вам не помедлить, закрыть глаза и попытаться представить себе дело с точки зрения другого? Спросите себя: «А почему он пожелает сделать это?» Верно, это отнимет у вас некоторое время, но вы приобретете друзей и достигнете лучших результатов, причем достигнете с меньшим трением и меньшей затратой нервов.

«Я предпочту лучше два часа ходить по тротуару перед конторой бизнесмена, с которым у меня должна состояться встреча, — сказал декан Донхем из Гарвардской школы бизнеса, — чем войду в его контору, не имея абсолютно ясного представления о том, что собираюсь сказать ему и что он, исходя из моего знания, его интересов и побуждений, может ответить».

Это настолько важно, что хочется подчеркнуть особое значение и повторить его.

Если в результате чтения этой книги вы получите только одно — большую склонность рассматривать вещи с точки зрения другого, видеть их не только со своей колокольни, если вы извлечете из нее только это, то даже и в этом случае

может оказаться, что вы сделали важный шаг к вашей карьере.

Поэтому, если вы хотите, чтобы люди изменили свои действия или намерения, не испытывая недовольства или обиды, применяйте Правило 8:

Честно попытайтесь увидеть вещи с точки зрения другого.

Глава 9. То, чего хочет каждый

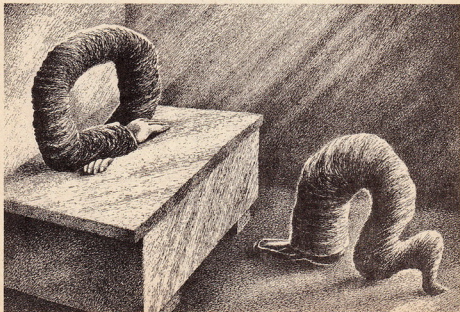
Хотите владеть магической фразой, которая прекращает споры, уничтожает недоброжелательность, рождает добрую волю и заставляет других внимательно слушать?

Хотите? Прекрасно. Вот она. Начинайте так: «Я ни на йоту не осуждаю вас за ваши чувства. Будь я на вашем месте, несомненно испытывал бы то же самое».

Такого рода фраза смягчит самого сварливого старикана, и, произнося ее, вы можете себя считать искренним на сто процентов, так как, если бы вы были другим человеком, то, конечно, и чувствовали себя так, как он...

Однажды я выступал по радио, говоря об авторе «Маленьких женщин» Луизе Мэй Олкотт. Я знал, конечно, что она жила и писала свои бессмертные книги в Конкорде, штат

Массачусетс. Однако, не контролируя свои слова, сказал, что посетил ее родной дом в Конкорде, штат Нью-Гемпшир. Если бы я сказал «Нью-Гемпшир» только раз, может быть, мне бы это простили. Но увы! — оговорился дважды. Я был затоплен письмами и телеграммами, язвительные послания кружились вокруг моей беззащитной головы, какрой ос. Многие выражали негодование. Некоторые осыпали оскорблениями. Одна пожилая дама из колоний, выросшая в Конкорде, штат Массачусетс, и жившая тогда в Филадельфии, излила на меня свой яростный гнев. Вряд ли она смогла бы напасть на меня с большей страстью, даже если бы обвинила мисс Олкотт в том, что она людоедка из Новой Гвинеи. Когда читал письмо этой дамы, то подумал: «Хвала Господу, что я не ее муж». Мне захотелось написать и сказать ей, что хотя я ошибся в географии, она совершила гораздо более тяжелую ошибку в правилах обычной вежливости. Мое послание должно было начаться этой фразой. Я уже собирался засучить рукава и выложить ей все, что думал. Но не сделал этого, сдержался, так как осознал, что любой разг-

неванный глупец мог бы поступить так, и большинство глупцов так бы и сделали.

Я хотел быть выше глупцов. Поэтому решил попытаться обратить ее враждебность в дружелюбие. Это был вызов, нечто вроде игры, которую я мог сыграть. Поэтому сказала себе: «В конце концов, если бы я была на ее месте, вероятно, чувствовал бы себя так же, как она». Поэтому решила выразить сочувствие ее точке зрения. В первый же раз, как я оказался в Филадельфии, позвонила ей по телефону. Разговор протекал примерно так:

Я: Миссис Такая-то, пару недель назад получила ваше письмо. Мне хотелось бы поблагодарить вас за него.

Она (тоном культурного, хорошо воспитанного человека, но не без язвительности): С кем имею честь говорить?

Я: Мы с вами незнакомы. Мое имя Дейв Карнеги. Несколько недель назад вы слушали мое выступление по радио о Луизе Май Олкотт. Я совершил непростительную ошибку, сказав, что она жила в Конкорде, штат Нью-Гемпшир. Недопустимая ошибка, и я хочу извиниться за нее перед вами. Было очень любезно с вашей стороны найти время, чтобы написать мне.

Она: Мне очень жаль, что я так написала. Я вышла из себя. Просить прощения должна я, а не вы.

Я: Что вы, что вы! Ни в коем случае! Я должен извиниться! Никакой школьник не допустил бы такой ошибки. Я выразил свои извинения по радио в первое же воскресенье после передачи, а теперь хочу извиниться лично перед вами.

Она: Я родилась в Конкорде, штат Массачусетс. В течение двух столетий моя семья играла выдающуюся роль в делах Массачусетса, и я очень горжусь родным штатом. Я действительно очень расстроилась, когда вы сказали, что мисс Олкотт родилась в Нью-Гемпшире. Но мне стыдно за мое письмо.

Я: Уверю вас, что вы не были и на одну десятую расстроены так, как я. Моя ошибка не причинила вреда Массачусетсу. Но она причинила вред мне. Так редко случается, что

люди вашего положения и культуры находят время написать по поводу выступления по радио. Очень рассчитываю на то, что вы снова напишете мне, если заметите ошибку в моих выступлениях.

Она: Вы знаете, мне очень нравится, как вы отнеслись к моему критику. Вы, должно быть, очень милый человек. Была бы рада познакомиться с вами поближе...

Таким образом, извинившись и выразив сочувствие ее точке зрения, я добился того, что извинилась и поняла мою точку зрения и она. Я получил удовлетворение благодаря тому, что сумел взять себя в руки и ответить любезностью на оскорбление. Я мог кончить дело, пожелав ей провалиться в преисподнюю, но мне доставило несравненно больше удовольствия завоевать ее симпатию...

С. Юрок является музыкальным антрепренером номер один в Соединенных Штатах.

В течение трех лет Юрок был импресарио Федора Шаляпина — одного из величайших басов, вызвавших восторги у владельцев лож Метрополитен-оперы. Шаляпин был вечной проблемой. Он вел себя как избалованный ребенок. Привожу собственные слова Юрока: «С Шаляпиным каждый раз было адски трудно».

Например, Шаляпин звонит к Юроку в полдень того дня, когда он должен петь, и заявляет: «Соа, я ужасно себя чувствую. Мое горло как рублевый шницель. Я не могу выступить сегодня вечером». Мистер Юрок начинает спорить? Ну, нет. Он знает, что антрепренер не может так обходиться с артистом. Он мчится в отель к Шаляпину, насквозь пропитанный сочувствием. «Как жаль, — сетует он, — какая досада! Мой бедный друг! Конечно, вы не можете петь. Я сейчас же расторгну контракт. Правда, это обойдется вам в пару тысяч долларов, но это пустяки по сравнению с вашей репутацией».

Шаляпин вздыхает и говорит: «Может, вы загаяете еще ко мне, попозже. Приходите в пять, посмотрим, как я буду себя чувствовать».

В пять часов мистер Юрок опять врывается в отель, за-

топляя его волнами сочувствия. Снова он настаивает на том, чтобы расторгнуть контракт — и снова Шаляпин вздыхает и говорит: «Может быть, вы зайдете еще раз? Может быть, позже мне станет лучше».

В 7.30 великий бас соглашается петь при условии, однако, что мистер Юрок выйдет на сцену Метрополитен-оперы и предупредит, что у Шаляпина сильная простуда и он не в голосе. Мистер Юрок жлет, обещая выполнить это условие. Он знает, что это единственный способ вывести Шаляпина на сцену.

Таким образом, если вы хотите убедить в своей точке зрения, пользуйтесь **Правилом 9:**

Проявляйте сочувствие к мыслям и желаниям других. Глава 10. Прозыв, находящийся отклик в каждом

В одной из своих аналитических интерлюдий Дж. Пирпонт Морган заметил, что у каждого человека имеется обычно две причины для своих поступков: настоящая и та, которая хорошо звучит.

Сам человек руководствуется настоящей причиной. Нет необходимости подчеркивать это. Но все мы предпочитаем, будучи идеалистами в душе, приписывать себе благородные мотивы. Поэтому, если вы хотите повлиять на людей, обращайтесь к их благородным побуждениям.

Не слишком ли это идеалистический подход в деловых отношениях? Посмотрим. Возьмем, например, случай Гамильтона Дж. Фарела из компании Митчелл-Фарел в Гленоуде, штат Пенсильвания. Один из жильцов, снимавший у него квартиру, был чем-то рассержен и угрожал съехать. Срок договора о найме, по которому жилец платил пятьдесят пять долларов в месяц, истек через четыре месяца. Тем не менее жилец заявил, что, несмотря на договор, он съезжает немедленно.

«Эта семья жила в моем доме всю зиму, — рассказывал мистер Фарел в одном из наших классов, — и я знал, что снова сдать квартиру раньше осени будет очень трудно. Я уже видел, как двести пятьдесят долларов ускользают из моего кармана и, можете мне поверить,

пришел в ярость. Действуй я обычным образом, непременно бы накинудся на этого свемщика и потребовал, чтобы он перечитал контракт, указав бы, что если он съедет, то ему придется выплатить полностью всю квартирную плату и что я могу этого добиться и добьюсь.

Однако вместо того, чтобы выходить из себя и устраивать сцены, решил попытаться применить другую тактику. По этому приступил к делу так: «Мистер Доу, — сказал я, — я выслушал вас и все-таки не верю, что вы намереваетесь съехать. Сдавая квартиры в течение многих лет, я узнал кое-что о человеческой природе и оставил мнение о вас в первую очередь как о человеке своего слова. И так уверен в этом, что готов идти на риск.

Вот что я предлагаю. Отложите ваше решение на несколько дней и подумайте. Если вы придете ко мне до первого числа — дня, когда вы должны внести квартирную плату, и заявите, что все еще намереваетесь съехать, даю слово, что буду считать ваше решение окончательным, освобожу вас от ваших обязательств и буду вынужден признать, что ошибся в своем суждении о вас. Но все же верю, что вы сдержите свое слово и доживете до срока окончания контракта. В конце концов, мы или люди, или обезьяны — и выбор обычно зависит от нас самих».

Что ж, когда начался новый месяц, этот джентльмен явился и лично внес квартирную плату. Он сказал, что они обдумали с женой это дело и решили остаться. Они пришли к заключению, что единственная достойная вещь, которую они могут сделать, это — не съезжать до окончания срока договора...»

Когда Сайрус Г. К. Куртис, бедный мальчик из Мэйна, начал свою ослепительную карьеру, которой суждено было принести ему миллионы как владельцу газет «Стердей инвинг пост» и «Журнала для женщин», он не мог позволить платить себе столько, сколько платили другие издатели. Он был не в состоянии только деньгами привлечь к себе первоклассных авторов. Поэтому он апеллировал к их благородным побуждениям. Так, например, он убедил писать для себя даже

Луизу Мэй Олкотт, бессмертного автора «Маленьких женщин», бывшую тогда в расцвете своей славы; и он добился этого, предложив послать чек на сто долларов не ей, а благотворительному обществу, пользовавшемуся ее расположением.

Здесь, однако, скептик может заявить: «Ну, ладно, все это хорошо для Нортклифа и Рокфеллера или для сентиментальной писательницы. Но хотел бы я посмотреть, парень, как это сработает, когда мне надо будет получить по счетам у моих упрямых малюток».

Может быть, вы правы. Нет способов, применимых во всех случаях, и ничто не действует одинаково на всех людей. Если вы довольны получаемыми сейчас результатами — к чему менять что-нибудь? Если же недовольны, почему не поэкспериментировать?

Во всяком случае, думаю, вам будет интересно прочитать следующую подлинную историю, рассказанную моим бывшим студентом Джеймсом Л. Томасом.

Шесть клиентов одной автомобильной компании отказались платить по счетам за обслуживание. Ни один из клиентов не оспаривал свой счет целиком, но каждый считал ту или иную статью расхода неправильной. Во всех случаях имелись расписки клиентов в том, что работа выполнена. И компания заявила об этом клиентам. Это было первой ошибкой.

Вот шаги, принятые работниками финансового отдела для того, чтобы добиться оплаты этих просроченных счетов. Вы думаете, они привели к успеху?

1. Они посетили каждого клиента и в резкой форме заявили, что пришли получить по давнему просроченному счету.

2. Они дали ясно понять, что компания абсолютно и безусловно права: поэтому он, клиент, абсолютно и безусловно неправ.

3. Они намекнули, что они, компания, знают об автомобилях гораздо больше, чем клиент может надеяться когда-нибудь узнать. Тогда о чем же разговаривать?

4. Результат: начинался спор. Могли ли такие аргументы убедить клиентов и привести к оплате счетов? Вы можете ответить на этот вопрос сами.

На этой стадии начальник

финансового отдела был готов открыть огонь батареей юридических талантов. Но, к счастью, дело привлекало внимание управляющего компанией. Управляющий навел справки об этих уклоняющихся от уплаты клиентах и обнаружил, что все они пользовались хорошей репутацией и всегда вовремя оплачивали счета. Что-то было здесь не так, что-то было абсолютно неправильно в подходе к ним. Управляющий вызвал Джеймса Л. Томаса и попросил его заняться этими «неоплачиваемыми счетами».

Вот шаги, сделанные мистером Томасом.

1. «Мой визит к каждому клиенту, — рассказывал мистер Томас, — имел целью получить деньги по давнему просроченному счету — счету, как мы знали, абсолютно верному. Но я не упомянул ни слова об этом, а сказал, что зашел выяснить, что наша компания выполнила и чего не сделала».

2. «Клиентам даю ясно понять, что пока не выслушаю их лично, ничего не в состоянии предпринять, сказал, что компания ни в коем случае не претендует на то, что она непогрешима».

3. «Я говорил каждому клиенту, что меня интересует только его машина, и что он знает о ней больше, чем кто-либо другой, и является в этом отношении единственным авторитетом».

4. «Предоставил возможность каждому из них говорить, и слушал с тем интересом и сочувствием, которых они жаждали и на которые рассчитывали с самого начала».

5. «Наконец, когда клиент находился уже в сносном настроении, апеллировал к его склонности вести честную игру, взывал к благородным побуждениям».

Таким образом, если вы хотите убедить в своей точке зрения, то полезно, вообще говоря, применить Правило 10:

Взвесьте к благородным побуждениям!

Продолжение следует

КОНКУРС-МАРАФОН «ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ»

Спонсор конкурса
Международный
эколого-рекреационный
консорциум «Эрконс»

В ЗЕС нарастают тенденции в пользу создания интернациональных военных формирований. Какие две страны уже приняли решение о разветвлении совместной бригады?

1. Франция и ФРГ.
2. Португалия и Испания.
3. Франция и Великобритания.

В 1955 году шесть стран — членов ЕОУС решили на своей очередной конференции сформировать экспертный комитет, призванный рассмотреть перспективы широкой экономической интеграции «шестерки». Кто стал председателем этого комитета?

1. Жан Монне.
2. Робер Шуман.
3. Поль Спаак.

После войны возник стиль, получивший название «ню лук». Кто стал его родоначальником?

1. Кристиан Диор.
2. Сальвадор Дали.
3. Морис Шевалье.

Фамилия _____

Имя _____

Возраст _____

Адрес _____

*Не опаздывайте с ответами. Последний срок
15 декабря 1990 года.*

Еще в прошлом веке немецкий промышленник Scherre наладил производство содовой воды, создав и поныне процветающую и носящую его имя фирму. В каком западноевропейском городе эта фирма была основана?

1. Амстердам.
2. Брюссель.
3. Лондон.

«Объясните, пожалуйста, может ли студент, отчисленный после второго семестра за неуспеваемость, восстановиться на первый курс?»

В. Шалугин, г. Псков».

Восстановление на первый курс не допускается. Если вы не сдали один-два экзамена в весеннюю сессию, обучаясь на первом курсе, то вы можете — с согласия ректора вуза — до начала учебного года ликвидировать свои задолженности во время летних каникул. И тогда сможете продолжить учебу на втором курсе.

Основание: инструктивное письмо Гособразования СССР от 03.05.88, № 10.

«После студенческого форума, где в ряду многих других проблем наши делегаты поднимали вопрос и о необходимости повысить стипендии, прошло уже немало времени. Что изменилось?»

Альбина Боброва, г. Николаевск-на-Амуре».

Правительством СССР принято постановление о дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий студентов высших учебных заведений (от 07.04.90, № 330), в котором, в частности, говорится и о стипендиях.

С 1 сентября с. г. стипендия должна выплачиваться всем успевающим студентам. А с 1 сентября 1991 года она повысится до 60 рублей, независимо от курса обучения.

«Интересно узнать, вычитается ли подоходный налог со стипендии? Если да, то с какой суммы? Некоторые студенты нашей группы за хорошую учебу были поощрены надбавками к стипендии в размере 20 рублей. Из них бухгалтерия начисляла к выплате 13 рублей 40 копеек. Правмерно ли это?»

Д. Шуклин, г. Казань».

По действовавшему положению со стипендии, превышаю-

щей 70 рублей, взимался подоходный налог так же, как с заработной платы рабочих и служащих.

23 апреля с. г. Верховный Совет СССР принял Закон «О подоходном налоге с граждан СССР, иностранных граждан, лиц без гражданства», согласно которому стипендии студентов, назначаемые учебными заведениями, независимо от их размера, налогообложению не подлежат.

Закон вступил в силу с 01.07.90. На стипендии, назначенные ранее, он не распространяется.

«Как мне быть? Я потерял студенческий билет. Обратился в деканат с просьбой восстановить его. Мне отказали, мотивируя отказ тем, что нет бланков и что документ этот выдается один раз на пять лет. А мне он просто необходим.»

Объясните, могу ли я надеяться на получение хотя какого-нибудь дубликата?

К. Коваленко, г. Киев».

При утере студенческого билета ректор вуза вправе наложить на вас дисциплинарное взыскание. Но дубликат должен быть выдан.

Основание: п. 5 Инструкции о порядке изготовления и выдачи студенческих билетов, утвержденный приказом Минвуза СССР от 11.05.56, № 396.

«Учусь в медицинском институте. Могу ли я поступить еще в один вуз страны, естественно, на заочный факультет, чтобы одновременно освоить две специальности?»

Екатерина Овечко, г. Донецк».

11.03.90 Гособразованием СССР издан приказ № 165 «О расширении возможностей студентов вузов и учащихся средних специальных учебных заведений в формировании образовательных программ». Согласно данному приказу, появив-

шемуся в связи с резолюцией Всесоюзного студенческого форума, ректоры вузов должны содействовать учащейся молодежи реализовывать свои способности, изучать дополнительно любые курсы, обучаться в любых других вузах (по согласованию между руководителями этих учебных заведений) со сдачей всех экзаменов, зачетов и получением соответствующей квалификации.

«Перед госэкзаменами нас предупредили, что дипломы выдадут только после того, как мы год отработаем по распределению. Нормально ли это?»

И. Осипова, г. Улан-Удэ».

Согласно п. 28 положения о распределении и использовании в народном хозяйстве выпускников высших и средних специальных учебных заведений, объявленного приказом Гособразования СССР от 22.08.88, № 286, дипломы вручают одновременно с выдачей удостоверений о направлении на работу и выплатой денежных средств не позднее 5 дней после окончания учебного заведения.

Указанное положение распространяется на все высшие учебные заведения страны.

«Можно ли оформить академический отпуск на предпоследнем курсе института? Или существуют некоторые ограничения?»

А. Пелин, г. Кишинев».

Академический отпуск студентам высших учебных заведений предоставляется в связи с перенесением тяжелого заболевания или беременности по медицинскому заключению (оно выдается лечебно-профилактическим учреждением, обслуживающим данный вуз) на любом курсе.

Основание: инструктивно-методические указания, утв. Минздравом СССР и Минвузом СССР от 17.08.69.

Под редакцией Анатолия Карпова

Не расставляя фигур

Десять лет помогал мне Семен Абрамович Фурман постигать многосложную науку шахматного мастерства — от звания мастера до чемпиона мира. 1 декабря ему исполнилось бы семьдесят...

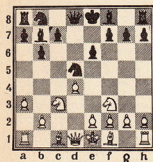
С. Фурман —

О. Панно

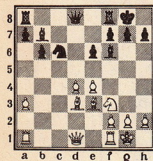
Мадрид, 1973 г.

Новоиндийская защита

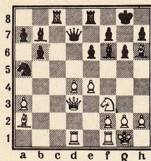
1. Kf3 Kf6 2. c4 b6 3. d4 Cb7 4. Kc3 e6 5. a3 d5 6. cd K:d5.

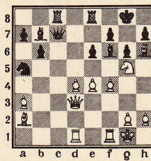
7. e3. Ce7 8. Cb5+ c6 9. Cd3 0—0 10. e4 K:c3 11. bc c5 12. 0—0 cd 13. cd Kc6 14. Ce3 Cf6.

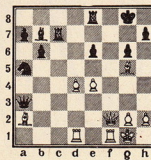
15. Cb1. (Белые парируют угрозу нападения на пешку d4, оставляя ход e4 — e5 как возможную угрозу.) 15...Лс8 16. Fd3 g6 17. Са2 Fd7? (Сильнее было 17...Ке5 18.К:е5 С:е5 19. Лад1 с минимальным перевесом белых.) 18. Лад1 Ка5 19. Ch6 Лfе8.

20. Kg5! Fe7 21. f4 Fc7.

22. f5! C:g5 23. C:g5 Fc3. (Если 23...ef 24. ef Fe2, то решает комбинационный удар 25. C:f7+.) 24. fe fe 25. Fe2 F:a3 26. Ff2 Лс7.

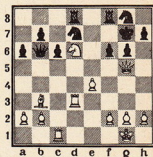

27. Лd3! Fd6 28. Cf4 Fe7 29. C:c7 Са6. (На 29...Ф:c7 последовало бы 30. C:e6+.) 30. Cd6! Черные сдались. Партия отмечена призом «За красивую атаку».

Не скупимся, жертвуем!

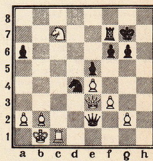
Два примера, когда на алтарь атаки приносятся ферзь:

А. Алехин — Эм. Ласкер

1. Kf5+ Kph8 2. Ф:g6! Черные сдались.

Б. Спасский — В. Корчной

1. Ке6+ Kph7 2. Фh6+!! Черные сдались.

Приводим решения последних в этом году конкурсных заданий.

№ 17 (Э. Цеплер): 1. d7 Kpe7 2. Лd6 Kpd8 3. a6 Ла3 4. Kpf2! Лf3+ 5. Kpe2! Ла3 6. Kpe1 Ле3+ 7. Kpd2 Ла3 8. Kpe2! Ла2+ 9. Kpf1 Ла1+ 10. Kpf2 Ла3 11. Kpg2 Ла2+ 12. Kpg3 Ла4 13. Kph4 Ле4 14. a7 Ла4 15. Лh6 Kp:d7 16. Лh8 Л:a7 17. Лh7+.

№ 18 (И. Лазар): 1. Лg7+ Kp1 2. Лb7 Лс8+ 3. Kpg7 Лс7+ 4. Л:c7 b1Ф 5. Лf7+ Kp:g1 6. h8Ф Фb2+ 7. Лf6 Фb7+ 8. Kpg6 Фg2+ 9. Kph7 Фh2+ 10. Лh6.

Своеобразный итог...

Что же будет модно в 1991 году? Это ведь первый год последнего десятилетия XX века.

Мода как бы подводит итог и предлагает новые стили, а берет пластику из модерна, колорит — от мирискусников, фактуру — от прикладного искусства неевропейских народов.

Стили, а не фасоны царят в моде — аскетизм военного коммунизма в шинелях и кителях, оттепель 60-х («манная каша», пиджак с чужого плеча), клеша 70-х и плечи 80-х, бесчисленные джинсовые и вареные бумсы. Приобретя колоссальный опыт, 90-е годы принимают все стили, но спокойно, без шума, отказавшись от кримплен, болоньи и ацетата. 90-е годы выбирают ткани из натуральных волокон. Исключение составляют лишь кожа и мех. Общества друзей животных во всем мире пропагандируют искусственный мех и козаменители, так что мы выступаем вполне в струе нового веяния, выпуская зимние пальто без меховых воротников.

Цвет — все оттенки пламени: от бледно-желтого до красно-коричневого; зеленый гороховый, фисташковый, теплые оттенки темно-зеленого; теплый серый (серый с розоватым или сиреневатым оттенком), жемчужно-белый; черно-белая графика.

Фурнитура — металл с налетом старины.

Силуэты — прямой и овал — для верхней одежды, прямой и прилегающий — в легком платье.

Длина — мини, около колена, до щиколотки.

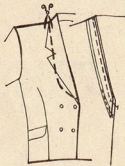
Клубный пиджак из папиного пиджака

Он вне моды или всегда в ней. Вам нравится образ Жанны Агузаровой? Во всяком случае,

нельзя не согласиться, что она оригинальна. А вам не кажется, что она следует девизу нашей рубрики — «Новое — это хорошо забытое старое»?

У вас в шкафу висит старый папин пиджак. Ну и что, что он на пять размеров больше, в этом что-то есть.

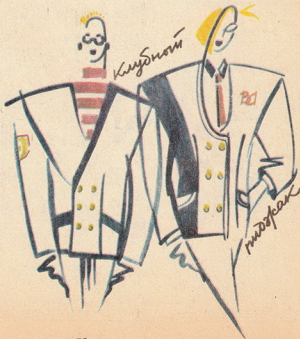
После того как пиджак побы-

вал в химчистке, наденем его и встанем перед зеркалом. Конечно, рукава длинноваты — сразу булавками подколем, лишнееотрежем, оставим 4 см на подгибку. Затем внимательно рассмотрим лацканы. Если отвороты потерялись, от них можно отказаться. Возьмите мел и начертите красивую линию борта (см. схему), она может быть дуговая овальная или прямая V-образная. Горловину спинки оставим прежнюю.

Вырежем новую линию горловины с припуском 1 см на обработку. Из отрезанных низков рукава или из ткани в цвет выкроем обтачку горловины полочек и спинки.

Положим обтачку лицом к лицу, срезы к срезам, предварительно обработав отлетной срез обтачки. Прострочим, отвернем обтачку в сторону изнанки,

пролетаем, проложим отделочную строчку на 1 см от края нитками в цвет поджака.

Следующий шаг — пуговицы. Советуем сместить застежку на двубортную. Петли на левой полочке зашиваются с изнанки, а на правой полочке пробиваются новые петли под металлические пуговицы. Пуговицы можно приобрести в военторге. А если вышить на лацкане или на рукаве инициалы или эмблему, у вас получится настоящий клубный пиджак.

Ну как, здорово? Мне, например, нравится, не представляю свой гардероб без этой вещи. С джинсами и майкой — на лекцию, с клетчатой юбкой в складку — на экзамен или конференцию, а с белой рубашкой и шелковыми юбкой-брюками — в театр. Такой вариант пиджака подошел бы и молодым людям (см. эскиз).

Под рождество

Создадим себе праздник сами. Комплект из шелка, состоящий из широких брюк-юбки и блузки с романтичным воротником-пелериной. Если же вам брюки не по душе, предлагаем юбку-солнце с втаченными в пояс лепестками-клиньями.

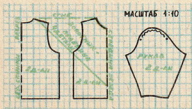
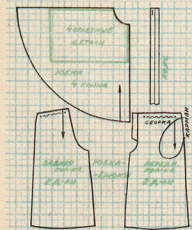
Расход ткани на юбку-брюки 2 м при ширине 140 см, блузку — 2 м при ширине 140 см; на юбку с лепестками — 5 м при ширине 90 см.

На этот раз мы решили попробовать новую подачу выкроек — в масштабе 1:10 (1 клеточка выкройки в журнале равна 10 см лекала в оригинале).

Перед началом переноса лекала на ватман нанесите сетку 10×10 см одним цветом, а затем еще промежуточную сетку 5×5 см другим цветом или меньшим нажимом. На такой лист можно переносить все шаши выкройки, а затем через кальку переводить их для изготовления лекала.

Выкройка дана на 48-й размер.

Удачи вам!
Виктория Андреевна

ОФОРМЛЕНИЕ ВИКТОРИИ АНДРЕЕВНОЙ

Болят? — Помогите себе сам

Ведет профессор Мак-Иов-Риго

Продолжение. Начало в № 4, 6, 7, 9, 11 за 1989 год и в № 1, 4—7 за 1990 год

Лечим остеохондроз

1
Не проходит дня, чтобы ко мне не обратились с просьбой: убежите с позвоночника соли. И когда я терпеливо объясняю, что во-первых, даже самое мощное биополе не может разрушающе воздействовать ни на какие соли, потому что у этих двух материй различная природа;

во-вторых, если появление солей как результата нарушения обмена веществ любой из нас может и объяснить, и представить, то объясните мне — что я мог это так же ясно представить, — куда деваться этим солям, на которые мы чем-то воздействуем? Ведь они — осадок, результат; они — тупик процесса; значит, требуется создать вокруг этих солей особую активную, агрессивную среду, иначе их не проймешь, не растворить; а как же выжить в таком случае окружающим живым тканям, если внутри их столь агрессивная среда?

В-третьих, я никогда не видел — и это самое забавное — на позвоночнике солей, и потому не имею представления, о чем, собственно, идет речь; так вот, когда я все это терпеливо излагаю, на меня обижаются, полагая, что я валяю баню.

А между тем я говорю только то, что на самом деле думаю.

Суть дела не в солях. Суть дела — в дегенеративных процессах, которые в определенных условиях начинают развиваться в позвоночнике. Беда приходит извне. Разумеется, в том, что мы пропустили ее в свой дом, — наша вина беспорочна. Мудрый живет в согласии

с природой — внешней и внутренней, — и потому страдает меньше глупца. И все же запомните этот универсальный закон: беда приходит извне.

2
Вначале договоримся о терминах и цели нашего урока.

В прежние времена болезнь, с которой мы намерены справиться, называлась остеохондритом. Здесь первая часть слова — ост — обозначает кость, вторая — хонд — хрящ, и третья — окончание ит — фиксирует наличие воспалительного процесса. (Из чего следует, что присутствие в медицинском термине окончания «ит» обозначает воспаление органа, названного в корне слова.)

Но в названии нашего урока термин несколько иной: остеохондроз. Появилось новое окончание. Оно означает, что процесс воспаления перешел во вторую стадию — перерождение тканей. В нашем случае — перерождение костной и хрящевой ткани. Например, артрит — воспаление сустава; артроз — воспаление сустава, сопровождаемое деформацией.

В этом уроке мы займемся частным случаем проблемы — воспалением костной и хрящевой ткани позвоночника. Значит — остеохондритом. Отчего же в заголовке — остеохондроз? Во-первых, потому, что это слово вам более привычно, оно на устах у всех (чуть заболела спина — «у меня остеохондроз»). Во-вторых, этим я как бы даю понять, что — в принципе — нет такого дегенеративного процесса в позвоночнике (более того — нет такой стадии этого процесса),

который бы не поддавался нашему лечению. Причем это относится ко всему диапазону болезни: от ужасающего горба — и до полной атрофии, когда — вследствие рассасывания костной ткани пораженные позвонки как бы размываются, от них остаются только следы бывших костных образований. Тело не знает амнезии (потери памяти), и если 1) наполнить его жизнью, животворной энергией, и 2) направленным воздействием устранить причину болезни, оно как бы возродится — и возвратится к норме.

Следовательно, хотя этот урок посвящен ликвидации болезни в ее начальной стадии, вы должны помнить, что в принципе та же методика годится и для остальных стадий, только для этого потребуются больше мужества, очень много сил и бесконечное терпение.

3
Теперь разберемся, отчего позвоночник болит и что с ним при этом происходит.

Из предыдущих уроков вы усвоили, что 1) болеть не должно нигде; что 2) болезненность точек при пальпации — это признак энергетических нарушений в определенной области; что 3) самопроизвольная боль в точках — это знак зарождения болезни; что 4) боль внутри тела означает: организм уже не в силах справиться с болезнью самостоятельно; что теперь на пороге 5) процесс дегенерации или разрушения органа.

Надеюсь, из этой схемы у вас не сложится впечатление, что человеческое тело — это нечто хлипкое и легко уязвимое. Я уже говорил — и не устаю повторять, — что наш организм на диво ладно сложен, его способность сопротивляться и приспосабливаться достойна восхищения, его саморегуляция всегда будет эталоном для конструкторов самых мудрых машин. Но даже при этих похвалах есть орган, который можно выделить особо, назвать первым. Это — позвоночник.

У него всегда была репутация самой прочной, самой надежной и наименее уязвимой части тела. Ведь не зря во многих языках его называют хребтом. Становой хребет тела, его оплот, его опора — лучше

не скажешь. Пусть будет поражен любой орган или система, пусть все они, стараясь поддержать равновесие, опускаются на менее энергемике уровни — лишь бы сохранить жизнь, бытие, существование, — позвоночник держится дольше всех, отступает последним, потому что позицию, которую он уступил, возратить трудней, чем какую-либо иную.

В общем, всегда считалось, что на позвоночник можно полагаться.

Конечно, никакой позвоночник не застрахован от ударных травм. А если каждый день по многу часов держать его в уродливой позе — он приспособится к этому прокрустову ложу со всеми его энергетическими и дискомфортными издержками. Наконец, если организм ослаблен настолько, что рухнули все иммунные заслоны, — позвоночник может пострадать от удара инфекции, которая обычно ему не страшна. Вот когда возникают спондилезы и сколиозы, кифозы и лордозы.

Поэтому запомним простейшие принципы:

1) Если мы не замечаем своего позвоночника — значит, наша энергетика находится как минимум в удовлетворительном состоянии.

2) Если ощущаем — хотя бы периодами — в позвоночнике легкую боль, — значит, мы находимся в состоянии хронического утомления.

3) Постоянная боль и скованность в позвоночнике — свидетельство хронического переутомления.

Отсюда напрашиваются следствия:

1) Боль в позвоночнике вовсе не означает наличие остеохондроза (-ита). Может быть, достаточно отдохнуть (желательно — с подложением приятных физических нагрузок) — и проблема исчезнет.

2) Отсутствие болей в позвоночнике вовсе не означает, что он в порядке. Привычный сколиоз (боковое искривление), привычный кифоз (искривление кзади, горб), привычный лордоз (искривление вперед) и т. д. во время прилива энергии утрачивает болезненность, хотя конституционно не меняется. Значит —

3) Привычные искривления

позвоночника не исправляются энергетической работой. Для их ликвидации требуется специальное комплексное воздействие.

4

Позвоночник требует особого внимания.

Почему?

Через него проходит главный энергетический канал тела.

В самом начале курса мы уже говорили о двух уровнях энергии: 1) возобновляемой, которой мы пользуемся для всех своих действий в повседневной жизни, и 2) основной, которая обеспечивает собственно жизнь нашего тела. Основная энергия тоже может быть востребована на «потребу дня», но это происходит в особых случаях: во время болезни, во время тяжелого дистресса, в экстремальных ситуациях, — собственно говоря, всякий раз, когда вопрос стоит о жизни и смерти. Нетрудно догадаться, что речь идет о двух качественно разных формах энергии. В первом случае — это волна, во втором — поле.

Это слишком специальная тема, чтобы ее здесь рассматривать. Для нас же важно одно: энергетический канал, который проходит через позвоночник, является общим для обеих энергетических форм. Это не только канал, а и своеобразный трансформатор, переводящий энергию из одной формы в другую. Когда он начинает барахлить, мы становимся уязвимыми для многих напастей, потому что организм при этом утрачивает целостность, его энергетическая система оказывается разлаженной, и как следствие этого:

1) в каждом органе просыпается немалым в иных обстоятельствах эгоизм, каждый орган начинает тянуть одеяло на себя, короче говоря — спаяйся, кто может;

2) компенсаторные функции перестают работать;

3) регенерация деформируется, становится избирательной, начинает обслуживать практически лишь одну задачу: жизнеобеспечение.

Мораль: пока позвоночник в порядке, любую беду — от локальной до всеобщей — организм встречает, как и положе-

но нераздельной целостности, сосредоточенным, целеустремленным, слаженным встречным усилием; если позвоночник поражен — организм становится восприимчивым к любому удару, а жизнь — зависимой от случая, потому что теперь нет у нее универсального энергетического щита и любой удар — в нормальных обстоятельствах безопасный — может оказаться смертельным.

Следовательно:

1) пока ваш позвоночник в порядке, вы можете быть уверены, что весь организм поддерживает и подпитывает энергией любой пораженный орган;

2) даже профилактически обрабатывая позвоночник, не сомневайтесь, что через его посредничество вы помогаете любому пораженному органу тела;

3) воздействуя на позвоночник, вы напрямую восполняете основной энергетический фонд. Иначе говоря — работа на позвоночнике универсальна.

(Впрочем, как и работа на любой точке тела. Но работа на любой точке универсальна только в принципе, работа же на позвоночнике универсальна по своей сути.)

Значит ли это, что достаточно заниматься одним позвоночником — и все будет в порядке?

Разумеется, нет. Работа на позвоночнике — работа профилактическая. Лечение через его посредство — путь окольный. Если есть контрольная цель и вы знаете, как ее достичь, лучше бить прямо в цель. Конечно, если у вас болит горло и вы будете воздействовать на позвоночник — горло станет легче. Но не обязательно сразу. Будет повышаться энергетический уровень — и соответственно улучшаться ситуация во всех органах. И в здоровых, и — прежде всего — в больных. А вот если вы лечите конкретно, то есть 1) снимаете с горла местное воспаление и 2) гоните на пораженные места свежую энергию, — то излечение становится быстрым и радикальным.

Продолжение следует

Папа и «тарелки»

В переломный 1917 год трое португальских ребятишек были поражены картиной, как им показалось, «вращающегося солнца». При этом им была сообщена некая важная информация, истолкованная как сообщение Богородицей Третьего секрета Фатимы (Фатима, молодая португалка, которой в начале нынешнего столетия регулярно являлась Дева Мария). Суть этого таинственного послания, факт которого никогда не отрицался, тут же оказалась засекреченной католической церковью, получившей в данном вопросе информационную монополию. Несколько лет назад Иоани Павел II еще раз публично подтвердил, что никогда не обнаружит секрет Фатимы из-за опасения вызвать нездоровый ажиотаж. Остается пока только гадать, что за контакт состоялся у невинных отроков португальских.

О гуманоидах говорят...

Антонио Дзикки, президент Европейского совета по ядерным исследованиям, обихен на неконтактность предполагаемых пришельцев: «Если они способны достигать нашей планеты, то наверняка принадлежат к развитой цивилизации. Тогда почему они не предупреждают нас о своих визитах заранее? Пришельцы могли бы

разработать систему радиооповещения».

Гораздо более скептичен, что в принципе странно, известный фантаст Айзек Азимов, который расценивает сообщение о пришествии гуманоидов в город Воронеж как «грандиозную шутку». «Правда, — отмечает Азимов, — в человеке живет сильная вера в существование других форм разума, в противном случае никто бы не читал моих романов».

Армия и НЛО

После нескольких месяцев молчания представители бельгийских ВВС согласились предоставить информацию о факте полета над территорией страны неопознанного летающего объекта в ночь с 30 на 31 марта. Выяснилось, что два истребителя-бомбардировщика «Ф-16», наведенные наземными радаром, преследовали «цель» в течение почти часа. Из-за темноты пилоты не имели возможности визуально наблюдать объект, однако бортовые РАС зафиксировали удивительное явление. Как только НЛО оказывался в поле зрения радара, он резко менял скорость и высоту полета. В течение нескольких секунд скорость возросла с 280 до 1800 км/ч, причем не было зафиксировано ударной волны, характерной для прохождения звукового барьера. По мнению начальника оперативного управления штаба бельгийских ВВС, установленные характеристики «цели» превосходят возможности всех современных самолетов. Никаких иных комментариев сделано не было.

ГРАФИКА ВЛАДИМИРА БУРКИНА

ИСТОРИЯ РОКА

По другую сторону океана

Хотя в конце 50-х преимущество американских рок-н-роллеров во всем мире было неоспоримо, но и в других странах новая музыка находила все больше и больше поклонников. Музыканты Старого Света (в данном случае Великобритании) стали работать в ключе своих заокеанских кумиров и постепенно вышли на международный уровень. Началось формирование национальных рок-сцен.

Свято место пусто не бывает. Возможность добиться быстрой и легкой популярности, а также новизна рок-музыки привлекали

к ней все больше исполнителей. Но история оставила нам лишь несколько имен, оказавших огромное влияние на дальнейшее развитие британской рок-сцены.

В Англии рок-н-ролл — в основном его ритм-энд-блюзовое ответвление — начал отсчет во второй половине 50-х годов.

Одного из самых влиятельных музыкантов этого периода звали Алексис Корнер. Он родился 19 апреля 1928 года в Париже. Его мать была гречанкой, а отец — австрийцем. Детство провел во Франции,

Швейцарии и Северной Африке, и лишь в 1939 году семья Корнера переехала на жительство в Англию. С раннего возраста Алексис живо интересовался негритянской музыкой. Но музыкальную карьеру Корнер начинал в роли диск-жокея военной радиостанции.

В 1947 году Алексис предпринял первую попытку сольных выступлений, выбрав для этой цели небольшие гамбургские клубы, где он исполнил стандартный блюзовый репертуар в духе Билла Брунзи. Обратившись в Великобританию Корнер вернулся в составе группы Криса Барбера, с которой играл в течение двух лет; после чего попробовал еще раз пробиться самостоятельно. Но время его еще не пришло.

Алексис продолжал набирать опыт — работал в качестве сессионного музыканта и сопровождал во время английских турне таких американских звезд, как Магди Уотерс, Мемфис Слим и Литта Брауэр Монтоммери. Потом Корнер пробовал играть скиффл с Кеном Колайером и почти шесть лет подрабатывал от случая к случаю в составе известного вокалиста Цайрила Дависа.

В 1957 году дебютировала его первая группа «Алексис Корнер Брек Даун Групп». Это был прообраз его нахуменшего состава «Блюз Инкорпорейтед», оставившего о себе след в мировой истории тем, что в группе играло огромное количество будущих звезд рок-н-ролла. Специализированная пресса назвала этот состав «Университетом Корнера» и была права.

Приведем несколько имен: Мик Джеггер, Чарли Уоттс, Лонг Джон Болдри, Грэхэм Бонд, Джинджер Бэйкер, Дик Хекстал-Смит, Джек Брюс и Эрик Бердон. Именно у Алексиса Корнера все они получали тот идейный заряд, который позднее в полной мере реализовали «Роллинг Стоунз» и «Энимаалз».

Ученики обошли своего учителя, но Корнер продолжал работать, в 70-х он записал несколько топ-синглов; время от времени проводил небольшие турне, играя блюз-роковый материал. Его последнее выступление состоялось на Кембриджском фольклестивале в 1983 году.

1 января 1984 года Алексис Корнер умер от рака легких. Самой большой наградой его жизни стал титул «отца белого блюза», который он разделил с другим культовым музыкантом — Джоном Мэйалом.

Как никто другой, Джон Мэйал сумел совместить блюзовые интонации с электрическим звучанием рок-музыки. Мэйала не ограничивался исполнением одного только блюзового материала и с удовольствием синтезировал его с самыми различными стилями и течениями. В числе его интересов были: кантри, рок, джаз, соул, поп и госпел. И так уж получалось, что именно Алексис Корнер заметил подающего надежды гитариста и пригласил в Лондон, оказал ему протекцию.

Джон Мэйал родился 29 ноября 1933 года в городке Макклэфид в семье, где кумиром был джаз. Отец Мэйала привил ему любовь к блюзу, и к 13 годам Джон всюду играл на гитаре и банджо, поражая своих сверстников. В 1950 году он создал первое блюзовое трио, но музыкальные опыты пришлось оставить — три года гитаристу пришлось провести в армии.

Лишь в 1955 году в Манчестере он смог создать первый стабильный состав — «Пауэрхауз» с басистом Джоном Мак-Ви, гитаристом Берни Уотсоном и ударником Кейтом Робертсоном.

Позднее этот коллектив переименовался в «Блюз синдикат». Состав синдиката менялся от пластинок к пластинке, и, подобно Корнеру, Мэйал дал путевку в жизнь огромной массе рок-н-ролловых талантов. Среди них: Эрик Кляптон, Питер Грин, Мик Тэйлор, Киф Хартли, Энди Фрэнсер, Джон Хайман, и многие другие, чьи имена нам прекрасно известны.

Коллективы Мэйала не имели особого коммерческого успеха (не считая разве что диска «Crusade», попавшего в Топ 10), но Мэйал, несмотря на это, был и остается одним из наиболее уважаемых музыкантов на мировой рок-сцене. Выпустив более пятидесяти пластинок и

сборников, Джон по-прежнему продолжает появляться на сцене, играя блюзовый и джаз-роковый материал.

И Корнер и Мэйал остались в рок-истории как люди, внесшие большой вклад в развитие и создание британской рок-сцены. Но коммерческим успехом по большому счету мог похвастаться лишь один человек, начинавший свою карьеру в далекие 50-е. Речь идет о «вечнозеленом» Клиффе Ричарде.

Ричард — это своеобразный ответ Великобритании на феномен Элвиса Пресли. Правда несколько запоздалый, но тем не менее удачный. Клифф (его настоящее имя Харри Уэбб) родился 14 октября 1940 года в индийском городе Лахнау. В возрасте восьми лет вернулся вместе с семьей на Британские острова, в Лондон. В школе юный Уэбб стал выступать с группой «Куинтоунс». Казалось, что музыка не будет основным делом жизни (Харри готовился к карьере бухгалтера). Но после школы он стал вечерами петь на танцах, и женская часть аудитории очень восторженно реагировала на красивое, уверенное пение. Предложения не заставили себя ждать.

Басист «Дрифтерс» Иэн Сэмвелл написал для него первый сингл «Move It», и эта песня стала бестселлером летом 1959 года. Британия обрекла своего мини-Элвиса и не замедлила причислить его к числу своих рок-н-ролловых героев.

Вероятно, консерватизм англичан сыграл в становлении Клиффа Ричарда не последнюю роль. Островитяне с трудом примирились с тем, что новая музыка родилась за пределами их королевства, и, обретя своего рок-н-роллера, не дали ему упасть. За последующие шесть лет Клифф записал 42 песни (!), попавшие в британский хит-парад! Из них семь добрались до первого места...

Успех у широкой публики отразился на творчестве певца, и, стараясь не потерять его, он постепенно сместил область своих музыкальных интересов от рок-н-ролла до поп-продукции. Совсем другое дело —

«Шэдоус», сопровождающий состав Ричарда.

Когда в 1958 году Клифф искал группу для того, чтобы отправиться в турне, он пригласил ребят из «Дрифтерс». После турне с ним остались лишь гитарист Хэнк Мэрвин и гитарист Брюс Уэлч. Другими участниками будущих «Шэдоус» стали басист Терри Доджонс и ударник Тони Микэн, практиковавшие прежде в «Вайперс» и «Мост Бразерс». Своеобразная «вибрирующая» гитарная игра — отличительный знак «Шэдоус». В 1959 году они выпустили первый самостоятельный сингл «Воскресный танец», а уже следующий сингл — инструментальный номер «Апач» достиг первого места!

По сути дела, в конце 50-х «Шэдоус» были первыми предвестниками бит-революции.

В конце 50-х еще не функционировало, но уже нарождалось целое поколение британских рокеров, через каких-либо пару лет потрясших весь мир.

Безумный Скримин Лорд Сатч уже вынашивал планы китевых выступлений и в 1958 году сформировал свой первый состав «Свэйджес» (кто знает, что там будет играть Ритчи Блэкмор?). Именно где-то здесь берут начало всемирно известные кошмары Элиса Купера...

Кто еще? О. К. — Джон Лонг Болдри, Джим Капальди, Джо Кокер, Цайрил Дэвис, Дэвид Эдмунд, Джордж Фэйм, Крис Фарлоу, Джерри энд Писмейкерс...

Трудно перечислить всех, кто в эти годы только обретал первые навыки рок-игры, но эти опыты не прошли даром — следующие десять лет известны в рок-истории как «Британское вторжение». И началось оно с рождения бита. Но об этом в следующий раз...

Алексей Сидоров

Продолжение следует

Играете ли вы в преферанс?

С этим вопросом мы обратились к студентам нескольких московских вузов. Какие же ответы были получены в результате нашего импровизированного социологического исследования?

Более 40 процентов опрошенных восторженно сообщили, что преферанс — их самая любимая игра и что в нее они играют и дома, и на отдыхе, и в общежитии, и... на лекциях.

«Мы бы рады, — отвечали на наш вопрос остальные, — да где же научиться?..» И действительно, литературы по правилам игры в преферанс днем с огнем не найдешь, а для друзей, умеющих играть, обучение — горький труд, да и не каждый согласится. Одним словом, тот случай, когда есть желание, а нет возможности.

И нам стало ясно, что возникший немногим более века назад преферанс пользуется в современной студенческой среде невероятно большой популярностью. Да это и не случайно. Ведь тактика и возможности преферанса сравнимы разве что с шахматами. Он без сомнения может быть отнесен к разряду высокоинтеллектуальных игр.

Незаслуженно обиженный клеймом «азартности», он был причислен к играм «вне закона». Наш журнал решил первым вступить за честь этой замечательной игры.

В материалах, посвященных преферансу, мы планируем рассказать нашим читателям о правилах, начиная с азов; дадим советы, разъясним важнейшие заповеди, приведем примеры, а также поведаем о нескольких разновидностях игры.

Если вас заинтересовало наше предложение — напишите нам. Публикация о преферансе сможет появиться в журнале только с вашего одобрения.

Ждем ваших писем.

А. Гольдбург

Хаус-мюзик из Чикаго

Для начала познакомьтесь с лапидарным определением из будущих рок- и поп-энциклопедий. «Хаус-мюзик — это стиль, который город Чикаго подарил всему миру, предварительно обобрав весь свет». Не ясно. Тогда прибегнем к метафоре: «Хаус-мюзик — это нервное окончание музыкально-электронной цепочки: синтезатор — компьютер — сэмплер». Ну а если и художественное видение проблемы не рассеяло некоторого недоумения, придется процитировать, разумеется, без ссылки на первоисточник одно из пионеров этого направления в поп-музыке — американского диск-жокея Франки Накаса: «Если при этих звуках тебя, приятель, не тянет плясать — значит, ты уже покойник!»

Ну, теперь, кажется, все встало на свои места. Хаус-мюзик — это стопроцентное электронное звучание (не путать с электрическим), это гипнотический ритм 125 ударов в минуту, это революция в музыке, которую не заметили в некоторых концах планеты только по той причине, что в сфере рока

На снимках: Адамски, лидер британской ветви хаус-мюзик, солистка группы «Black Box» Катрина.

и «попса» революции случаются чуть ли не каждый день. Девиз этого стиля соответствует программе-минимум любой захудалой дискотеки: «Отплясывайте, ноги». Мозг, сердце, а также пламенный мотор всего вышеозначенного стиля — электронный композитор и аранжировщик — сэмплер — чудо, сокрытое в затемненных недрах звукозаписывающих студий. Эта компьютерная «музыкарубка» преобразует в заданном ритме хаус-мюзик заимствования из любых самых популярных мелодий. Можно даже из «Лунной сонаты».

Кстати, сам стиль родился как бы из банального юридического казуса. В, казалось бы, непробиваемой и непроницаемой системе «копи райт» была обнаружена обидная зияющая дыра. В 1987 году группа злоумышленников, скрывавшаяся под групповой кличкой «M/A/R/S», при помощи сэм-

лера и банальной ловкости рук выпустила в свет песенку «Pump Up the Volume», представляющую из себя некий «коллаж» почти тридцати заимствованных отрывков. Выпущена скандал, пострадавшие песенники требовали возмещения материального и морального ущерба. Но не тут-то было. Выяснилось, что минимальные кражи отдельных кусков музыкальных фраз законом не караются, так сказать, с миру по нотке — кому-то прибыльная песенка.

В образовавшуюся в авторском законодательстве щель устремился целый легион программистов-композиторов, которые принялись спорно подниматься по ступенькам разных хит-парадов. Беспристрастная статистика свидетельствует, что, например, в Великобритании за последние три-четыре года наибольший коммерческий успех выпал на долю дисков с записями, как вы уже догадаетесь, сделанными в технике хаус-мюзик: 1987-й — «M/A/R/S» с «Pump Up the Volume», 1988-й — «YAZZ» «Only Way is Up». Наконец, в прошлом году на авансцену вышла группа «Black Box» с песенкой «Ride on Time», которая почти шесть недель возглавляла английские хит-парады.

Между прочим, последняя группа оказалась к тому же

итальянской. Итальянская группа на вершине популярности в англосаксонском мире! Невиданно! Почти в это же время чудо японской инженерной мысли — сэмплер помог совершить прорыв в Америку бельгийским музыкантам. Представляете, как удивились всегдагатай чикагских дискотек: «Бельгия? А где это?»

Правда, у новых музыкантов-электронщиков не сложились отношения с прессой. В лучших застойных традициях английские «Сан» и «Деяли миррор» обозвали новый стиль «наркотиком» и «домом ужасов», чем и возбудили дополнительно любопытство тинейджеров, утроив количество публики в дискотеках. Но тут опомнился закон. Группа консервативных депутатов во главе с Брайтом добилась принятия в английском парламенте специальной резолюции, запрещающей проведение крупномасштабных праздников хаус-мюзик, собравших тысячи влюков «Битлз». Отныне организаторов подобных сборищ ожидает штраф в 200 тысяч фунтов.

Это в Великобритании, а на другом берегу Атлантики два молодых дарования — Май и Эткинс продолжают свои эксперименты по созданию технохауса. Ничье без технологии в музыке нигуда!

Михаил Александров

«Эрконс» объявляет конкурс «Символ»!!!

Международный эколого-рекреационный консорциум — «Эрконс» — это значит: экология? — здоровье природы? — здоровье человека?!

консорциум? — объединение сил и средств независимых предприятий и фирм!!

«Эрконс»? — объединение 35 советских и 15 зарубежных предприятий и фирм во имя возрождения гармонии Природы и Человека!!

«Эрконс» — восстанавливает естественную природу и тем самым создает идеальные условия для отдыха, туризма. «Эрконс» — открыт для новых участников, и первым шагом входящих в наше общее дело станет ваше участие в конкурсе на символику «Эрконса»!

Предлагайте свои решения! Выбор способа выражения идеи символа за вами: рекламный плакат, сувенирный вымпел, значок, брелок, видеоклип, мелодия, песня, стихи, проза, рисунок, живопись, скульптура, документальная и художественная фотография, мультфильм, карикатура... Главное — ярко выразить идею «Эрконса»: возрождение Человека Природой и возрождение Природы Человеком!

Победители встретятся в Москве и Лос-Анджелесе в составе международной группы и будут участвовать в коллективной разработке окончательного варианта символики «Эрконса» совместно с профессиональными художниками, композиторами, дизайнерами и другими специалистами. Не забудьте сообщить свой адрес, телефон, а также свои предложения по сотрудничеству с «Эрконсом»!!! Надеемся видеть Вас среди членов «Эрконса»!!!

Справку по телефону: 963 35-89.

Наш адрес: 121249, Москва, Кутузовский проспект, д. 2, гостиница «Украина», консорциум «Эрконс» (конкурс «Символ»).

Вице-президент «Эрконса» Игорь Сердюков

ДРУЗЬЯ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Сенсация рубрики!

Нами получены — впервые и сразу два! — письма из Ирана.

Обоим нашим иранским читателям по 19 лет. Одного зовут Берюз, другого — Аболфаз.

Молодые люди хотят переписываться с советскими студентами на английском языке.

Учитывая особенности этой страны, мы хотели бы передать адреса иранских юношей персонально тем, кто хотел бы с ними вступить в переписку.

Пишите в редакцию с пометкой на конверте «Друзья по переписке — Иран». Пожалуйста, в своем письме немного расскажите о себе и обоснуйте: поче-

му мы не стали сразу печатать адреса иранских читателей.

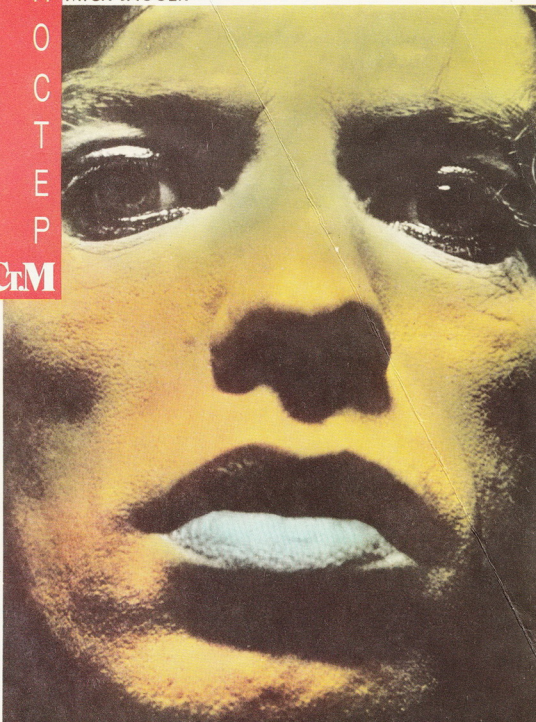
24-летняя аргентинка Валерия, увлеченная русской культурой и языком, хотела бы установить дружеские отношения со студентом (желательно из Сибири и Ставрополя). Валерия обещает содействие в установлении контактов со своими друзьями в Буэнос-Айресе всем написавшим ей (объявление оплачено).

Valeria Toscano
Garibaldi 335, 6 to, piso «B»,
(1878) Qilmes,
Pcia. de Buenos Aires
Argentina

П
О
С
Т
Е
Р

MICK JAGGER

С.М

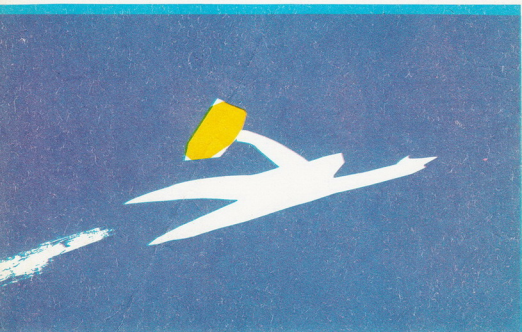

04/07/17

«ТБС»-АСКО:

как стать бизнесменом?

49-2

Стремительный и уверенный взлет к самым высоким орбитам международного бизнеса, коммерческой и предпринимательской деятельности гарантирует «Технологическая школа бизнеса» («ТБС») — учебно-методическое подразделение Ассоциации внешнеэкономического сотрудничества коммерческих

организаций СССР — АСКО. Семинар-практикум «ТБС» — АСКО открывается на страницах «Студенческого меридиана» с 1991 года. Семинар-практикум «ТБС» — АСКО — это теория и практика создания и становления совместных предприятий, кооперативов, ассоциаций и акционерных обществ, это необходимый минимум для того, чтобы начать свое дело с гарантией его успеха, это надежный путеводитель в мир рыночной экономики и бизнеса.